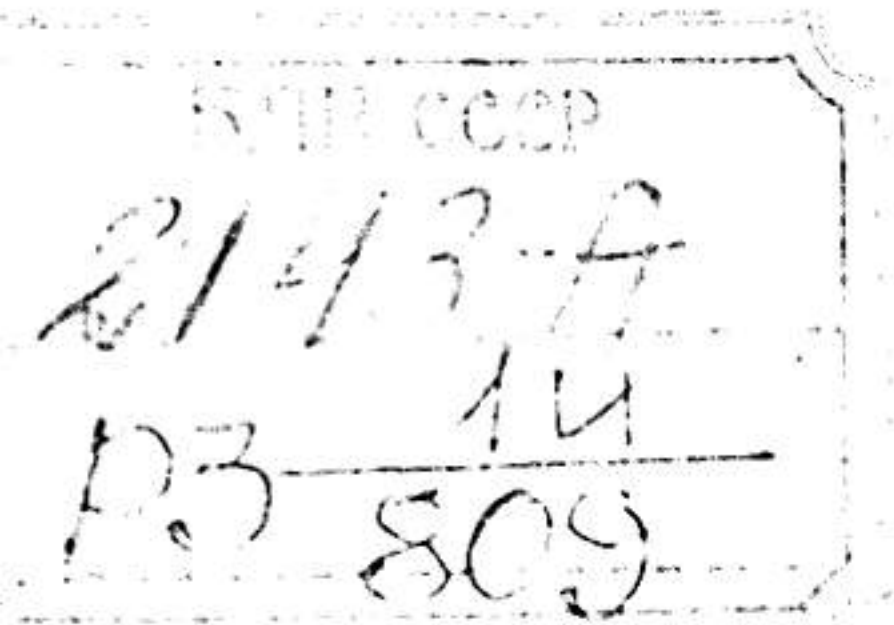

№ 5-е

21 13 11

9

Дионео

Англия после войны

Прага

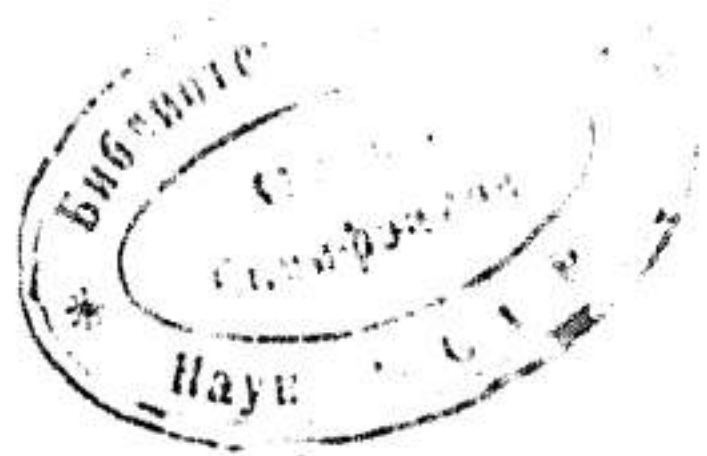
2142-11

P3 $\frac{14}{809}$

Дионео

Англия после войны.

ПЛМЯ

Прага

1923

EB_1923_LRZMON_00000007

Издательство „Пламя“
в Праге
под общим руководством
профессора Е. А. Ляцкого.

Печатано в тип. „Легиография“
Прага II., Revoluční 6.

Мировая война 1914 — 1918 гг. представляет собою одну из величайших катастроф в истории. Даже первые итоги, подведенные в двенадцатом издании Британской Энциклопедии, устрашают. Миллионы человеческих жизней погибли; вековые результаты коллективного труда обращены в прах; талантливые, трудолюбивые народы превращены в ничто; волна одичания и ожесточения захлестнула Европу; восставшие из гробов государства вышли на арену истории с теми же лозунгами, которые некогда довели их до могилы; рухнули империи; опошлены или заменены фальшивой монетой идеалы, глубоко волновавшие несколько поколений. Никогда так не проституировались благородные слова, как во время войны и в настоящее время.

После Тридцатилетней войны некоторые местности в Германии — например, Тюрингия, — не могли оправиться в течение двух веков. Чудовищная бойня 1914 — 1918 гг., по всей вероятности, явится началом гибели некоторых государств, переживших ее. Другие государства, более счастливые, очень медленно начинают оправляться после катастрофы.

Целью книги, лежащей перед читателем, является выяснить «социальную ферментацию», созданную в Англии войной и наметить начавшийся процесс возрождения.

Парламент спас Англию после Наполеоновских войн от революционного взрыва. Народовластие дало ей возможность оправиться и возродиться. Парламент тогда был демократизирован первым биллем о реформах. И без особых потрясений создавалась новая Англия, совершенно непохожая на ту, которая начала двадцатилетнюю борьбу с Францией.

Парламенту же предназначено возродить Англию после катастрофы 1914 — 1918 гг. и создать новую страну, непохожую на ту, которая в августе 1914 года захвачена была кровавым водополюем на континенте. С этой целью Палата Общин в 1918 году еще более демократизирована, чем раньше. В Англии народилась большая, сильная, крепко сплоченная, полная энтузиазма партия, готовая, как я выясню в книге, приступить через посредство Парламента к радикальному преобразованию страны.

Планы этой партии широки и смелы, но она твердо убеждена, что только эволюционным методом, а не революционным; через посредство законодательной палаты, свободно избранной всем населением, а не захватом власти; при содействии большинства, а не одного лишь класса, — возможно радикально изменить общественный строй.

Страну может обновить только демократия, а не единовластие, все равно, будет ли то белое или красное. Freiheit! Ein schönes Wort, wer's recht versteht — говорит Гете. Т о л ь к о демократия понимает это прекрасное слово, содержание которого является первым устоем гражданственности.

КРОВАВОЕ ПОХМЕЛЬЕ

I.

«В природе царствует явно выраженное насилие, своего рода свыше predetermined ярость, которая восстанавливает все живые существа *in mutua furore* — говорит Жозеф де Местр. Приговор о насильственной смерти написан на воротах самой жизни». Закон взаимного истребления установлен свыше. Волей Верховного Разума predetermined, чтобы самым страшным истребителем на земле был человек. «Сокрушающая рука человека не щадит ничего живущего. Он убивает, когда нападает, убивает, когда защищается, убивает, когда изучает, убивает для развлечения и убивает для процесса убийства». Должно быть существо, посланное верховной волей для истребления человека. И это существо — сам человек. «Ему predetermined убивать людей. Постановление это исполняется во время войны — говорит французский публицист. Разве не слышите вы, как стонет земля, требуя крови?...» Человеческая кровь, которую жадно пьет земля, необходима: это искупление за грехи людей. «Земля не вотще просила крови. Во время войны человеком овладевает божественная ярость (*fureur divine*), не имеющая ничего общего с ненавистью и гневом. Он идет на поле битвы, не сознавая, чего он хочет и что делает... Ангел истребитель, как солнце, кружится над несчастной землей и непрерывно толкает од-

ну нацию на другую. Чем больше грехов накопляется на земле, тем полет ангела истребителя ускоряется. Подобно тому, как быстрое вращение горящего факела образует один непрерывный огненный круг, полет ангела истребителя дает себя чувствовать одновременно в разных частях земного шара. Ангел то разит все народы, то, являясь исполнителем божьей мести, обрушивается на некоторые нации и топит их в крови... И приходит, наконец, время, когда божество, удовлетворенное кровью нагрешивших отцов, умилоствивляется и посылает сыновьям грешников великие обновления. Таким образом, — заключает де Местр, — война божественна в себе, так как является мировым законом» *).

Не в первый и, к сожалению, вероятно, не в последний раз, таким образом, делается попытка найти в человеческой жестокости, жадности, слепоте и глупости сокровенное, великое и мудрое значение. Более четырех лет «демон ярости летал с мечем карающим над грешною землей». На трех континентах земля упиалась до пресыщения человеческой кровью. Более четырех лет в разных странах посылали миллионы людей на смерть и увечье. Когда то в Индии брамины уверили сутти, что самосожжение является великим актом, приносящим честь вдове. Как баядера у Гете, сутти должна была с восторгом искать страшную смерть.

Meinen Gotten will ich wieder!
Und ich such' ihn in der Gruft.

Но так как инстинкт самосохранения мог пробудиться в последний момент, т. е. когда сутти, поло-

*) Joseph de Maistre. »Les soirées de Saint-Petersbourg«. Septième Entretien.

жив на грудь пару сандалий своего мужа, шла уже на костер, ее усиленно поили настоем индейской конопли. Таким же образом, в течение более четырех лет в воюющих странах гипнотизировали людей, посылаемых на смерть словами. Роль индейской конопли исполняли формулы, как: «благо грядущих поколений», «война за цивилизацию», «война против войны». Тем, которые выживут, обещали все...

Наконец, наступил столь желанный мир. Войну когда то принято было называть кровавым пиром. Если более четырех лет продолжался банкет, то он принес с собой кровавое похмелье. Его испытали многие страны, но в этой книге я буду говорить только об Англии.

» War never left a nation where it found it«, т. е., после войны страна никогда не бывает такою же, как до нее, — говорит Берк. В особенности это справедливо относительно мировой войны, переделавшей совершенно карту Европы. Германия была разгромлена и потеряла ряд провинций, исчезла с карты Австро-Венгрия, Россия была расчленена, возникли новые государства*). Одни из них никогда не знали самостоятельной жизни. Они бессильно барахтались, привлекая жадные взоры. Власть в этих новых государствах досталась не самым талантливым и самым честным, а тем, которые охотнее вступали в тайные соглашения с другими странами, жертвуя, ради власти, честью, достоинством родины, интересами сограждан.

*) Осенью 1917 года тогдашний премьер Англии Ллойд-Джордж, «после совещания с вождями всех политических партий», издал манифест, в котором возвестил цели войны. «Мы не боремся с германским народом, — читаем мы в манифесте. Разрушение германского союза никогда не составляло нашу цель.

Другие государства вышли из гроба после продолжительного сна. И некоторые из них, как Польша, вышли из гроба с теми самыми словами, с которыми сошли со сцены истории. Несчастья ничему не научили, так как немедленно начались процессы захватывания территорий у соседей, территорий, населенных чуждыми по языку и культуре национальностями. До войны Балканский полуостров представлял собою очаг беспрерывных войн. Мир балканизировал всю Европу.

Знаменитые писатели ярко изобразили лицемерие Тартюфа, Пекенифа и Иудушки Головлева. После великой войны появился новый вид лицемерия, несравненно худший, чем тот, который описал Мольер, Диккенс и Щедрин: — лицемерие целых наций и групп народов. Только вместо любви к Богу и Христу, Тартюфы — коллективы говорят о всеобщем мире, об интересах цивилизации, о самоопределении национальностей, — все те слова, которые служили в 1914-1918 годах «индейской коноплей» для миллионов «сутти», шедших на смерть. Эти слова, а в особенности последние (самоопределение национальностей), к несчастью, сулят новые войны. «Сделайте обзор всех стран Европы от берегов Шалона в Ирландии

Мы не воюем для того, чтобы *разрушить Австро-Венгрию*. Мы не воюем и для того, чтобы отнять у Турции ее столицу и ее богатые земли в Малой Азии и Фракии, где турецкое население составляет большинство». Союзники совершенно не имеют намерения стереть с карты Австро-Венгрию, если народам, входящим в состав империи дано будет действительное самоуправление, которого они так долго добиваются. В манифесте говорится о восстановлении самостоятельности Бельгии, Сербии и *Черногории*, и возвращении Эльзас-Лотарингии Франции. На основании этого манифеста совершенно нельзя было предвидеть Версальского договора.

до берегов Вислы и Дуная и вы всегда найдете накопление озлобления, как результат национализма — пишет известный английский государственный деятель лорд Хью Сесиль. Германские государственные деятели и полководцы, подготовившие и начавшие великую войну, были преданные патриоты, одушевленные чувством национализма. В этом может убедиться каждый, прочитав записки генерала Людендорфа или адмирала фон-Тирпитца, отдавших все своей родине. Патриотами, одушевленными чувством национализма, были не только германские милитаристы, но и убийцы — шин-фейнеры».

Что является в восточной Европе причиной насилий, беззакония и набегов?

«Конечно, дух национализма,—говорит Хью Сесиль. Генерал Желиговский — патриот. Все мадьяры, германцы, чехи, поляки, литовцы, румыны, кроаты, итальянцы, сербы, албанцы, болгары и греки, взаимная ненависть которых разоряет и держит в вечном брожении страны, лежащие между Балтийским морем и Архипелагом — патриоты, терзаемые полубезумным национализмом. Какое благо было бы для всего мира, если бы все они перестали ненавидеть чужие национальности, хотя бы даже ценой потери любви к своему народу».

Накануне заключения мира, в Англии вышла в высшей степени интересная и оригинальная книга, автор которой с большой проницательностью подходит к вопросу о национализме.

«Свобода, как она понимается многими теперь, часто означает *угнетение*, — говорит автор. В особенности это относится к так называемому национальному вопросу. Теоретически, национализм — это такая доктрина, в силу которой люди по своим

симпатиям и традициям образуют естественные группы, называемые нациями, каждая из которых должна иметь одно центральное правительство. В принципе эту доктрину можно принять. На практике же теория принимает такой вид:

— Я принадлежу по симпатиям и традициям к угнетенной национальности А, — рассуждает националист. Между тем я обязан подчиняться чуждому мне правительству, избранному нацией В. Это несправедливо не только с абстрактной точки зрения, но еще и потому, что нация А благородна, прогрессивна и культурна, тогда как нация В груба, ретроградна и коснеет в варварстве. Иногда к этому присоединяется еще высший аргумент: нация А — чистые арийцы, тогда как В — нация смешанная, вероятно, имеющая очень мало арийской крови в жилах. В силу всего этого нация А заслуживает самостоятельности, тогда как неисчислимы исторические преступления В давно уже требуют возмездия в виде унижения. Нация В, конечно, остается глухой и не внимлет всем этим обращениям к справедливости, подкрепленным враждою и презрением.

Но вот случается война, губительная для нации В. Нация А приобретает свободу и независимое существование. Освобождение порождает в нации и энергию, и гордость, неизменно претворяющиеся в стремление к завоеваниям. В мотивах не будет недостатка: «надо освободить национальность А, находящуюся под ярмом соседних народов. Вся она должна быть объединена». «Культурный, развивающийся народ не может не иметь выхода к свободному морю». »Hinterland без береговой полосы» или наоборот, «береговая полоса без Hinterland не имеют значения», и т. д. Освобожденная нация А начинает немедлен-

но готовиться к войне. Так как нигде в Европе нет территорий, занятых только одной национальностью, то оказывается, что в новом государстве, основанном нацией А, живет еще народ С, тоже добивающийся национального самоопределения. И это обстоятельство вызывает глубокое негодование у публицистов и общественных деятелей нации А.

— Чего захотели! Самоопределения? — негодует нация А. Всем известно, что нация С исторически составляет нераздельную часть нашего государства. Затем нация С некультурна, беспокойна, склонна к анархии, если не чувствует над собой сильной власти и вообще совершенно не подготовлена к самостоятельному существованию в семье народов» *).

II.

Каков вид Англии после великого «жертвоприношения», которое, если верить Жозефу де Местру, «должно твориться на земле бесконечно, безмерно, безустанно, покуда умрет сама смерть?»

Во время войны Англия мобилизовала белую армию, состоящую из 193.102 офицеров и 4.755.292 солдат, да, кроме того, цветнокожую армию (главным образом индусскую) из 388.599 человек. Из этой армии убито было офицеров 42.348 и солдат 724.500. Сюда надо включить еще 101.000 «пропавших без вести», но, повидимому, «погибших». Ранено было: офицеров 97.908 и солдат 1.993.081. Английские патриоты должны были утешаться тем, что неприятель по-

*) В. Russel, «Principles of Social Reconstruction», p. p. 30—35.

терял гораздо больше. В самом деле: в Германии зарегистрировано 1.846.293 убитых и раненых 4.247.864.

По словам де Местра, после войны, «божество, удовлетворенное кровью нагрешивших отцов, умиляется и посылает сыновьям грешников великое обновление». Каковы в Англии предвестники этого «великого обновления» после войны? За четыре года и три месяца войны Англия накопила колоссальный государственный долг. Об этом говорят следующие цифры. Государственный долг составляет:

1913 — 14	661.476.765	ф. ст.
1914 — 15	651.270.091	ф. ст.
1915 — 16	1.108.817.076	ф. ст.
1916 — 17	2.140.748.644	ф. ст.
1917 — 18	4.011.445.908	ф. ст.

Каждая война и раньше в истории Англии оставляла последующим поколениям огромный национальный долг. В Англии остряки давно уже указали, что там есть «королевский флот», «королевская армия», «королевский английский язык» (Kind English). Только долг называется не королевским, а национальным.

После революции 1689 года долг этот составлял	664.263	ф. ст.
При Вильгельме III, после войны, долг был	15.730.439	« «
При восшествии на престол королевы Анны	16.394.702	« «
При королеве Анне (война за Испанское наследство)	37.750.661	« «
При вступлении на престол Георга I в 1702 г.	54.145.363	« — «

Выплачено в мирное время	2.053.125	ф. ст.
При вступлении на престол Георга II в 1727 г.	52.092.238	« «
От вступления на престол Георга II до Парижск. мира 1763 г.	86.773.192	« «
Долг в 1763 году	138.865.430	« «
Выплачено в мирное время от 1763—1775 г. г.	10.281.795	« «
Долг в начале войны с Америкой	128.583.635	« «
Накоплено долгов во время Американской войны	121.267.993	« «
Долг к концу Американской войны в 1784 г.	249.851.628	« «
Выплачено в мирное время 1784—1793 г. г.	10.501.380	« «
Долг к началу войны с Францией в 1793 г.	239.350.148	« «
Долг, накопившийся за время войны с Францией	601.500.343	« «
К 1817 году Англия была должна	840.850.491	« «

Каждые сто лет в последнее время происходят великие войны, кончающиеся переделом карты Европы (война за Испанское наследство в начале XVIII века, Наполеоновские войны в начале XIX века, мировая война в XX веке). Каждая из этих войн сильно гонит вверх национальный долг Англии. Обуславливается это, между прочим, тем, что во время очередных столкновений народов Англия играет роль банкира для своих союзников. Во время Наполеоновских войн, например, Англия дала Пруссии 7 милл. ф. ст., Австрии — 11 милл. ф. ст., Португалии — 12 милл. ф. ст., России — 9½ милл. ф. ст. В 1914-18 гг. Англия дала своим союзникам более миллиарда ф. ст. То была бессрочная ссуда, которую, повиди-

мому, никто из должников не намерен отдавать. К концу Наполеоновских войн государственный долг на человека составлял 42 ф. ст., и к концу мировой войны — 87 ф. ст. Если принять во внимание, что ценность денег была сто лет тому назад выше чем теперь и что производительные силы Англии за сто лет чрезвычайно возросли, то надо придти к заключению, что бремя долга если не равно теперь, то немногим лишь тяжелее, чем в 1816 году. Как хорошие деловые люди, англичане немедленно после войны постарались составить правильный бюджет. Для этого пришлось ввести огромные налоги, падающие всею тяжестью преимущественно на средние и выше-средние классы. В 1830 году, т. е. перед первым биллем о реформах, каждый англичанин платил государству 2 ф. 6 ш. в год, тогда как теперь платит 16 ф. ст. 12 шиллингов. Во Франции на человека приходится государственных налогов только 6,4 ф. ст., а в Соединенных Штатах — 6 ф. ст. Война привела к чрезмерному вздорожанию жизни.

Цены, конечно, понизились сравнительно с худшими моментами войны, но они и в 1922 году были еще очень высоки. Следующая таблица покажет вздорожание жизни по третям года, до осени 1921 года.

	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921
Январь . . .	10,15%	35	65	85,9	120	125	165
Апрель . . .	15,20	35,4	70,75	90,95	110	132	133
Июль . . .	25	45,5	80	100,1	105	152	119
Октябрь . . .	30	50,55	75,8	115	120	164	118

В мае 1923 г. стоимость жизни превышала довоенную на 70%.

Еще один барометр в Англии, крайне чувстви-

тельный к каждой войне: цены на хлеб. Двадцатый век открылся в Англии наиболее низкими ценами на хлеб, когда либо известными раньше: 25 ш. 8 пенсов за четверть. В 1914 году четверть пшеницы стоила 34 шил. 11 пен.

В 1915 году	52 ш. 10 п.
1916 году	58 ш. 5 п.
1917 году	75 ш. 9 п.

Во время Наполеоновских войн четверть пшеницы доходила до 122 шил. До такого катастрофического состояния не доходили цены на хлеб в самые мрачные моменты мировой войны, когда германские подводные лодки блокировали берега Соединенного Королевства.

Война, в коммерческом отношении, «испортила» лучшие рынки Англии. Чтобы выяснить этот пункт, я возьму два совершенно нормальные года до войны, два года, когда не было ни больших стачек, ни вообще промышленных потрясений, ни кризисов: возьму 1905 и 1906 годы. Они нам помогут определить, какие страны являлись лучшими рынками для английских фабрикатов.

Ввоз в Англию в фун. стер.	Вывоз из Англии.
1905 г. 565.019.917	329.816.614
1906 г. 607.888.000	375.575.338

Из Британских колоний ввезено было в Англию

в 1905 г. на	127.868.726 ф. ст.
1906 г. на	142.165.240 ф. ст.

Вывезено было из Англии:

В британские колонии	В другие государства
в 1905 году на 113.437.811	216.378.803
» 1906 году » 121.341.278	254.234.060

Эти цифры показывают, что в совершенно нормальный год иностранные государства поглощали 67,4% английской вывозной торговли.

Теперь постараемся определить, какие из иностранных государств являлись в совершенно нормальное время лучшими покупателями английских товаров. Цифры эти определяют нам также и значение русского рынка, о котором много говорят после войны.

Вывезено из Англии в	1905 году В фунт. ст.	1906 году В фунт. ст.
Соед. Штаты	23.915.918	27.764.905
Францию	16.142.890	20.444.756
Германию	29.704.449	33.558.954
Голландию	9.683.829	11.608.723
Бельгию	10.056.009	11.595.075
Росию	8.169.454	8.858.388
Испанию	4.245.843	4.626.004
Египет	7.848.948	8.935.749
Китай	13.136.648	12.199.913
Бразилию	6.618.181	7.643.451
Италию	8.829.876	11.164.694
Швецию	5.194.784	5.584.996
Турцию	6.631.386	8.016.431
Аргентину	13.002.611	19.428.641
Данию	4.013.750	4.665.143
Португалию	2.247.801	2.603.960
Румынию	1.237.169	1.594.522
Чили	4.461.521	6.077.690
Японию	9.661.896	12.907.675
Норвегию	3.341.023	3.724.446
Яву	2.992.776	2.923.916
Грецию	1.170.093	1.400.190

Герм. Зап. Африку	1.463.102	976.090
Австрию	1.856.672	2.432.895
Перу	1.201.823	
Центр. Америку .	967.610	1.344.992
Уругвай	2.020.312	1.049.277
Канарские острова	827.677	2.233.227
Мексикку	1.879.719	923.730
Филип. острова .	2.130.850	2.326.279
Колумбию	574.990	1.513.642
Венецуэлу	476.080	948.467
Алжирию	552.642	704.182
Морокко	587.097	615.651
Эквадор	435.944	718.050
Гаити	292.432	386.771
Тунис	292.494	329.434
Герм. В. Африку	2.596.794	372.239
Персию	473.026	2.599.711
Сиам	532.872	478.602
Болгарию	568.683	670.138
Мадагаскар	35.608	567.093
Индо-Китай	65.696	31.784
Другие страны . .	4.176.825	4.620.309
	<hr/>	
	216.378.803	253.170.765

Эта таблица показывает, что лучшими покупателями Англии до войны были Германия, Соединенные штаты и Франция. Россия занимала только *одиннадцатое* место, уступая по значению даже Египту. Германский рынок поглощал 13,2% всех фабрикатов, вывозимых Англией, тогда как русский рынок только 3,4%. Цифры, определяющие вывоз, менялись, но коэффициент, показывающий процентное значение разных стран в иностранной торговле Англии, ос-

тается постоянной величиной. Значительная часть лучших английских рынков сильно пострадала от войны; покупатель обеднел и стал производить меньше ценностей, которые он мог бы предложить в обмен за английские фабрикаты.

В особенности пострадала Англия от разорения германского рынка. С конца восьмидесятых годов до самой войны английские фабриканты и заводчики, обрабатывающие не текстильные вещества, жаловались непрерывно на то, что Германия вытесняет их на всех рынках. Этими жалобами наполнены уже синие книги, вышедшие в 1885 году*). И когда германская конкуренция перестала существовать совершенно, стоны и жалобы английских заводчиков на застой усилились. Они желали бы, чтобы французы как-нибудь совершенно уничтожили германскую промышленность и превратили бы Германию в исключительно земледельческую страну, которая поглощала бы все фабрикаты, посылаемые туда Бирмингэмом, Шеффилдом и Ковентри.

Перейдем к дальнейшим результатам великой войны.

III.

Задолго до войны в Англии наметился фактор, имевший огромное влияние на ее иностранную политику: денежный капитал, помещенный в иностранных предприятиях, или «космополитизированный капитал». В моей книге «Очерки современной Англии»

*) С — 4621, 4715, 4797 и 4893. См. Дионео, «Очерки современной Англии». СПб. 1903, стр. 35—67.

я указал, что уже в 1893 году британский космополитизированный капитал составлял 15% всех богатств Соединенного Королевства. В начале XX века космополитизированный капитал равнялся двум миллиардам ф. ст. Конечно, мы теперь привыкли оперировать с миллиардами, но миллиарды ф. ст. не то же самое, что миллиарды рублей. «Современная иностранная политика Англии это — борьба за рынки не для сбыта фабрикатов, а для более выгодного помещения капитала, — писал Гобсон в самом начале XX века. С каждым годом Англия все больше и больше становится страной, живущей данью, получаемой извне... Это, быть может, наиважнейший фактор современной британской политики» *).

Англия никому из иностранных государств не была должна, тогда как ей все были должны. В результате получается то, что труд иностранных государств «шел в дом», т. е. Англия получала проценты на капитал, помещенный в иностранных предприятиях. «Из дома» же деньги не уходили, т. е. англичанам не приходилось работать, чтобы таким образом платить проценты по своим бумагам, находящимся в руках иностранцев. Война изменила все. Перед самой войной «в доме» из за границы ежегодно получалась колоссальная сумма в 200.000.000 ф. ст. То были проценты на космополитизированный капитал. Во время войны государство, чтобы платить по контрактам, заключенным для себя или для союзников за границей, покупало иностранные обязательства и вывозило их. Таким образом, накопленный капитал растаял. Кроме того, Англия должна Америке 800. 000 ф. ст., за которые должна платить ежегодно

*) »Imperialism the policy of investors«, 1901.

40.000 ф. ст. в виде процентов. Таким образом, после войны Англия должна «вывозить из дома». Труд ее граждан теперь идет за границу. Там едят его другие. Кроме этих 40 мил., Англия должна платить еще ежегодно 320 мил. ф. ст. в виде процентов другим своим кредиторам. И так как Англия решила ввести нормальный бюджет и не жить выпуском кредитных бумажек, как делают это все остальные государства Европы (бюджет 1922 года сведен даже с остатком в 100 мил. ф. ст.), то пришлось установить огромные налоги. По вычислениям Эдгара Грэммонда, 23% всего дохода англичанина отнимается теперь государством. Другими словами это означает следующее: англичанин из средних классов работает 3 месяца на государство и только девять месяцев на себя и на свою семью. Приведу несколько цифр из «белой книги», изданной в мае 1923 года. В 1913-14 финансовом году государственный расход Англии был 207.817.437 ф. ст., а в 1923-24 году — 875.534.000 ф. ст., т. е. в четыре раза больше. Правда, в 1922 году Англия расходовала еще больше, а именно: 968.008.113 ф. ст., но все-таки за восемь лет государственный расход вырос в четыре раза.

Перед войной публицисты ужасались колоссальностью сумм, расходуемых на вооружение. Война, между прочим, была войной против безумных трат на армию. Мир должен был принести с собою разоружение и огромное сокращение военного бюджета. Вот что говорит нам белая книга*). Расходы на содержание боевых сил составляли в Англии

в 1913—14 году	86.027.992 ф. ст.
в 1923—24 году	144.922.000 ф. ст.

*) Cost of Government. (Cmd. 1867), 1924.

Вся гражданская машина стоила в 1913-14 году — 55.005.722 ф. ст., тогда как теперь 285.455.000 ф. ст. Обусловливается это, главным образом, пенсией, которую государство выдает воинам (74.273.000 ф. ст.). Государство расходует теперь больше на народное образование (51,2 мил. ф. ст., тогда как в 1913—14 году — только 19,1 мил. ф. ст.) и на пенсию старикам (21,2 мил. ф. ст., тогда как до войны — 12,4 мил. ф. ст.*).

IV.

После Наполеоновских войн в английских газетах появился особый отдел »General Unrest«: «Общее тревожное состояние». В этом отделе сообщалось, что Бирмингэм кует копья, чтобы двинуться на Лондон, «две тысячи мятежников приближаются к столице», и т. д. Такой же отдел появился в английских газетах после великой войны. Приведу для примера заголовки или, точнее, ряд заголовков, набранных жирным шрифтом через два столбца.

«Около четырех миллионов рабочих забастовали. Самое мрачное время за сто лет в английской промышленности. Внешняя торговля теряет сотни миллионов ф. ст.

Безработных 2.147.400. Стачечников углекопов —1.000.000. Стачечников ткачей—600.000. Ввозная торговля сократилась на 379.517.554 ф. ст., вывозная торговля уменьшилась на 263.535.940 ф. ст.».

Или вот другая статья из того же отдела. «Столкновение 10.000 манифестантов на Трафальгарской площади с полицией. Пущены в ход дубинки. Ране-

*) Cost of Government. (Cmd. 1867), 1924.

ные отвезены в госпиталь». Рядом с этими сообщениями в отделе мы находим отчеты о революционных речах, обыкновенно озаглавленных так: »Wild talk«, т. е. «Неленые речи». Приведу несколько примеров. Дело идет о большой стачке углекопов в 1921 году, о которой будет речь дальше в книге. «Железнодорожная стачка, заключающая все возможности революции, захватила нас неподготовленными — заявляет председатель Клайдского Рабочего Комитета Галакер. Теперь углекопы готовятся к великой борьбе с капитализмом. До марта нам необходимо собрать все силы, чтобы всемерно поддержать углекопов. Последний час капитализма пробил. И когда этот строй исчезнет, мы дадим королю возможность *опытно* изучить промышленность. Пусть он неделю или две поработает на литейном заводе. Увидим, будет ли он и после этого болтать елейные слова о промышленности.

Долой монархию.
Долой капитализм.

Вперед, рабочие социалистической республики!» *)

Или вот еще отчет о речах. «Комитет *Руки прочь от России*» и Великобританская Коммунистическая партия устроили в громадной Альбертовой зале 8 ноября 1920 года митинг, чтобы приветствовать трехлетие Советской Республики. Британская Коммунистическая партия насчитывает горсточку молодых людей. Прежде было непонятной тайной, каким образом эти молодые люди, не имевшие раньше гроша за душой, нашли возможность печатать огромную агитационную литературу и снимать для митинга Аль-

*) Перепечатано из коммунистической газеты »Worker«.

бертовую залу, для чего надо около двух тысяч ф. ст. Потом тайна разъяснилась*).

На митинге, между прочим, выступил оратор член парламента Малон, — ирландец по национальности, буржуа по происхождению, бывший офицер по профессии, сноб и очень умеренный либерал по взглядам. Он поехал в Россию. Пробыл там две недели и возвратился красным коммунистом. «Каждый мыслитель — коммунист знает, что если не пустить в ход не конституционных средств, капиталисты не откажутся от своих привилегий», — сказал Малон, повторяя, должно быть, урок, выученный во время поездки. Он настоятельно советовал слушателям «пустить в ход все, чтобы подготовить социальную революцию». Уже близок день, когда они все соберут-

*) В 1920 году Лансбери признал, что газета его «Daily Herald» получила из Москвы 75.000 ф. ст. Этот факт сперва категорически отрицался. «Мы не получили ни одной акции, ни одного рубля», — заявил Лансбери за неделю до того, как факт получения денег был им признан. 11 августа того же года фирма ювелиров в Лондоне приобрела от сына Лансбери и от коммуниста Фрэнсиса Мейнеля русских бриллиантов на 8 мил. ф. ст. В письме г-жи Сильвии Панкхерст к Ленину, найденном у тайного курьера, арестованного в 1920 году в Англии, издательница коммунистической газеты указывала, какие именно драгоценные камни лучше всего присылать в Англию. Русские драгоценности продавались в Лондоне на импровизированных рынках. Тогда, например, газеты писали об угольной лавочке в Уайтчепеле, владелец которой, принадлежащий к коммунистической партии, продавал огромные партии бриллиантов, рубинов и изумрудов. В английской ноте, посланной России в мае 1923 года, говорится о 75 тысячах ф. ст., переведенных из Москвы Британской Коммунистической партии. Социал-демократическая федерация отказалась тогда принять участие в манифестации, устроенной против ноты комитетом «Руки прочь от России», покуда не выяснен будет вопрос об этих 75 тысячах ф. ст.

ся в Альбертовой зале, чтобы благословить совершившуюся британскую революцию. «И когда день этот настанет, — горе тем, которые заступят нам дорогу! — воскликнул оратор. — Мы хотим совершенно изменить существующий строй. Чтобы избежать кровопролития и напрасных жестокостей, необходимо будет предварительно прибегнуть к фонарным столбам и к стенке. Что значит, действительно, если несколько Черчилей или Керзонов попадут на фонарь в сравнении с расстрелом в Армистраре или с казнью патриотов в Ирландии! Вообще смерть немногих преступников, казненных революционерами, ничто в сравнении с злодеяниями, совершенными наказанными злодеями, когда они стояли у власти. Примером является Россия». Другой оратор, Роберт Вильямс, тоже пламенный коммунист, напомнил слушателям, что иерихонские стены капитализма не падают от одних трубных звуков: нужно *действие*.

— Мы готовы! — раздались восклицания в зале.

— Не вы одни должны быть готовы, но еще и массы, а между тем они захлороформированы, — продолжал Роберт Вильямс. — Гипноз наведен газетами, которые создают тред-юнионисты своими руками. — Дайте мне диктатуру над Флит-стрит*) только на месяц и я вам уничтожу гипноз! — воскликнул Роберт Вильямс**).

Или возьмем такой факт. Прихожане жалуются на своего приходского священника, что тот в церкви повесил два флага: шин-фейнерский и красный. Помимо всего, это вызвало ряд беспорядков, ибо группа прихожан, считающая, что церковь существует для молитвы, а не для политики, отняла флаги и сожгла

*) Газетная улица в Лондоне.

***) «Times», November 8, 1920.

их. Священник повесил новые флаги. Священник объяснил, что «красный флаг — имеет религиозное и церковное значение»; что же касается шин-фейнерского флага, то он, священник, повесил его для того, чтобы выразить свои симпатии большинству населения в Ирландии.

«В каждом городе есть небольшая, но энергичная группа людей, зорко стерегущих наступление момента, когда можно будет опрокинуть весь существующий строй. Люди эти работают на средства, получаемые из за границы»^{*)}).

Слова, в роде тех, которые произнесены были в Альбертовом зале, учитывались на континенте, как действия.

V.

Другим явлением «кровавого похмелья» служит несомненное огрубение нравов, легко наблюдаемое в Англии каждым исследователем, знавшим страну до войны. Приведу выдержку из доклада священника доктора Майера на конгрессе Свободной Церкви в Лестере в марте 1920 года. Докладчик говорит о послевоенном увеличении числа преступлений, грубости и безнравственности. «Нас крайне смущают преступления и насилия всякого рода, обусловленные, несомненно, таким аномальным явлением, как война, — читаем мы в докладе священника Майера. — Тщательное исследование цифр, иллюстрирующих состояние общественной нравственности, несомненно говорит нам о вырождении расы^{**)}. Действительно, следящий внимательно за английской жизнью, может

^{*)} Из речи Черчила в *Times*, November 4, 1920.

^{**)} *Disillusions of Peace*, *Daily News* march 3, 1920.

отметить целый ряд преступлений, поражающих по своей жестокости и *бесцельности*. Последнее обстоятельство в Англии, конечно, составляет новое явление. Английская раса всегда отличалась сильными страстями, но воспитание и религия систематически приучили англичан контролировать свои инстинкты. Уже от раннего детства англичанин привыкает смотреть на самоконтроль и на развитие «задерживающих центров», как на высшую добродетель. Ничто так не смешит англичан в русских и во французах, как экспансивность. Преобладание чувства над волей кажется образованному англичанину свойством нисшей расы. «Природа посадила нам в сердце тигра и обезьяну. Но Разум научил держать этих зверей на цепи», — заметила когда-то видная английская общественная деятельница и писательница, разбирая нашумевший в то время роман о страстях. Формула: «Keep your feeling», т. е. «сдерживай проявления чувства», внушаемая английскими родителями и воспитателями, считается первой обязанностью для каждого образованного человека, для джентльмена. Образованных англичан *смешили* французские и итальянские пьесы с воплями, криками и бурными жестами. Война, между прочим, если не разрушила, то сильно повредила у англичан «задерживающие центры». «Незадолго до войны в Лондон приехали знаменитые сицилийские актеры, ставившие национальные драмы, — пишет известный английский публицист. Эти страстные драмы вызвали у публики прямо гомерический хохот. Сицилийские актеры вопили, безумствовали, сражались, кусались, ударяли друг друга кинжалами и проливали потоки слез, каждый раз, когда любимая девушка взглянет косо. Как мы все хохотали тогда! Сици-

лийская драма казалась нам тогда забавным фарсом. Процессы, разбирающиеся в Лондоне после войны, порождают вопрос: «Уж не превратились ли мы сами в сицилийцев?» *) Сказано несколько сильно. Англичане, конечно, не превратились в «сицилийцев» и никогда не превратятся, но наблюдатель мог бы отметить ряд необычных преступлений, порожденных страстями. Скандальные процессы, как, например, бракоразводное дело Ресселя, разбиравшееся дважды: в 1922 и 1923 годах, обнажили такие нравы высшего общества, о которых говорит только Ювенал в шестой сатире. Перед судом прошли светские дамы, к которым вполне применимы напоенные желчью стихи великого латинского сатирика:

*Nil non permittit mulier sibi, turpe putat nil,
Quum virides gemmas collo circumdedit et quum,
Auribus extensis magnos commisit elenchos.*

(Они считают, что все дозволено и не знают ничего предосудительного, если только украсят шею изумрудами и если огромные подвески оттянут их уши).

Этот процесс интересен еще в одном отношении. Действительно безобразный роман «La Garçonne», напумевший в конце 1922 года, был запрещен в Англии, а между тем во время процесса Ресселя газеты изо дня в день помещали полные стенографические отчеты, в которых говорилось о скандальных деяниях, могущих сравниться с самыми скабрёзными страницами запретной книги Маргерита.

Кровавое похмелье после войны сильно отразилось также на религиозном чувстве англичан. Огромные перемены в этой области невозможно отри-

*) «Equinot», «War and crime Psychology».

цать. Нам придется дальше в книге говорить подробно об этом явлении. Мы укажем покуда на два-три факта. Более ста лет тому назад, в разгар войны с Францией, появилась знаменитая книга »Age of Reason« написанная Томасом Пэном, присоединившимся к якобинцам и принимавшим участие в заседаниях Конвента. Автор был объявлен изгнанным из Англии, а книга его вызвала вопли ужаса и негодования. »Age of reason« это — критика установленного культа, причем надо сказать, что, как поклонник Робеспьера, Пэн не был атеистом. Напротив даже: вся книга проникнута теизмом. Английские священники, критиковавшие или, точнее, отчаянно бранившие книгу Пэна, в особенности приходили в ужас от одного места, где автор отрицает учение о грехопадении и искуплении. «Откуда могло возникнуть странное утверждение, что Господь, направляющий миллионы миров, оставил заботы о них всех, чтобы явиться на землю и умереть там, вследствие того, что какой то человек и какая то женщина съели здесь когда то яблоко?» — спрашивает Томас Пэн. Это место, как я сказал, вызвало в особенности не резкую критику, а яростную брань. При чтении ее вспоминается одно место у Лукиана. Боги невидимо присутствуют в Афинах на диспуте по поводу их существования. Один из диспутантов, Дамис, ссылаясь на бесчисленное зло, существующее в мире, приходит к заключению, что богов не существует. Ему отвечает философ богослов Тимокл. Боги, слушающие Дамиса, со скорбью признаются, что все аргументы против них. И вот вступает защитник богов Тимокл.

— Ты — богохульник! Ты — негодяй! Ты — проклятое чудовище! Ты — бессовестный злодей! — начинает философ.

И испуганные боги переводят дух.

— Так, так, Тимокл! — говорит главный бог. — Бранись сильнее. В брани вся твоя сила! Как только начнешь приводить доказательства, тебе придется онеметь, как рыбе.

Возвратимся, однако, к Томасу Пэну. Итак, его отрицание догмата искупления вызвало яростные обличения. Теперь посмотрим, что происходит в Англии после великой войны. На церковном конгрессе в 1920 году два епископа высказались за символическое значение библейского рассказа о грехопадении. На конгрессе 1922 года один епископ англиканской церкви заявил, что так как догмат искупления является логическим последствием учения о грехопадении, то необходимо оставить и его.

— Что же нам остается тогда? С чем мы явемся к верующим? — тоскливо воскликнули рядовые священники. И этот вопрос: «Что же остается?» — напрашивается постоянно, когда мы следим теперь за попытками английских священников, пытавшихся найти примирение между разумом и культом, чтобы встретить все нарастающий скептицизм.

Во второй и в шестой сатире Ювенал отмечает любопытное явление. Его современники все больше и больше теряли веру в установленный культ. И параллельно с этим нарастало у наиболее образованных людей самое грубое суеверие. Это любопытное явление наблюдается в Англии после войны. Наряду с опустением церквей и, будто бы, с ростом скептицизма, усиливаются такие течения, как «теософизм», «спиритизм» и т. д. Во главе спиритов становится врач сэр А. Конан Дойль (автор «Шерлок Холмса») и профессор физики сэр Оливер Лодж. Конан

Дойль, стоявший до войны во главе «Рационалистической лиги», заявляет, что установленный культ, продержавшийся почти двадцать веков, умер и что на смену идет новая религия — спиритизм. Приведу выдержку из отчета заседания спиритов в ратуше одного из лондонских округов. «Сэр Конал Дойль со страстной искренностью и с глубоким чувством рассказывал о том, как к нему в первый раз явился умерший сын. Оратор приводил это, как доказательство того, что отошедшие в другой мир могут возвращаться».

«Моими собственными глазами я видел в наше время чудеса, о которых говорят апостолы... Установленный культ погиб, потому что отценил машину, приводившую все в движение: — *буквальную* веру в загробный мир. Точно так, как христианство обновило Рим, спиритизм обновил христианство»^{*)}).

Дальше в книге я подробно возвращусь к этим фактам и попытаюсь найти им объяснение.

VI.

Охотнее всего публицисты прибегают к ничему, в сущности, не значущему, но многообещающему слову «вырождение», когда встречаются с фактами, знаменующими некоторый временный упадок в нравах известной части общества. Добрососедские отношения европейских стран давно уже проявляются в том, что публицисты одного государства находят все «несомненные» признаки вырождения у дорогого соседа, который отвечает тою же любезностью. Другие пу-

^{*)} »Evening Standard«, March 31, 1920.

блицисты открывают симптомы дегенерации в собственной стране. В 1876 году Ломброзо выступил с теорией, что в современном культурном обществе живет доисторический человек, дегенерат, прирожденный преступник, *l'uomo delinquente* по терминологии итальянского психиатра и криминалиста. В этом преступном человеке живут, в силу закона наследственности, психические и физические особенности отдаленных предков. Этот выродившийся человек, — доказывал Ломброзо, — обнаруживает все свойства дикаря, до притупленной чувствительности и до любви к татуировке включительно.

«Выродились целые классы, точнее говоря, — буржуазия, — ставили еще до войны диагноз другие публицисты. Нет такого французского порнографа, до автора »*Garçonne*« включительно, который не приводил бы высших соображений о «вырождении буржуазии», как оправдание для безгранично скабрёзных сцен, изображенных им.

«Ну, конечно, вся Европа выродилась после войны!» — говорят нам публицисты, произведения которых имели огромный успех. И в доказательство своего основного положения публицисты обновляют старинную теорию Вико, в силу которой все народы проходят свой жизненный путь одинаковым образом и... одинаково обречены на одряхление и на смерть. Война ускоряет процессы одряхления народов, подобно тому, как злоупотребление алкоголем или опиумом приближает смерть у индивидуума. Нам говорят, что близится смерть Европы. Старый мир выродился и обречен на гибель. Теперь, после войны, Европа представляет собою банкрота не только в моральном, но и в буквальном, финансовом, смысле, — говорит, например, в своей книге Нитти. «В Европе теперь

вряд-ли есть хоть одно государство, живущее своими доходами, — говорит итальянский государственный деятель. Производство хлеба, добыча угля и железа, приготовление химических продуктов для удобрения всюду в Европе сократилось». Европа после войны представляет уже не одну дружно работающую семью народов, а «грубую потасовку победителей и побежденных». Даже в самых просвещенных странах Европы «культурная жизнь висит на волоске», — говорит Нитти. Выродившаяся, одряхлевшая и обанкротившаяся Европа, долго державшая в своих руках скипетр власти над всем земным шаром и твердо сидевшая на мировом денежном сундуке, должна теперь уступить место другому континенту, — говорят нам другие исследователи. Европа должна отдать теперь и скипетр и денежный сундук. За наследниками дело не станет. Центр тяжести мировой культуры постепенно перемещается с Востока на Запад. Он находился сперва в долинах великих рек, Нила, Ефрата, Тигра, Инда. Потом центр передвинулся на берега Средиземного моря, затем — на берега Атлантического океана. Теперь, после великой войны, — говорят нам, — намечается новое перемещение центра культуры и мировой политики: — на берега Великого океана.

«Цивилизация в опасности! — восклицает англо-американский социолог Лотроп Стоддарт, недавно выпустивший любопытное, хотя крайне «размашистое», исследование, усиленно комментируемое в англо-саксонских странах *). Автор вспоминает погибшие цивилизации Египта, Рима и перо-арабского мира. Все они были растоптаны варварами, ко-

*) *Lothrop Stoddard, »The Revolt Against Civilisation«.* (Chapman and Hall).

гда ослабел и истощился мужественный «верхний пласт» населения, образовавшийся путем естественного отбора. Вместо сильных, мужественных и умных, поднялись наверх слабые, трусливые и глупые. И тогда цивилизация не выдержала напора варваров. Современному миру опасность грозит не извне, так как турки не могут более вторгнуться на Запад, а *изнутри*.

Стоддард понимает слово «лучшие» не в смысле происхождения, а способностей. «Неприспособленные» могут быть на самом верху, а «лучшие» на самом дне. Социолог хочет только сказать, что не все, принадлежащие к «верхнему пласту» выродились и не все, принадлежащие к нижнему слою, полны сил. При нормальных условиях, в действительно демократическом государстве, непрерывно происходит такой процесс: слабые, выродившиеся элементы из верхнего пласта опускаются на дно, а сильные, талантливые элементы поднимаются со «дна» наверх. В любой семье, поставленной в самые благоприятные условия, не все дети одинаковы по способностям. То же самое происходит в современном обществе. В каждом классе есть индивидуумы, отделенные друг от друга не только веками, но даже геологическими эпохами. «В то время, как один рожден, чтобы наложить новые цепи на силы Природы и подчинить ее человеку, другой глядит еще на мир глазами викинга X века, белого гунна, только что явившегося из глубины степей или даже антропоида, знавшего только две заботы в жизни: пищу и самку». Покуда в тезисах Стоддарда мы видим только смесь теорий Гобино и Ломброзо. «Высший тип» (не по происхождению, а по способностям), по мнению Стоддарда, гораздо менее плодovit, чем современный

«ВИКИНГ», «БЕЛЫЙ ГУНН» или антропоид, которые обыкновенно оставляют большое потомство. «Высший тип» не только должен выносить на своих плечах бремя цивилизации, но обязан еще заботиться о многочисленном дефектном потомстве современных «гуннов» и «антропоидов». Индивидуумы высшего типа облагают себя огромными налогами, дабы дать возможность современным потомкам саблезубого тигра наплодить возможно больше дикарей. При нормальных условиях, все неприспособленные к жизни должны были бы сойти со сцены. Мы же пытаемся «вбить науку в умы совершенно неприспособленные для нее и даем возможность политической власти индивидуумам, общественные идеалы которых не поднимаются выше узких интересов своего класса». В современном обществе, по мнению Стоддарда, растет «первобытный человек», полный ненависти и злобы. Этот современник мамонта ненавидит не только экономическое, но и умственное превосходство. «День» его приходит обыкновенно после полного ослабления и истощения общества во время великой войны. Современник саблезубого тигра стремится уничтожить тогда все то, что создали люди другой культуры: религию, нравственность, образование. По мнению Стоддарда, теперь именно наступил момент, когда озлобленный «белый гунн» нанесет Европейской цивилизации страшный удар, от которого она, по всей вероятности, не оправится.

Мы, русские, знаем неизмеримо более талантливое предсказание пришествия «белого гунна». Знаменитый автор, признавая, что «белый гунн» принесет с собою гибель Западной цивилизации, видел в этом разрушении, однако, залог великого обновления. «Кайтесь! Суд миру вашему пришел! — восклицает

знаменитый русский публицист, предсказывая Западному миру пришествие «белых гуннов». «Или вы не видите новых варваров, идущих разрушать? Они готовы, они как лава тяжело шевелятся под землею, внутри гор. Когда настанет их час — Геркуланум и Помпея исчезнут, хорошее и дурное, правый и виноватый погибнут рядом. Это будет не суд, не расправа, а катаклизм, переворот... Эти слова, эти варвары, идущие покончить дряхлое и бессильное и расчистить место свежему и новому, ближе нежели вы думаете». «Прощай отходящий мир, прощай Европа!» — говорит автор в другом месте *).

А. И. Герцен исходит из положения, что Европа в 1849 г. «выродилась» совершенно. «Все мельчает и вянет на истощенной почве — нету талантов, нету творцов, нету силы мысли, — нету силы воли; мир этот пережил эпоху своей славы, время Шиллера и Гете прошло так же, как время Рафаэля и Бонаротти, как время Вольтера и Руссо, как время Мирабо и Дантона; блестящая эпоха индустрии проходит, она пережита так же, как блестящая эпоха аристократии; все нищают, не обогащая никого». Привожу эти яркие строки для доказательства, что даже огромные таланты, обладающие сильным умом и широким образованием, становятся ложными пророками, когда предсказывают гибель от вырождения.

Вопрос о «вырождении» Европы поднят нами лишь попутно, так как наше исследование касается только Англии. Перейдем теперь к детальному рассмотрению упомянутых уже явлений, обозначившихся в Англии после войны.

*) А. И. Герцен, «С того берега».

РЕВОЛЮЦИОННОЕ БРОЖЕНИЕ

I.

Сильное брожение в английских трудящихся массах пришесено не войной. Для доказательства стоит только вспомнить грозное движение летом 1911 года, закончившееся беспрецедентной железнодорожной стачкой.

«Несколько недель подряд население многих больших приморских городов Англии и промышленных центров жило в условиях военного времени, — читаем мы в октябрьской книжке »Nineteenth Century« за 1911 год. Люди жили в таких условиях, которые будут в Англии тогда, когда ее окружит неприятельский флот. Доки и рынки опустели, фабрики закрылись, а поезда остановились. Толпы голодных и приведенных в отчаяние мужчин и женщин воюли на улицах Ливерпуля и других городов о пище и готовы были грабить, жечь, убивать. Мы видели специальных констеблей и солдат, охранявших собственность. Крейсера и сторожевые суда охраняли доки в приморских городах. Во многих местах Соединенного Королевства наблюдались случаи поджога, мятежа и кровавых столкновений с полицией и войсками.

Дороговизна съестных продуктов, голод, мятеж и гражданская война дали нам представление о том, что будет в Англии, если ее флот потерпит поражение.

ние. На первый взгляд, все случившееся кажется только тяжелым сном» *).

Когда эти строки были написаны, англичане, за долгие годы мира успевшие уже отвыкнуть от «тяжелых снов», имели склонность вообще сгущать краски в случае народных волнений: столкновение с полицией именовалось «мятежом», большая драка католиков с оранжистами в Бельфасте — «гражданской войной» и т. д. Но в данном случае автор не слишком густо мазнул сажей. Действительно, в конце июля 1911 года Англия пережила дни, которых не видала уже много десятков лет. «Ливерпуль и Лланли дали нам наглядное представление о характере того зверя, который таится в человеке, — писал Стэд, любивший по темпераменту своему сочные, яркие и кричащие краски. В первобытной грязи, лежащей на дне человеческого сердца, таится дракон. Религии, цивилизации и правительству удалось в течении веков загнать зверя в неведомые глубины души. Общая стачка, однако, раскрывает двери темницы. И тогда на свет Божий выползает тот самый зверь из бездны, про которого мы читали в апокалипсисе» **).

В одном из сборников рассказов Уэльса есть очерк «Набеги морских хищников». Автор описывает гигантских головоногих, известных в зоологии под названием *Nautilenthis ferox* и таящихся на больших глубинах. Эти головоногие внезапно после большой бури появились у берега мирного английского городка, пожирают купальщиков и нагоняют

*) »The Labour Revolt and Meaning«, »Nineteenth Century«. IX, 1911, p. 441.

***) »Nightmare of Civilisation«, »Review of Reviews« IX, 1911, p. 224.

панику на весь край. Многим англичанам казалось летом 1911 года, что такой *Hartolenthis ferox* поднялся внезапно со дна трущоб больших городов. Тревожные, сенсационные газетные статьи, появившиеся в английских газетах в июле и августе 1911 года, я бы мог формулировать словами шиллеровской Кассандры:

Und den Mordstahl seh' ich blinken
Und das Mörderauge glühn;
Nicht zur Rechten, nicht zur Linken
Kann ich vor dem Schreckniss fliehn.

«Разрушить общество, парализовать все, сокрушить цивилизацию для зверя из бездны так же легко, как для полдюжины пьяных баб, запасшихся керосином, не трудно поджечь в бурную ночь весь Константинополь», — вещала тогда одна из Кассандр (*).

Тогда же правильно было указано на то, чем движение 1911 года отличалось от предшествовавших стачек. Новой чертой являлась «консолидация» разных трэд-юнионов и объединение их интересов.

«До последнего времени каждый трэд-юнион интересовался только своими частными делами, — писал тогда Эллис Баркер. Рабочие, занятые в строительном деле, принадлежали к семидесяти двум профессиональным союзам; занятые в горном — к восьмидесяти двум союзам. Рабочие по металлу делились на 207 трэд-юнионов. В ткацком деле был 271 профессиональный союз и т. д. В общем, в четырнадцати отраслях промышленности было 1153 трэд-юниона. Многие профессиональные союзы были малы, слабы и постоянно ссорились друг с другом.

*) »Review of Reviews«, IX, 1911, p. 248.

Во время стачки в долине Ронды (в Ваниге) рабочие у подъемной машины на верху шахты и машинисты на дне штольни принадлежали к разным организациям. Каждая из них имела отдельные соглашения с предпринимателями и была во вражде с другою.

Несколько лет тому назад возникла большая стачка на верфях в Тайне. Причиной было то, что два профессиональные союза (Fitters and Plumbers Unions) никак не могли поладить, кому из них прокладывать трубы диаметром в 2½ дюйма. Подобных примеров много*). «Начинается новая эра промышленных войн, — писал тогда другой английский журнал. Препятствия условия больше никогда не возвратятся. Препятствия стачка ограничивалась одной фабрикой или, самое большее, одним отделом какого нибудь производства. Профессиональный союз интересовался только делами своих сочленов. Новое движение не признает больше такого ограничения. Стачка не имеет уже резко очерченных границ**).

II.

В августе 1911 года — «впервые в истории рабочего движения в Англии», как отмечает автор статьи в «English History» в последнем издании «Британской Энциклопедии». — проведена была «национальная стачка», т. е. общая забастовка на всех железных дорогах. Железнодорожная стачка провозглашена была 17 августа. В самом Лондоне движение не совсем прекратилось, хотя серьезно было нару-

*) »Nineteenth Century«, IX, 1911, p. 451.

***) »The Outlook, VIII, 1911, p. 226.

шено. Только некоторые железнодорожные компании обратились к правительству за войсками для охранения станций. Почти у всех сигнальных пунктов в столице помещены были солдаты, но стачечники держали себя необыкновенно спокойно. Лондон с его многомиллионным населением раскинут на громадной территории. Целая сеть трамваев и железных дорог дает возможность населению жить далеко от центра, от своих контор, торговых домов, мастерских и канцелярий. И когда движение на железных дорогах прекратилось, замерли сразу все нервные узлы громадного промышленного организма: банки, фабрики, мастерские и т. д., так как служащие не могли попасть на работу. Правильно поддерживалось только сообщение с континентом; но на таких станциях, как Виктория, Чаринг-Кросс, Хольборн и Уозерлу, откуда отправляются континентальные поезда, клэрки служили носильщиками, а инженеры — стрелочниками. Гораздо сильнее чувствовалась стачка в провинции, где она к тому же сопровождалась во многих местах серьезными беспорядками. Самое острое столкновение между стачечниками и войсками произошло 19 августа в Лланли, в Валисе. «Беспорядки начались здесь с момента провозглашения стачки, — писал корреспондент «Таймса». Восемнадцатого августа поведение толпы было таково, что были вызваны войска, и следственный судья прочитал закон о мятеже. Толпа рассеялась; но на следующий день беспорядки возобновились, когда стачечники завидели приближавшийся поезд. Сперва толпа только кричала «бу-у-у!», — позволив поезду подойти к станции; но тут стачечники взобрались на паровоз, столкнули машинистов и залили огонь. Подоспели войска. Толпа спряталась за соседними заборами и

стала швырять в солдат камнями и кусками железа. Солдаты примкнули штыки, но в толпе кричали, что это только пугают. Тогда следственный судья прочел закон о мятеже. Толпа все еще принимала это за шутку. И когда один из офицеров выстрелил в воздух, раздались насмешливые крики. Камни сыпались на солдат со всех сторон. Офицер велел дать залп в воздух, а затем в толпу. Пулями были убиты наповал двое и ранено четверо. Один из убитых, Уорси, только что вышел в сад своего дома, чтобы посмотреть в чем дело... Толпа разбежалась. Непосредственно после этого стачечники и сочувствующие организовали митинг для протеста против поведения войск. Ораторы грозили тем, которые провозгласили закон о мятеже, — продолжает корреспондент «Таймса». Как только стемнело, толпа стала со всех сторон собираться у железнодорожной станции, где все еще стоял поезд, задержанный днем стачечниками. Толпа открыла товарные вагоны и овладела находившимися там одеялами, платьем, съестными продуктами и ящиками с бутылками водки. Платье, одеяла и провизия были разобраны. Что же касается бутылок с водкой, то толпа тут же распила их и подожгла вагоны. Затем стачечники отправились в город, где разгромили лавки, а также дома судей, вызвавших войска и читавших закон о мятеже. Для прекращения беспорядков были вызваны солдаты и полиция, разогнавшие буянов, действуя прикладами и дубинками, причем многие были ранены. Арестовали одного. Толпа разбежалась, но потом опять собралась у складов Западной железной дороги, двери которых были выбиты. В амбарах толпа нашла водку, которую выпила. Затем склады были преданы огню. Вдруг раздался страшный взрыв, так как в амбарах хранился груз

цилиндров с порохом и кордитом. От взрыва убито было пять человек и ранено восемь. Солдаты штыками разгоняли толпу, при чем ранены многие. Беспорядки продолжались до трех часов утра»^{*)}). О настроении рабочего населения в Лланли можно судить по сценам во время похорон рабочих, убитых солдатами. «Капиталисты ответили нам свинцом на просьбы о хлебе, — сказал один из ораторов. Хорошо же! Скоро придет и наш черед, когда мы на свинец ответим свинцом».

Беспорядки аналогичного характера произошли в долине Тафф (в Валисе), где раздражение против железнодорожных компаний существует еще с 1900 года^{**}). Я остановился несколько подробнее на железнодорожной стачке 1911 года не только потому, что это первое большое революционное выступление английских рабочих в XX веке, но также и потому, что характер, который приняла беспорядки (разгром домов и лавок, ограбление складов со спиртом, повальное пьянство) показал *одинаковость* человеческой природы во всех странах. Западные публицисты напрасно объясняли печальные эксцессы в России нашей «дикостью».

Der schrecklichste der Schrecken
Das ist der Mensch in seinem Wahn!

В августе 1911 года Англия была *ближе чем когда либо впоследствии* (писано в мае 1923 года) к самым серьезным кровавым мятежам. Теперь мы точно знаем, почему рабочие вожди тогда убедили массы прекратить стачку. Причиной явилось сильное пат-

^{*)} »Times«, August 19, 1911.

^{**}) См. Дионео, «Синдикализм в Англии», «Русск. Богат.» X, 1911.

риотическое чувство. Как раз во время описываемых стачек возникло осложнение с Германией, известное под названием Агадирского инцидента. Англия была накануне войны, и флот был мобилизован. Первый министр призвал рабочих вождей и на тайном заседании открыл им всю серьезность положения, и патриотизм взял верх над классовыми интересами. Английские трэд-юнионисты любят свою родину и верят в то, что в Парламенте скорее и радикальнее осуществляются великие реформы, чем путем восстаний. Вера, что конституционные средства *практичнее* и действительнее революционных, — крепка у огромного большинства английских рабочих. С 1908 года английская Рабочая партия окончательно приняла социалистическую программу, но осталась при мнении, что перестроить Англию по этой программе может Парламент, т. е. рабочие, получившие на выборах большинство голосов. Точнее говоря, программа намечала непосредственные практические шаги. Что же касается социалистического строя вообще, то рядовые рабочие принимали его, как нечто отдаленное, как царство небесное, о деталях которого не говорят. В самом деле: кто же из верующих обсуждает, из какой материи, какого цвета и какого покроя будут хитоны у всех, попавших в царство небесное?

Но хмель действует на самые крепкие головы, если эти люди, умеющие вообще выносить опьяняющие напитки, крайне возбуждены или находятся под палящим солнцем. Таким «хмелем», сразу ударившим в крепкие головы, была большевистская революция в октябре 1917 года. Английские рабочие вожди знали лично, по эмиграции, многих из тех людей, которые участвовали в революции. Это знание давало «конкретность» всем сведениям. И вот полу-

чается известие, что эти люди в такой степени превратили в действительность далекий идеал, что теперь остается только обсуждать «цвет и покрой хитона». Переворот в России произошёл в конце октября, а в декабре 1917 года Ллойд-Джордж, как теперь точно установлено, вел уже в Лондоне тайные переговоры с представителями большевиков о признании. В конце декабря корреспондент либеральной газеты «Daily News»*) прислал обширную телеграмму из Москвы, в которой в ослепительных красках описывал изумительные достижения большевиков. Корреспондент изображал гениев, сверх-людей, сразу переделавших старый мир. Страна восторженно приняла новый строй, против которого только «несколько реакционеров». Большевистский посланник в Лондоне г. Литвинов, с которым тогда Ллойд-Джордж вел тайные переговоры о полном признании, в январе 1918 года в либеральной «Westminster Gazette» заявил, что переворот произошёл, собственно говоря, бескровно. Все толки о «крови» до такой степени смутны и до такой степени вздорны, что их и опровергать не стоит. Контр-революционеры морочат англичан «выдумками про тиранию, деспотизм, запрещение газет, разрушение промышленности, самосуд, господство черни и про другие ужасы»**). «Мне нечего опровергать», — писал г. Литвинов. В этой статье есть еще одно любопытное место. «Я должен указать еще на одну разницу между правительством Керенского и Ленина, — писал г. Литвинов. Большевики, критикуя политику Милюкова, Гучкова и Керенского, признавали их авторитет, как правитель-

*) В номере от 31 декабря 1917 года.

**) «Westminster Gazette», January 17, 1918.

ства и участвовали в работах советов и комиссий; оппоненты же большевистского правительства делают все возможное, чтобы бойкотировать его и захолодить государственную машину». Таким образом, г. Литвинов, ведший тогда переговоры с Ллойд-Джорджем, выступил пред англичанами, как конституционалист. Либеральная газета, конечно, понимала, что выступление с оружием в руках против правительства, свержение его и разгон Учредительного Собрания не совсем гармонирует с тем, что пишет г. Литвинов, но в передовой статье притворилась, что верит его аргументам.

Итак, английские рабочие узнали, что в России в один день, «почти бескровно», установлен земной рай. Факт существования рая до такой степени очевиден, что его признают буржуазные газеты! Корреспондент «капиталистической» *Daily News* «собственными глазами» видел рай! «Свои» наблюдатели подтвердили показания о существовании рая. Джордж Лэнсбери, например, умилительно рассказал, как он *плясал от восторга*, подобно библейскому Давиду, но только не перед ковчегом, а в роскошном советском доме, где пролетарские дети — воспитываются, как дети принцев*).

И при чтении таких восторженных описаний земного рая, в котором так прекрасно, что даже у шестидесятипятилетнего Лэнсбери является непреодолимое желание плясать от восторга, — у рядово-

*) «Нас приветствовали пением, танцами и декламацией, — рассказывал г. Лэнсбери. Не понимая языка, мы быстро усвоили напев и даже схватили несколько слов. Так как во мне столько же детского, как и в малютках, окружавших меня, я тотчас же решил присоединиться к танцам... И мы все пели и плясали». (*George Lansbury, »What I saw in Russia«, p. 24*).

го английского рабочего зарождались вопросы: «правда ли, что конституционные методы лучше революционных? Зачем ждать сто лет, когда все можно осуществить сразу? Мы знали Н гладильщиком панталон в Уайтчепеле, а он теперь стал дипломатом. «Зачем и мне не тешиться в боях?» Действительно ли Парламент пригоден для проведения радикальных преобразований? Не лучше ли советы?»

«Английскому пролетариату надо последовать теперь примеру большевиков, — объясняли рабочие на Клайде в январе 1918 года корреспонденту той самой либеральной газеты, которая первая в Англии возвестила, что в России осуществился земной рай. Надо требовать теперь перемирия и осуществить мир на принципах, намеченных в России: без аннексий, без контрибуций и на основании самоопределения национальностей. Какое право имеет государство звать нас в солдаты и посылать на войну, когда по нашему убеждению надо заключать мир? Мы имеем право знать, за что сражаемся. Не хотим на войну: мы убеждены, что путем переговоров можно добиться большего, чем силой оружия» *).

На конгрессе Рабочей партии в Лидсе Англию разделили на тринадцать округов и назначили для каждого округа совет на случай революции, которую ждали «вот-вот». Под «манифестом», выпущенным тогда, значатся имена общественных деятелей, которые потом решительно выступили против «большевизма» в Англии; например, под манифестом значится имя Рамсея Макдональда. Тогда же возник в Англии «Комитет действия», опять таки на случай революции. Сформирован был также комитет «Руки

*) *«Daily News»*, January, 18, 1918.

прочь от России». В то время английские рядовые рабочие не только свято верили каждому слову таких певцов советского строя, как Ренсом, Гуд и Лэнсбери, но расцветчивали своим воображением и без того лучезарные картины. Когда начали получаться из России опровержения, английские рабочие досадливо отмахивались от них. Наконец, возвратились из России свои ходоки, которых послали высмотреть все. И тогда английский рядовой рабочий решил: «это нам не подходит», но в то же время вожди их настаивали, чтобы никто не мешал советской власти. «Вмешательство помешает довести до конца в высшей степени важный опыт, удача или неудача которого имеет огромное значение для всего мира. Мы должны видеть до конца опыт насаждения коммунизма в большой стране», — читаем мы в заявлении «Национального Административного Совета Независимой Рабочей Партии». Другими словами: «Господа невежды! Не мешайте экспериментатору привить чуму морской свинке. Не сантиментальничайте! Если морская свинка не выдержит опыта, — беда не велика. Морских свинок много и они только и годятся для опытов над ними... Руки прочь от России!..»

Под влиянием гипноза слова или другой причины, но мы видим верующих в советский рай, вопреки всем разоблачениям. Приведу один пример. В 1921 году на заседании Образовательного комитета Лондонского графства, член комитета коммунистов Уоттс внес такое предложение. «Так как абсолютно необходимо, чтобы лондонское юношество имело правильное знание о таком чудесном событии, как русская революция и последующие за ней происшествия, то Образовательный комитет должен издать краткую

историю великой эпохи. История должна быть написана коммунистом или хотя бы скомпилирована по коммунистическим источникам». Резолюцию поддержал рабочий Аммон. Только эти два лица и голосовали за предложение.

«Большевиков изобразили кровавыми тиранами, — объяснял Уоттс, защищая свое предложение. Между тем, люди, управляющие Россией, устроили рай для детей, стариков и больных. Можно ли называть тиранами людей, осуществивших такое удивительное дело?»

Либеральная печать, конечно, не могла интересоваться коммунистическим опытом, но она усиленно поддерживала советскую власть, потому что мир, обрабатывающий текстильные вещества, изготовил в 1918 году, рассчитывая на затяжную войну, огромную массу ситца и сукон, которые надо было сбыть во что бы то ни стало. В расчете на огромные барыши, все в Англии спекулировали в начале 1918 года на сукна и ситец. Не было лавочки, не было цидульника, которые бы тогда на все свободные деньги не купили сукна или полотна, рассчитывая перепродать казне товар с громадной прибылью. В это время на «сукне», на «полотне» да еще на консервах богатели в одну неделю. И вдруг «неожиданный мир» оставил на руках у больших и маленьких спекулянтов громадное количество товаров. Все эти люди — избиратели. Выборы должны были состояться в конце 1918 года. И раздались вопли: «Советская Россия наш единственный рынок! Нам нет никакого дела до правительства страны. Ведь мы торговали и с людоедами». Словом, Манчестр хотел торговать. И Манчестр, желавший сбыть возможно скорее и возможно выгоднее товары, оставшиеся у него на руках, стал

ужасно революционным, когда дело касалось России. Он обзывал «реакционерами» и «контр-революционерами» всех русских, не восхищавшихся большевиками.

III.

К концу 1920 года рабочее движение в Англии вошло в «конституционные берега», хотя не достигло еще до предела. Идеалы рядовых рабочих стали шире, а требования выросли. Явилось твердое сознание, что рабочие сами должны и могут стать у власти в Парламенте. Словом, брожение усилилось, но приняло чисто английский характер. Остались, конечно, группы и партии, недовольные Парламентом, желающие видеть революцию и верящие только в нее. Мы будем еще говорить о разных выступлениях этих революционных групп. В период 1920—1923 г. г. в Англии появилось несколько исследователей, имеющих задачей определить революционное брожение, происхождение его, размеры и возможности. Наиболее ценны и интересны исследования, произведенные специальными корреспондентами больших английских газет. Таковы, например, статьи доктора Шедуэла, появившиеся в «Таймсе» и вышедшие потом отдельной книгой. Перед нами беспристрастный экономист, глубоко симпатизирующий массам, умственно свободный и не скованный никакими канонизированными формулами. В этом отношении его наблюдения более ценны, чем выводы исследователей, желавших непременно подогнать жизнь под предвзятую теорию, социалистическую или консервативную. Наличие революционного брожения в Англии не отрицается теперь никем, но в консерва-

тивных газетах наблюдается стремление объяснить все большевизмом. Доктор Шедуэл, признавая историческое значение русской революции, отказывается объяснить брожение в Англии только влиянием большевиков. «Русская катастрофа имела большее интернациональное значение, чем имела когда-либо французская революция, ибо идея, лежащая в основе большевизма, уничтожает все политические, географические и другие произвольные границы. В силу этого большевизм носит по преимуществу прозелитский характер. И тем не менее, — продолжает Шедуэл, — было бы совершенно произвольно отождествлять революционное брожение в Англии с большевизмом. Русская революция дала поразительный пример, ослепила воображение английских рабочих в особенности тем, что долго не было точных данных о всем осуществленном. Но гипнотическое влияние большевистской революции не было продолжительным. По мере того, как в Англии получались точные сведения, обаяние революции исчезало. Старания английских друзей большевиков представить все осуществленное в радужных красках, принесло русским более вреда, чем пользы, ибо становилось очевидно, что эти защитники что то скрывают и что то тщательно обходят*». Затем появились наблюдения

*) «Я возвратился из России еще более восторженным сторонником Советской республики, чем раньше, — сказал в июне 1920 года рабочий вождь Роберт Вильямс. Я теперь убежден, что советская власть просуществует долго и будет иметь огромное влияние на рабочее движение всех стран».

— Правда ли, что в России стеснена свобода? — спросили транспортные рабочие у Вильямса. — Правда ли, что вся печать находится в руках правительства и что меньшевикам запрещают издавать газеты? Правда ли, что существует принудительная работа?

более беспристрастных исследователей, и большевистские акции совершенно упали на революционной бирже. Мало того, эти акции начали крайне стеснять тех дельцов, которые раньше усиленно на них спекулировали. Большевизм явился в Англии скорее разъединяющей, чем объединяющей силой. Подтверждением является то, что уже в декабре 1921 года шотландская секция Независимой Рабочей Партии постановила не присоединяться к Московскому Интернационалу. Русской революцией еще восхищаются в Англии, ее восхваляют*) и защищают от нападений, но, повидимому, прочно установилось такое мнение: конечно, цель большевизма желательна; но методы, при помощи которых она достигается теперь, не применимы в Англии, хотя, быть может, вполне уместны в России**). Автор высказывает еще соображения, почему большевизм не может иметь успеха в Шотландии, т. е. именно там, где революционное брожение всего сильнее. «Народ, сбросив-

— Да, правда, — ответил Роберт Вильямс, — но все это абсолютно необходимо. Все это — результаты войны. Все государства стеснили личную свободу во время войны. Россия имеет больше основания и больше права, чем какое-либо другое государство, сделать то же самое. Русское правительство считает эти меры временными. Оно отменит их совершенно, как только кончится война («The Power behind Lenin». »Manchester Guardian«, June 2, 1920).

*) «Девятый конгресс Британской Социалистической партии выражает свое восхищение перед безграничным мужеством и славными осуществлениями русских рабочих и крестьян, давших Социалистическую республику, осуществивших заветную мечту целого ряда поколений и подавших таким образом пример пролетариату всего мира», — читаем мы в одной из резолюций этого съезда. («Daily Telegraph», April 4, 1920.

**) Dr. A. Shadwell, »The Revolutionary Movement«. Series of articles. »Times«, January 1922.

ший несколько веков тому назад иго Ватикана, не может подчиниться теперь декретам, выпущенным в Кремле. Что бы ни случилось, англичане и шотландцы пойдут собственным путем. Англия, прежде всего, страна нонконформистов. Эта черта сказывается во всем. Народ не для того упорно добивался в течение веков свободы совести, чтобы теперь беспрекословно подчиниться марксистской иерархии и ее догматам, носящим почти богословский характер. В «Justice» за 30 декабря 1921 года помещен отчет о коммунистическом митинге в Глазго, во время которого произошла ссора между наиболее выдающимися вождями. Комментируя этот отчет, старейшая английская социалистическая газета замечает с горечью: «Никогда еще социалистическое движение не проявляло такого легкомыслия, больше того, такой глупости, как теперь... Здесь, в Глазго, коммунизм породил только надменное самолюбие, эгоизм и ненависть, т. е. тех трех фурий, которых мы считаем только исчадиями капиталистического строя».

«Не будет преувеличением, — говорит Шедуэл, — если мы скажем, что революционное движение в Англии больше боится большевизма, чем «контр-революционеров».

Революционное брожение в Англии несомненно существует, но задача большинства этих революционеров не выполнение традиционной программы: т. е. не захват власти силой, не упразднение конституции, не изгнание или казнь короля, не баррикады и не кровопролитие на улицах. Английские рабочие думают о социальной революции по преимуществу, но думают осуществить ее конституционным способом, при помощи победы на парламентских выборах.

Конечно, мы слышим также «пламенные речи»

о «баррикадах», о разрушении Парламента, о вооружении пролетариата и другие ставшие классическими «страшные слова». Вот, например, «манифест», выпущенный организацией с длинным названием, в котором больше слов, чем сочленов в обществе: »British Bureau of the International Council of Trade and Industrial Unions«. Под манифестом, зовущим в «Красный Интернационал», значатся подписи Роберта Вильямса, Тома Мэна и Мёрфи. Они обещают английским рабочим, что «Красный Интернационал сделает для Европы и для стран всего мира то же, что коммунисты сделали для России». Вот журнал «Красная коммуна», The Red Commune Он призывает «немедленно ниспровергнуть капиталистическое общество и заменить его Коммунистической республикой и диктатурой пролетариата». «Необходимо немедленно разрушить парламентаризм и заменить его советами революционных рабочих». Журнал призывает рабочих «бойкотировать выборы». На конгрессе трэд-юнионистов Персел «настоятельно рекомендует немедленно свергнуть правительство». Что дальше будет, оратора не интересует. Будет уже то хорошо, что «запрут Парламент». Надо стремиться к революции. Революция, конечно, имеет только тогда ценность, «когда выполнена по коммунистической программе».

Я бы мог привести еще более «страшные слова», но оценивая их значение, надо постоянно твердо помнить, сколько человек стоит за оратором, который следует совету Генриха Гейне немецкому политическому поэту:

Sei nicht mehr die weiche Flöte . . .
Sei Kanone; sei Kartaupe,
Blase, schmettre, donnre, töte!

А народу за этими «страшными» ораторами следует очень мало*).

Какие элементы в Англии наиболее революционны теперь? Когда то в Германии, а впоследствии в России революционным бродилом была университетская молодежь. У нас в течение целого ряда лет тюрьмы и места ссылки были наполнены почти по преимуществу студентами. Каждая революционная теория находила, прежде всего, сторонников среди учащихся высших учебных заведений. В глазах провинциального русского обывателя слова «студент» и «революционер» были долгое время синонимами. Возжи, стоявшие вне университета, сознательно привлекали учащуюся молодежь, как наиболее «подходящий боевой материал». Каждая революционная формула захватывала в университетах бесконечно много последователей. Одни находили это явление печальным, другие — радовались «чуткости» и «отзывчивости» русской молодежи, которой противопоставляли «мещанство» германских или французских студентов. Вопрос этот, конечно, очень интересный, по поводу которого можно спорить и приводить доводы за и против. Но «у нас теперь не то в предмете». Мы хотим сказать несколько слов об английском студенте. В Англии вообще учащаяся моло-

*) «Рабочая Партия должна совершенно прямо обличать всякую форму правительственной тирании, белой или красной, в Англии или за-границей, — сказал Сидней Вебб, открывая 26 июня 1923 года конгресс Рабочей Партии в Лондоне. Надо помнить, что основателем Британского Социализма был не Карл Маркс, а Роберт Оуэн, проповедывавший не классовую борьбу, а освященную временем доктрину братства всего человечества». («Times», June 27, 1923).

«Не русским учить нас социализму», — сказал другой делегат.

деж стоит в стороне от политических партий: она учится, играет в футбол, читает, танцует «джез», шалит. Студенты составляют даже кружки и общества, интересующиеся философскими и политическими вопросами, но это далеко от всего того, что было в русских университетах до революции. Университетское начальство предоставляет студентам увлекаться, если хотят, «субверсивными» идеями. В восьмидесятых годах XIX века в Оксфордском университете был кружок студентов социалистов, из которого вышли такие деятели, как, например, Граам Уоллэс, автор исследования о Фрэнсисе Плэсе. После войны какое то новое дуновение проникло в Оксфордский университет, и мы видим там «русское» явление: студентов, проповедующих социальную революцию, «как у большевиков». Очевидно, движение было необычно, если университетское начальство приняло такую необыкновенную для Англии меру, как исключение студентов. Этот факт, происшедший в декабре 1922 года, вызвал много толков в печати. Главным виновником был признан студент Рид, явившийся в Оксфордский университет из аристократической итонской школы, где учатся дети только очень богатых родителей. В каждом английском университете существуют печатные журналы всякого рода, редактируемые студентами. Рид издавал ежемесячный журнал, называющийся: «Свободный Оксфорд. Журнал Коммунистической молодежи». В пятом номере появилась статья, повлекшая за собою исключение Рида. Журнал стоял на чисто большевистской программе. В статье, о которой я упомянул, автор предсказывает, что капиталистическая система распадется, поэтому рабочие должны быть готовы захватить власть. Когда рабочие сделают это, капиталисты, по

всей вероятности, сделают попытку сопротивляться. Это — большое преступление со стороны буржуазии, которую за это «придется уничтожить». Затем рабочие установят в Англии «диктатуру пролетариата, при помощи которой будет создана здесь Советская, Социалистическая республика». «Наши Ленины и наши Троцкие явятся вместе с движением», — пророчествует Рид. «Буржуазии предложено будет на выбор: подчинение или безжалостное истребление. Уничтожение немногих устранист всю остальную буржуазию и заставит ее подчиниться» *).

Риду было только 20 лет, когда его исключили, но он успел уже редактировать в Оксфорде рабочий журнал «New Oxford». Так как молодой редактор яростно нападал в журнале на известного рабочего вождя Томаса, понося его самым грубым образом, то рабочий клуб, финансирующий издание, отказался давать деньги на журнал. Рид тогда вышел в отставку.

Рид потом нашел средства на издание коммунистического журнала для молодежи. Студенты революционеры в Англии исключение. «Бродилом» являются другие элементы: — рабочие.

IV.

После наполеоновских войн революционное брожение в Англии было не менее сильно, чем после великой войны. Революционные всплески, если можно так выразиться, тогда были даже более бурны. Всюду в Англии происходили восстания. Газеты тогда сооб-

*) »The Free Oxford« No. 5.

щали про то, что «Бирмингэм кует копья, чтобы двинуться на Лондон». Но революционное брожение теперь в ином отношении сильно отличается от того, что было в начале XIX века: теперь английские рабочие организованы и представляют огромную партию, тогда как сто лет назад они были разрознены. Рабочие вожди тогда сознавали необходимость организации, но осуществить эту мысль удалось только постепенно, много лет спустя. Теперь, по выражению английского исследователя, организация рабочих не только осуществлена, но даже слишком сильно осуществлена (*it is realized and over-realized*). Трэд-юнионизм достиг беспрецедентного развития. Накануне XX века всех членов профессиональных союзов в Англии было 1.860.913, через пять лет, в 1904 году — 1.911.099, в 1909 году — 2.369.067, в 1914 году — уже 3.918.809, а еще через пять лет в 1919 году — 8.023.761. Представляй вся эта огромная армия труда нечто однородное, она могла бы осуществить все. В действительности, английский трэд-юнионизм далеко не представляет однородности. «Мы ежедневно читаем в газетах: «рабочие думают так то», или «рабочие, вероятно, поступят таким образом», — говорит Шедуэл. Эти утверждения подразумевают, что все рабочие представляют однообразный, тесно сплоченный социальный организм, думающий, говорящий и действующий по одному. В действительности же не только нет такого однообразия, но нет ничего похожего на него. Рабочая масса разнообразна и состоит из различных элементов, не схожих ни по характеру, ни по способностям, ни по привычкам, ни по темпераменту, ни по манере думать. Трэд-юнионизм изрезан и в глубину и в ширину разделяющими перегородками, в зависимости от рода профессии,

от местности и даже от организации. Сделаны были большие усилия, чтобы путем амальгамации и федерации разрушить эти перегородки. В последние годы успехи в этом отношении очень велики; но таким образом достигнуто только формальное соглашение между различными профессиональными союзами. Психологические причины разделения продолжают существовать. В каждом трэд-юнионе не мало членов, ненавидящих «амальгамацию» и подчиняющихся ей по необходимости. Есть много трэд-юнионов, которые присоединяются к федерации только в случае крайней необходимости, и то только на время, когда этим путем можно получить нечто конкретное, например, повышение заработной платы. Как только это достигнуто, профессиональный союз отпадает от федерации. Трэд-юнионы объединяются, когда предстоит борьба с общим врагом для достижения конкретной цели. И если трэд-юнионы можно объединить для борьбы с хозяином, то отсюда не вытекает еще возможность объединения для борьбы с абстрактным врагом, — с капитализмом.

Рабочая масса, таким образом, не представляет собою покуда подходящий «боевой материал» с точки зрения революционных вождей. Что касается вождей, то между ними тоже нет единения. Глазго, например, считается самым революционным городом в Соединенном Королевстве; но и в этом городе между революционными вождями совершенно нет единства. Мы имеем тут социалистов всех оттенков, всех партий, ненавидящих гораздо больше друг друга, чем общего врага. То же самое мы наблюдаем в Лондоне. Нет единства даже между теми партиями и группами, которые называют себя коммунистическими. «Центром коммунизма является Глазго, хотя штаб-

квартира Британской коммунистической партии находится в Лондоне, - говорит Шедуэл. В натуре у шотландцев есть фанатизм, которого нет у англичан. На Клайде жив еще дух старой религиозной нетерпимости. В английской обстановке религиозный или политический фанатизм теряет свою остроту. Чтобы изучить напряжение религиозного духа, надо отправиться в Глазго. Рабочие здесь постоянно стремятся «на лево». По всей вероятности, только в Глазго на крайнем левом фланге мы имеем анархизм, спаянный с уголовщиной и подпольные организации. Всюду в Англии, вследствие политических условий, даже коммунисты работают совершенно открыто... И даже в Глазго мы имеем, по крайней мере, пять или шесть разных организаций, называющих себя коммунистическими. Затем есть еще организации «Социалистические», «Пролетарские», «Рабочие» и «Рабочие комитеты». Таких организаций не меньше двенадцати. Каждая из этих партий считает только себя «настоящей», «правовой». Вожди каждой партии глубоко убеждены, что «социалисты» или даже «коммунисты» из другой организации, в сущности, представляют из себя только «буржуа» и «лакеев капиталистов» *).

В Глазго действуют следующие коммунистические организации: «Глазговская Коммунистическая группа», «Коммунистическая рабочая партия», «Шотландская Коммунистическая Лига», «Коммунистическая партия Великобритании», «Коммунистическая партия В. С. Т. Л.» (первые буквы английских слов для «Британская Секция Третьего Интернациона-

*) Dr. A. Shadwell, »Communism on the Clyde, »Times«, January 14, 1922.

ла») и «Левое Крыло Коммунистической Секции Независимой Рабочей Партии». Некоторые из этих организаций зародились в Глазго, тогда как другие являются отделением партий, существующих в других городах. Слово «коммунистическая», находящееся в названии разных организаций, отнюдь не означает единства между ними. Все организации, присоединившиеся к Московскому интернационалу, должны называться коммунистическими, но это не означает еще, что все они — за большевизм, — говорит Шедуэл. Глазговская коммунистическая группа, теоретически, считающаяся самой левой среди всех перечисленных партий, отвергает большевизм. Группа эта сочувствует анархическому коммунизму. Она была основана в 1912 году, а в 1917 году слилась с анархической группой в Глазго. Вполне сформировалась эта организация в 1920 году. Цель ее, между прочим, содействовать «единству коммунистов», но «Глазговская Коммунистическая Группа» не желает единения с Московским Интернационалом, так как считает его слишком «реакционным». Глазговские анархисты «отрекаются» также от П. А. Кропоткина за его «позорное поведение», т. е. за патриотизм, высказанный им во время войны. Героем и богом этих коммунистов является Бакунин. Штаб-квартира Глазговской Коммунистической Группы называется » B a k u n i n H o u s e «, Домом Бакунина. Вождем группы является теперь Гай Ольдред. Он высказывается против «кровавой революции», но требует уничтожения «парламентаризма» и стоит за «советскую конституцию». Группа эта издает в Лондоне ежемесячный журнал » S p i n g « и » R e d K o m m u n e «. Эта группа, проповедующая единение всех коммунистических организаций, воюет, даже с другой анар-

хической организацией, носящей название Freedom Press.

Трудно подсчитать силы левого революционного крыла, — говорит Шедуэл. Каждая организация преувеличивает собственное значение и уменьшает значение соперника. Повидимому самой влиятельной коммунистической партией в Глазго надо признать Коммунистическую Рабочую Партию, одним из вождей которой является видный агитатор на Клайде Джонс Маклин. Он — горячий сторонник большевиков и Третьяго Интернационала. В 1918 году он был назначен русским консулом в Глазго. В конце 1921 года он сделал попытку организовать одну коммунистическую партию, согласно инструкциям из Москвы, путем сличения Коммунистической Рабочей Партии, Коммунистической Партии Великобритании и Коммунистической Партии, представляющей Третий Интернационал. Во главе последней стояла тогда г-жа Сильвия Панкхерст, издававшая самую талантливую английскую коммунистическую газету «Workers' Dreadnought». Коммунистическая Партия Великобритании возникла в середине 1921 года. Основали ее революционеры, отколовшиеся от Социалистической Рабочей Партии в Глазго. Коммунистическая Партия Великобритании присоединилась к Третьему Интернационалу и издавала журнал «Communist.» В конце 1921 года издатели этого журнала были привлечены к суду за призыв к вооруженному восстанию. Во время процесса выяснилось, что деньги на издание журнала даны были Москвой.

Таким образом, даже наиболее революционные левые партии в революционном Глазго не представляют нечто объединенного для достижения общей цели, т. е. революции в Англии.

Каковы идеалы более умеренных элементов среди английских рабочих?

Мы отмечаем, прежде всего, гильдийский социализм, *Guild Socialism*. Этот идеал связан с Манчестером, где сделан был опыт применения его на деле. Как коммунизм, синдикализм и государственный социализм, гильдийский социализм тоже имеет целью уничтожить капиталистический строй и заменить частную собственность общественной. Но вместо того, чтобы передать железные дороги, рудники, заводы и т. д. государству или бюрократии, гильдийский социализм желал бы видеть контроль в руках гильдии, состоящей из разного рода работников, принимающих участие в данной отрасли промышленности. Таким образом, по мнению гильдийского социализма, уничтожится «рабство заработной платы», *wage slavery*. Комбинирование государственной собственности с контролем в руках гильдий устранит те возражения, которые делались синдикализму и государственному социализму, подразумевающему сложную бюрократию, — говорят защитники гильдийского социализма. То обстоятельство, что промышленность принадлежит государству, устранит эксплуатацию общества со стороны «синдиката», пользующегося монополией. С другой стороны, управление промышленности теми работниками, которые принадлежат к ней, предоставит им ту свободу действия и даст им ту силу, которые невозможны при бюрократическом контроле, т. е. когда отрасль промышленности, при государственном социализме, превращается в отдельный департамент. Принцип, лежащий в основе гильдийского социализ-

ма, был впоследствии развит в государственную систему, названную Национальным гильдизмом, National Guildism.

Идея гильдийского социализма в сравнительно короткое время имела громадный успех. Повидимому, она приобретает в Англии гораздо больше сторонников, чем какая либо другая форма социализма. Это не значит, что существует партия, именующая себя гильдийскими социалистами. Я хочу лишь сказать, что влияние этой идеи начинает всюду сказываться все сильнее и сильнее. Даже сторонники других форм социализма поддаются под влияние гильдийского социализма. Что же касается до трэдиюнионов, то эта форма социализма привлекает их все больше и больше. Надо сказать, что опыт государственного контроля над различными отраслями промышленности, сделанный во время войны, оставил после себя крайне неприятное воспоминание у английских рабочих. Они знают теперь, что государственный социализм подразумевает громадную, сложную, крайне раздражающую бюрократию. Теперь крайне радикально настроенные элементы одобрительно вспоминают ту критику государственного социализма, которую сделал когда то Спенсер в своей «Социальной Статике» *).

*) «Законом каждого организма является то, что всякий орган имеет свою функцию и что для каждой функции есть свой орган, — писал автор «Синтетической Философии». Чтобы аппарат выполнял хорошо свою работу, он должен быть специально приспособлен для нее. И это подразумевает непригодность данного аппарата для какой нибудь другой работы. Легкие не могут переваривать пищу, сердце не может выдыхать воздуха, а желудок не приспособлен для того, чтобы гнать кровь. Каждый мускул и каждая железа должна иметь свой собственный нерв... Не должны ли мы придти к заклю-

Трэд-юнионы полагают, что большевизм достаточно на опыте показал свою неприемлемость. Шедуэл, пользуясь живописным английским выражением, говорит: »Bolshevism has had enough rope to hang itself«. Верные друзья большевиков в Англии пробуют защищать все, до принудительных работ включительно, когда они существовали. На конгрессе Британской Социалистической партии в 1920 году предложена и принята была резолюция о необходимости «сформировать совет в каждом английском городе» в виду «блестящих результатов, достигнутых в России». Английский трэд-юнионист, теоретически, ничего не имеющий против того, чтобы вообще кого-нибудь *другого* погнали палкой на работу, — всеми силами восстает против »conscription of labour« которая означает принудительную работу для *него*. Таким образом, государственный социализм не привлекает рядовых английских рабочих. С другой стороны, синдикализм в чистой форме никогда не соблазнял рядовых трэд-юнионистов. Как практичные и положительные люди, они понимали всегда, что не сумеют вести большого дела, если передать его им. И если бы английские рабочие когда либо пришли к заключению, что сумеют справиться с шахтами и заводами, они (рабочие) несомненно быстро захватили бы дело в свои руки. Английский трэд-юнионизм очень плохо осведомлен в иностранных делах, но то, что его касается, он понимает и знает. Трэд-юнионы внимательно следили за опытами захвата заводов и

чению, что условием успешности в каждом действии вообще является предоставление каждому органу отдельной функции? — Не применим ли также этот закон для обществ? Не применим ли также для государства?» *Herbert Spencer* »Social Statics« стр. 65-67. Издание 1910 года).

фабрик в России и в Италии. Полученные результаты отнюдь не соблазняют рядовых английских рабочих проделать такой же самый опыт у себя.

С другой стороны, гильдейский социализм кажется трэд-юнионистам практичным и соблазнительным. Опыт проделан был рабочими, принадлежащими к строительному делу. Теоретики, гильдейского социализма предполагают, что такой первый опыт проделан будет железнодорожными работниками, углекопами или машинистами.

«Строительная гильдия» сформировалась в начале 1920 года в Манчестере. Федерация союзов строителей (Federation of Building Trades Operatives) одобрила возникновение гильдии, которая немедленно же через посредство созданного комитета, вошла в переговоры с городским советом о построении жилищ для рабочих. Пример нашел подражателей в других городах, и в марте 1920 года созван был конгресс строителей, чтобы создать гильдию для всего северо-запада Англии. Цель конгресса выражена в резолюции, принятой им. Постановлено «употребить все меры, находящиеся в соответствии с уставами трэд-юнионов, дабы осуществить такие перемены в организации промышленности, которые положили бы конец системе заработной платы и установили бы принцип самоуправления».

Революционная цель выражена здесь достаточно ясно, но средства достижения не революционные. Пока (в мае 1923 г.) еще нет таких строительных гильдий, которые объединяли бы всех работников, как простых, так и высоко квалифицированных, т.-е. архитекторов, инженеров и т. д. Когда строительной гильдии нужны такие специалисты, она или обращается за ними к муниципалитетам, или сама при-

глашает их на службу. Строительные работы для муниципалитетов выполняются при содействии Оптового Кооперативного Общества (Wholesale Co-operative Society). Строительным гильдиям пришлось преодолеть много юридических, финансовых и чисто хозяйственных затруднений, поэтому развитие шло не очень быстро. Тем не менее, гильдии заключили ряд контрактов. В Манчестере гильдия выстроила 100 рабочих коттеджей. Если дальнейшая деятельность строительных гильдий будет успешна, они породят, вероятно, многочисленных подражателей. В этом отношении, вполне возможно, повторится история знаменитой кооперативной лавочки в Рочдейле, которая зародилась в самых скромных размерах в Жаббел переулке и стремительно разрослась в огромную организацию, покрывшую сетью всю Англию.

Не подлежит никакому сомнению, что после войны произошел огромный сдвиг в умах рядовых английских трэд-юнионистов. «Мы все подвинулись на лево, — сказал практичный, старый секретарь трэд-юниона доктору Шедуэлу. Теперь нас не удовлетворяет больше то, что мы с радостью приняли бы всего несколько лет назад» *).

В Англии среди рабочих нарастает стремление перейти к какой-нибудь высшей, более справедливой форме производства. Рядовые трэд-юнионисты считают, что гильдийский социализм или что-нибудь вроде него является именно такой справедливой и практичной формой. Во всяком случае, трэд-юнионисты говорят: «We would like to give it a trial» (мы хотели бы испытать эту меру на деле). Трэд-

*) *Dr. A. Shadwell*, «The Revolutionary Movement». General Conclusions.

юнионисты против насильственных мер и, повидимому, верят в Парламент. В то же время, спокойные, беспристрастные наблюдатели, как Шэдуэл, например, считают надобным сделать такую оговорку.

«Никто точно не может предсказать, что именно случится». Такие наблюдатели указывают на особый характер нынешнего безработного движения, а именно на то, что в нем видную роль играют отставные солдаты, принимавшие участие в великой войне. Крайние элементы пытались не раз, начиная с 1919 года, использовать участие безработных для создания острых столкновений. Об этом я говорю в другом месте.

VI.

Английские рабочие выдвинули уже в самом начале XIX века умных, проицательных, практичных и честных людей, преданных своим союзам; но у этих людей долго не доставало одного: образования. И это отсутствие образования до крайности сужало горизонт таких рабочих. И если появлялся рабочий вождь, глядевший шире горизонта своего маленького тред-юниона, его старались обратить в свою веру интеллигентные люди, проповедывавшие какойнибудь определенный социалистический толк. Эти интеллигентные люди ужасно сердились на таких рабочих вождей, если они впоследствии отказывались быть только учениками и проявляли самостоятельность мысли. Мне припоминается то, что писали о Джоне Бернсе, когда он стал членом кабинета, Хайндмэн и желчный, озлобленный публицист-социалист Джозеф Берджес; желая возможно больнее ущипнуть Джона Бернса

Хайндмэн, в предисловии к книге Берджеса, смотрит на тогдашнего министра сверху вниз. По словам талантливого, но раздражительного отца социал-демократизма в Англии, Джон Бернс обязан своим развитием всецело ему, Хайндмэну. «Мы всегда считали Джона Бернса только полезным потрясателем красного флага и толковым уличным оратором. В комитете у нас он совершенно бесполезен». Хайндмэн выражает величественное презрение к буржуазии (к кабинетам сэра Генри Кэмпбеля - Баннермэна и Асквита), которая нашла отличным министром для величайшей в мире империи того, кто оказался «совершенно негодным» в совете социал-демократической федерации, состоящей из десяти тысяч человек, считая в том числе женщин и детей!

«Когда Джон Бернс впервые явился к нам в 1884 году, — продолжает Хайндмэн, — он был груб и совершенно невежествен... Смешно читать, как хвалят речь, произнесенную Бернсом в 1885 году в суде. Эту речь писали и я и Чэмпин... Я исправлял грамматические ошибки в первых статьях Бернса разбивал неуклюжие периоды на отдельные предложения и вообще придавал им приличный вид»^{*)}. Сам автор, т. е. Берджес, стремился показать, что он всегда, во всех случаях был умнее, проницательнее и, конечно, в миллион раз образованнее Джона Бернса. «В 1891 году, на обеде в Демократическом клубе Бернс сделал несколько замечаний о французской политике, которые я нашел ни с чем не сообразными, — говорит Берджес. Так я и заявил Бернсу довольно резко. В тот же вечер он, к удивлению моему, за-

^{*)} John Burns. The Rise and Progress of a right Honourable by Josef Burgess. Glasgow, 1911, p. VIII.

вел разговор о французской политике и высказал мои взгляды». В странном противоречии с этими словами находится то, что говорится в той же книге, к которой Хайндмэн написал предисловие. И тот факт, который я сейчас приведу, крайне характерен для первых английских рабочих вождей: Джозеф Берджес, описывая свое посещение Джона Бернса в 1886 году, говорит о большой библиотеке, которую тот уже тогда успел собрать с огромными жертвами, конечно, для себя. Бернс еще мальчиком жертвовал обедом, чтобы купить книгу. В 1886 году библиотека Бернса была уже так велика, что ею, по словам Берджеса, мог бы гордиться не только рабочий. Свои книги Бернс знал хорошо. Поэтому вряд ли Джон Бернс представлял собою тогда такого грубого и совершенно невежественного парня, каким его изображает Хайндмэн. Но, будь это даже так, как говорит автор предисловия, тем более удивительно, что малограмотный, невежественный рабочий мог развиться и стать министром, знания и способности которого признавали в парламенте как радикалы, так и консерваторы.

Этот эпизод интересен в том отношении, что показывает, как наиболее видные рабочие вожди выступали на общественную арену с очень малым образованием и стремились потом пополнять чтение обширные пробелы. В начале XX века тред-юнионы пришли к заключению, что рабочие должны иметь свою собственную интеллигенцию, получившую правильное, хорошее образование.

Результатом явились «рабочие колледжи». О них я писал уже в моей книге «Меняющаяся Англия». Даже рядовые тред-юнионисты постигли необходимость своей интеллигенции. Понадобились тред-юнионисты умные, развитые секретари, которые могли бы

вести переговоры с объединившимися хозяевами. Секретарь прежнего типа, т. е. старый, толковый, но малограмотный рабочий, воспитанный на пенсовых брошюрках и на воскресной газете, не годился в дипломаты. С хозяевами он еще умел стовориться, но союз предпринимателей ведет теперь переговоры через хитрых, ловких адвокатов, изощряющихся в раскидывании силков, — и где было добродушному, малограмотному старому тред-юнионисту тягаться с этими лицистами в адвокатских мантях! На первый взгляд, например, мирный договор, заключенный после большой стачки, казался рабочим необыкновенно выгодным. Через самое короткое время рабочие убеждались, что где нибудь в одном пункте договора скрыт замаскированный канкан, уничтожающий весь смысл соглашения. Канкан прикрыт предательским словом, имеющим на юридическом языке иной смысл, чем в разговорном языке, или умышленным умолчанием. Немедленно же хозяева находили какого нибудь рабочего, который начинал дело, располагая, повидимому, безграничными средствами. И вот являлось судебное решение, устанавливавшее прецедент, т. е. новый закон, помимо парламента.

Понятно, поэтому, недоверие молодых рабочих к договорам всякого рода («которые всегда надуют! . .»). Понятно такое стремление тред-юнионов иметь секретарем образованного, вполне «своего» человека, которого не так легко было бы провести «на мякине» и «обернуть вокруг пальца». Образованный секретарь необходим рабочим не только при заключении мирных договоров. Горнорабочие, например, просят, чтобы им дали прибавку в шесть пенсов. Шахтовладельцы отвечают делегатам: «мы всею душою дали бы вам прибавку; но посмотрите, каково теперь положение

рынка. Если мы прибавим вам шесть пенсов, уголь вздорожает; конкуренты захватят нейтральные рынки. Наше дело упадет, а вместе с тем ухудшится и ваше положение. Угольное дело таково, что без внешних рынков существовать оно не может, а на внешнем рынке мы будем побиты, если теперь увеличится стоимость производства».

И если во главе рабочей делегации стоял секретарь старого типа, то он никак не мог разобрать, правду ли говорят предприниматели, или же только «заговаривают зубы» и «втирают очки». В самом деле, предприниматели подняли сложный, запутанный вопрос. Рабочие, отправляя секретаря тред-юниона для переговоров с хозяевами, настойчиво подают ему совет:

Be sharp, Jack! Do not be bamboozled!

(Смотрите в оба, Джэк! Глядите, чтобы вас не надули!).

Но такой совет было гораздо легче подать, чем исполнить.

Тред-юнионам понадобились умные, знающие секретари, хорошо понимающие законы производства и обращения. Понадобились образованные люди (и притом «свои»), изучившие эти вопросы не по пенсовым брошюркам, а там же, где учились «хитрые адвокаты, ведущие дела предпринимателей»^{*}).

Сперва мысль о хорошем общем образовании подсказана была английским рабочим интеллигенцией. В 1854 году еще несколько радикальных романистов и публицистов, как Чарльз Кингсли, Людло, Фреде-

^{*}) Д и о н е о, «Меняющаяся Англия». Ч. I, стр. 103—105. Третье издание. Москва. 1916 г.

рик Денисон Морис, Том Хьюз и др. основали в Лондоне Рабочий Колледж (Working Men's College), существующий до сих пор. Здесь лекторами в разное время были такие первоклассные светила, как Рескин, Гексли и др. Рабочий Колледж имеет цель дать слушателям общее образование, дабы, таким образом, «устранить барьеры, разделяющие классы, и содействовать развитию дружеского чувства». Рабочий Колледж, помещающийся в шумном центре Лондона, процветает и имеет около 1500 слушателей, или «студентов», как они официально называются. Преподавание, большею частью, бесплатное. Только от записавшихся на некоторые курсы (напр., английского языка для иностранцев) взимается номинальная плата в размере 2½ шиллингов за терм. В Лондонском Рабочем Колледже преподаются: английский язык и литература, французский и немецкий языки, древние языки, математика, история, политическая экономия, право, философия и музыка.

С течением времени понадобилось более специальное высшее учебное заведение для подготовки рабочей интеллигенции. И в данном случае инициатива принадлежала интеллигенции. В 1899 году два богатых американца, Уольтер Врумэн и доктор Чарльз Бирд, дружески расположенные к рабочим, пришли к заключению, что английским трудящимся массам необходимо иметь свой собственный университет. Нынешние английские университеты, решил Чарльз Бирд, существуют только для средних и выше средних классов. Трудящаяся масса должна довольствоваться обедками знаний. Теперь же, при демократизации общества, необходимо возможное сближение классов, тогда как университет создает интеллигенцию, которая только углубляет пропасть, существую-

щую между ними. Необходимо, чтобы молодые рабочие прошли университетский курс. Это поможет им лучше понять структуру современного общества, что предупредит неосуществимые требования. С другой стороны, рабочая интеллигенция сможет сблизить производителей с трудящимися массами.

Так рассуждали американцы. В феврале 1899 г. в Оксфорде, при местном университете, возникла новая автономная клеточка, Колледж Рёскина, во главе которого стал магистр Денис Хёрд. Собственно говоря, Врумэн являлся вначале абсолютным собственником колледжа, так как единолично выбирал студентов и сам назначал совет университета. «Мы возьмем людей, осуждающих наш социальный строй, — объяснял Врумэн цель, преследуемую Колледжем Рёскина, — и научим их, как реформировать общество. И студенты, вместо того, чтобы огульно осуждать наш мир, начнут методически работать, дабы дать в нем долю всем». По всей вероятности, Врумэну рисовались в воображении студенты, помогающие впоследствии введению какойнибудь панацеи в роде участия рабочих в прибылях. Колледж Рёскина, однако, быстро принял иной характер, чем думал Врумэн. Основатель скоро охладел к своему детищу, притом же Врумэн и Бирд должны были уехать в Америку. Некоторое время Колледж Рёскина представлял собою почти благотворительное учреждение, поддерживаемое доброхотными пожертвованиями. Это продолжалось до тех пор, покуда на помощь не явились тред-юнионы, познавшие, по причинам, указанным выше, необходимость иметь собственную интеллигенцию. Большие тред-юнионы решили посылать в Оксфорд на два года способных молодых рабочих, выдавая каждому из них стипендию в 52 ф. ст. в год. Таких сти-

пендиатов рабочих теперь (в 1923 году) в Колледже Рёскина 34. Со времени основания Колледжа через него прошло несколько сот таких студентов-стипендиатов. Затем Колледж является центром University extension: несколько тысяч молодых рабочих, живущих в южных местах Англии, учатся путем переписки.

В 1909 году в Колледже Рёскина произошел раскол. Наиболее крайние элементы среди студентов пришли к заключению, что преподавание принимает «слишком академический характер», приближается по тону к преподаванию в других колледжах и поэтому «может ослабить классовый характер рабочего факультета»... С другой стороны, директора Колледжа Рёскина, решив, что ректор Денис Херд «пошел слишком налево» — отделились от него. Вследствие этого, крайние студенты выступили из Колледжа и решили основать свой собственный «классовой, антикапиталистический» факультет, с Денисом Хердом во главе. Таким образом возник в 1911 году в Лондоне «Центральный Рабочий Колледж», переименованный теперь просто в Labour College (Рабочий Колледж). В последнее время такой же рабочий колледж возник в Глазго. Лондонский рабочий Колледж финансируется Южно-Валийской федерацией углекопов и Национальным Союзом Железнодорожников. Теперь они являются собственниками Колледжа и поэтому им всецело принадлежит контроль над ним. Колледж в Глазго, в значительной степени, но не всецело, существует на средства углекопов.

Оба Колледжа являются центрами целой системы вечерних курсов. В Лондонском Колледже теперь (в 1923 году) тридцать студентов, живущих там и получающих стипендии от своих тред-юнионов. Стипен-

дия назначается после конкурсного экзамена. Студенты получают ее на два года. В Рабочем Колледже преподаются следующие предметы: промышленная история, политическая экономия, английская грамматика и литература, французский и немецкий языки, но, главным образом, Колледж представляет собою семинарий для изучения Маркса и его материалистического понимания истории. Колледж Рёскина верит в социальные реформы, тогда как Лондонский Колледж всю надежду возлагает на социальную революцию, неминуемость которой представляет собою канон для профессоров и студентов. Колледж этот в одной метрополии имеет 37 отделений, где вечерние классы посещаются 8000 слушателей. Некоторые союзы углекопов, как, например, Нортумберлэндский, посылает двух стипендиатов в Лондонский Колледж, чтобы они изучили марксизм, и двух стипендиатов в более умеренный Колледж Рёскина. Рабочий Колледж в Глазго, тоже марксистский, имеет 30 вечерних отделений в городе и 50 — в провинции. В общем, всех слушателей там около 3000. Так было в 1922 году. Повидимому, в 1923 году число студентов сильно увеличилось. В шотландском колледже читают больше предметов, чем в английском: в программе значится также английская конституция, биология и даже эсперанто.

Во главе английского колледжа в 1923 году стоял уже не Денис Херд, а Вильям Крэйк, бывший железнодорожный рабочий. Во главе шотландского Колледжа находится бывший большевистский консул Джон Маклин, по профессии школьный учитель. Студенты рабочих колледжей, как нынешние, так и старые составили союз »Plebs League« т. е. «Лигу плебеев». Она категорически отказывается от какой бы

то ни было помощи, исходящей от других классов. На обложке первого номера журнала «Плебей», издаваемого Лигой, мы читаем следующий девиз: «Нам не нужны ни ваша наука, ни ваши традиции» . . . *) В Южном Валесе Рабочий Колледж имеет постоянное отделение в наиболее беспокойном центре углекопов — в Рондда Валеи. Здесь колледж держит своих двух преподавателей-пропагандистов на жаловании в 6 ф. ст. 12 шилл. в неделю. До последнего времени колледж испытывал недостаток в профессорах. Теперь все надежды возложены на студентов, кончивших курс.

Рабочие колледжи являются также центрами социалистической пропаганды. С этой целью, каждый колледж, в особенности Шотландский, издают в последнее время огромную массу брошюр, листов и газет. «Рабочие Колледжи презрительно говорят об *академическом* характере Оксфордского университета, — пишет доктор Шэддуэл. Собственно говоря, я не знаю, что именно колледжи подразумевают под словом «академический», но, повидимому, имеется в виду все формальное, далекое от действительности, отбитое по стереотипу. В этом отношении, рабочие колледжи гораздо более «академичны», чем Оксфордский университет. Больше всего они напоминают иезуитскую семинарию, в которой учат очень хорошо, но все уче-

*) В «Плебее» в качестве почетных сотрудников раньше выступали иногда народные Комиссары Советской Республики. Так, в октябрьском номере за 1919 год мы находим статьи г. Луначарского о пролетарской культуре. «Рабочий уже начал выковывать свою собственную культуру в мрачном подвале дворца капитализма», — пишет народный комиссар. И тут же прибавляет: «без сомнения, пролетарская культура находится еще в младенчестве».

ние имеет целью создать верных служителей ордена и усердных пропагандистов их доктрин. Разница в том, что место Лойолы занимает Маркс. Как и в иезуитских семинариях, учение главного вдохновителя принимается без всякой критики». Повидимому, период критики должен наступить очень скоро. Из Рабочих Колледжей вышли многие политические деятели, принявшие видное участие в парламентских выборах 1922 года.

VII.

Теперь уместно будет отметить одно явление, представляющее для объективного социолога любопытный предмет, а для рядового русского — источник крайнего раздражения. Мы имеем в виду разные проявления, так называемого, гипноза слова в Англии, а в особенности эти проявления по отношению к России в течение первых пяти лет после войны. Под «гипнозом слова» мы подразумеваем успокоение, приносимое общественной совестью словами, из которых давно уже выпало всякое содержание. Приведем несколько примеров. В 1921 году вышла в Нью-Йорке любопытная книжка, г-жи Эллен Ла-Мот «The Opium Monopoly» (Macmillan and Co.) Автор указывает, что Великобритания все еще всеми силами поддерживает свою монополию на торговлю опиумом, развращающую и отравляющую миллионы людей на востоке. Монополия эта поддерживается исключительно из финансовых соображений. «Монополия была установлена не для того, чтобы притуплять боль и облегчать страдание при помощи опиума, но чтобы сознательно создавать через его посредство мучение

сотен тысяч жертв, потребляющих этот яд. Чем больше развращаются эти сотни тысяч потребителей опиума, тем выгоднее для имеющих монополию. Опасность для Америки заключается в огромном количестве опиума, который ввозится контрабандой».

Г-жа Эллен Ла-Мот приводит целый ряд фактов, показывающих, во-первых, что Англия поощряет в Индии выделку и продажу опиума. В результате — отравление сотен тысяч туземцев в Индии. Приводимые факты, во-вторых, доказывают, что Великобритания сознательно помогает торговцам опиума в своих колониях. Развитие добывания опиума угрожает теперь Америке, Персии, Японии и Китаю. Непосредственным виновником этой угрозы, по словам г-жи Эллен Ла-Мот, является Англия. К монополии опиумом причастны прямо или косвенно люди с громкими именами, выступавшие всегда защитниками нравственности и христианских принципов.

О том, как выгодна торговля опиумом для Индии, свидетельствует тот факт, что налог на этот яд доставляет казне колоний 3.160.005 ф. ст. в год.

Лица, вложившие свои капиталы в торговлю опиумом, действительно, всем известны. Среди них есть люди, поддерживающие своими средствами всякие благие начинания. Эти люди, без сомнения, должны знать, каковы на Востоке результаты торговли опиумом. Но успокоением, повидимому, является «гипноз слова»: «если не мы будем ввозить опиум, сделают это другие. Не мы создали этот порок на Востоке. В конце концов, отравляемые — язычники, пребывающие во тьме, т. е. почти звери. Торговля есть торговля» и т. д.

Возьмем теперь факты другой категории, свидетельствующие о силе «гипноза слова».

Коммунисты и социалисты в Англии с первого начала решительно выступили в защиту Советского правительства. Еще в 1919 году в Англии сформировались с этой целью комитеты »Hands off Russia«, призывавшие население к самым решительным выступлениям, до стачки включительно, если какаянибудь опасность, по мнению коммунистов, угрожала бы Советскому правительству со стороны британского кабинета. «Союзники все еще поддерживают незаконную, бесчестную блокаду, последствием которой является голодание, болезни и вымирание бесчисленных русских рабочих и их семейств», читаем мы в манифесте, выпущенном в 1920 году, призывающем английских рабочих к 24 часовой стачке и подписанном, в числе других, Лэнсбери, членами парламента Нейлом Маклином, Джэком Джонесом, Малоном, Мильсом, Спуром и Вэджвудом и т. д. «Манифест» только жалуется на то, что «в европейской печати против большевиков, с целью их очернения, ведется гнусная кампания». О том, что все обвинения против большевиков ложны, «свидетельствуют все беспристрастные наблюдатели, возвратившиеся из Советской России». Независимая Рабочая Партия обличала каждый протест против террора, как недопустимое вмешательство во внутренние дела другого государства. И одновременно с этим она устраивала массовые митинги с целью протеста против французской оккупации германских провинций при помощи цветнокожих войск*).

*) Приведу афишу, зовущую население Лондона на такой митинг.

ВАРВАРИЗАЦИЯ ЕВРОПЫ.

Массовый митинг

Английские коммунисты и социалисты в первые месяцы существования Советского правительства искренно верили в то, что оно осуществило нечто великое. К слову сказать, раньше всех стали восхвалять блестящие результаты советских реформ не социалистические, а либеральные газеты: Daily News, в которой еще в декабре 1917 года выступил с восторженными статьями Артур Ренсом, Manchester Guardian, в котором ослепительными красками рисовал советский строй г-н Гуд. Но вот в 1920 году из России возвратились ходоки, которым английские рабочие доверяли. Они дали совершенно иную картину, чем Ренсом, Гуд

против ввоза в Европу войск, набранных среди инских рас, состоится в

Центральной Зале, в Вестминстере,

во вторник, 27 апреля (1920 года), в 8 часов вечера.

Будут говорить: мисс Маргарет Бонфильд.

Е. Д. Морель.

Бен Спур, член парламента и др.

Председатель: г-жа Суонвик.

Митинг поддерживают: «Женская кооперативная гильдия», «Национальная федерация учительниц», «Национальная федерация работниц», и т. д. Будет предложена

РЕЗОЛЮЦИЯ:

В интересах общего отношения между всеми расами земного шара и безопасности всех женщин, митинг этот просит Лигу Наций запретить ввоз в Европу, для целей оккупации, войск, набранных из первобытных народов, которые должны быть употребляемы для поддержания порядка только на своей родине.

Вход свободный.

Митинг ознаменован был бурными выступлениями против Франции.

и др. восторженные певцы советского строя*). «Материальное и физическое положение России так плохо, что большевики даже не пытались скрыть его от нас», — писал Бен Тернер, возвратившийся из Москвы. Около 50% населения голодает... В Петрограде я видел до невероятности горестные картины нищеты... Большевики сократили право голосования... Человеческую природу нельзя изменить в короткое время путем декрета... Большевики не скрывают, что применяют систему террора, но они говорили мне, что красный террор следует всегда за белым террором... Я только повторяю в данном случае, что мне говорили... Очевидно, деревенское население не всецело на стороне коммунистов, хотя в Петрограде и в Москве, повидимому, большинство населения за большевиков**). Еще более решительно высказалась г-жа Сноуден, посетившая Россию одновременно с Беном Тернером. «Так как коммунистическая партия в России состоит, самое большее, из 600000 человек, то, очевидно, что диктатура пролетариата сводится к диктатуре незначительной части населения. При более тщательном исследовании оказывается, что и диктатура коммунистической партии сводится к диктатуре шести человек, опирающейся на Чрезвычайную комиссию». Г-жа Сноуден с удив-

*) При мне г-ну Гуду на митинге в доме одного англичанина задали вопрос о проституции в России. «My dear sir, — проникновенно ответил исследователь, — вы говорите о вопросе, который радикально разрешен Советским правительством. Проституции в России больше не существует. Она исчезла бесследно!» И г-н Гуд решительно ударил кулаком по столу, чтобы подчеркнуть сильнее радикальное разрешение страшного вопроса.

***) «A Labour view of Bolshevism», Times, June 10, 1920.

лением отмечала, что все расчеты диктаторов построены не на их творческой деятельности в России, а на близости мировой революции. «Они уверены, что революция должна произойти в некоторых странах через две недели, а в Англии — через шесть месяцев»...

«Я социалистка, демократка и христианка, — писала г-жа Сноуден . . . — И я восстаю против большевизма, ибо это не социализм, не демократизм и потому, что он враждебен христианству. Большевики упразднили Бога, как контр-революционера, и вместо Его поставили Карла Маркса . . . Под камуфляжем Рабочего и Крестьянского Правительства Российской безконтрольно управляет шесть человек . . . Там нет никакой свободы. Каждый подозревает другого. Свобода совершенно уничтожена» *).

То, что сообщили ходоки, которым рабочие абсолютно доверяли, совершенно уничтожило у английских масс желание проделать русский опыт, но «гипноз слова» остался. Английские социалисты, осуждая деятельность большевиков и не признавая их, как мы видели, ни социалистами, ни демократами, ни христианами, все таки считали надобным защищать их, как единомышленников. Мотивировка защиты была любопытна. «Конечно, то, что происходит в России — насилие, грубое подавление свободы, — говорили английские вожди. Конечно, все это было бы вопиющим преступлением у нас. Такие меры нам не нужны; но, вероятно, для России эти меры подходят»... Так заявил Рамзей Макдональд на двадцать восьмом конгрессе Независимой Рабочей Партии, состоявшемся в Глазго в начале апреля 1920 года. Дру-

*) Mrs. Philip Snowden, »What I saw in Soviet Russia«. »Evening Standard, July 1, 1920.

гой делегат (г-жа Стивенс) решительно высказался против тех, которые проповедают в Англии революцию. Г-жа Стивенс осуждала тех, которые «смотрят на революцию, как на прием касторового масла: оно очень неприятно, но полезно организму. Я против насилия, все равно, прибегают ли к нему капитализм или социализм. От кровавой революции, о которой так развязно говорят теперь некоторые, прежде всего пострадают женщины и дети». И, осуждая всякое насилие в Англии, г-жа Стивенс находила возможным под влиянием гипноза слова, защищать насилие в России. «То, что совершенно не годится для Англии, быть может, хорошо для России», сказала она.

Затем защитники большевиков аргументировали так: «Социалисты проделывают над варварами интересный опыт. Проверяются на практике, в широком масштабе, теории, обсуждавшиеся раньше только в книгах. Мы должны следить за тем, чтобы никто не мешал опыту, из которого мы можем извлечь много полезного для себя. Конечно, очень печально, что есть жертвы; но ведь то — русские, т. е. высшая раса. Кроликов или морских свинок, над которыми врач проделывает опыт, можно жалеть; но никакой здравомыслящий человек, понимающий важность опыта, не будет останавливать руку экспериментатора. В данном случае ведь экспериментаторы пробуют применимость социализма, который для нас составляет религию».

Так рассуждали социалисты в Англии.

Социалистов гипнотизировали слова «наши единомышленники», тогда как либеральные газеты загипнотизированы были, повидимому, словом «торговля», или, если хотите, распространенным понятием

того же слова: «назовите золото краденым, награбленным, или как хотите иначе, но золото есть золото» *).

Либеральная газета Daily News очень гордится тем, как Гладстон заступался когда то за политических заключенных в Неаполе, за болгар и армян. Газета нет-нет, а возвращается к этим фактам для доказательства той мысли, что английскому либерализму всегда дорога была свобода угнетенных народностей. Газета уже после войны вела страстную агитацию против турок за их обращение с армянами. Гладстон, конечно, вмешивался во внутренние дела Неаполитанского королевства, когда обличал короля Бомбу, и в внутренние дела Турции, когда клеймил «Абдула Кровавого». Daily News таким же образом вмешивалось во внутренние дела другого государства, когда защищало армян. Но как только явилось гипнотизирующее слово «торговля», Daily News не находило слов для обличения тех, которые вмешиваются во внутренние дела чужого государства. Газета эта первая в английской печати выступила с восхвалением рая, созданного советской властью. Daily News категорически объявило «ложью» все обвинения, возводимые против большевиков. Таким образом, газета систематически замалчивала террор и отказывалась печатать фактические поправки, даже когда они присылались в виде писем в редакцию, за полной подписью автора. Когда же какогонибудь факта, бросающего невыгодный свет на Советскую власть, совершенно невозможно было замолчать, газета оправдывала его**). Таким обра-

*) Слова английского министра Горна.

***) Английские либералы и радикалы проявили порой прямо непонятное рабское благоговение перед вождями боль-

зом, *Daily News*, восставшее в 1916 году против самой мысли о конскрипции труда, оправдывало вполне принудительность работы в России. В номере от 5 апреля 1920 года *Daily News* посвятило крепостному труду, введенному в России, восторженную передовую статью под названием «Работа для всех» (*Work for All*).

Под гипнозом слова «торговля» *Daily News* выдвигало своеобразную защиту советского правительства: «мы торговали с людоедами Дагомеи, отчего же нам не торговать с Советской Россией»?! Такие же аргументы выставлял *Manchester Guardian*, отчасти *Westminster Gazette* Англии.

В мае 1923 года английское правительство обнародовало белую книгу, в которой привело целый ряд фактов, выяснявших два положения: 1) Советское правительство не выполнило своих обещаний воздержаться от агитации; оно снабжало оружием, деньгами и агитаторами Индию, а британских коммунистов — деньгами; 2) Советское правительство систематически оскорбляло британское правительство, «пови-

шевиков и стремились оправдать такие действия их, которые нарушают все каноны либерализма. Писатель Брэйлесфорд, например, дал предисловие к переводу книжки Троцкого, озаглавленной по-английски «*The Defence of Terrorism*» т. е. «Защита Терроризма». Смелые дерзания большевиков объясняются верой их, что меньшинство городских рабочих, по причине своего большого развития, организованности и сознательности имеют право господствовать над инертной, невежественной крестьянской массой, говорит Брэйлерсфорд и оправдывает... для России это положение. Террор тоже оправдываем... когда он применяется в России. Раз эта мера защищается Троцким (the man, indeed, is a natural aristocrat, т. е. человек этот природный аристократ, поясняет Брэйлерсфорд), то, значит, она необходима. («*The defence of Terrorism*» by L. Trotsky, with a preface by H. N. Brailsford. London 1921, p. p. I—III).

димому убежденное, что оно все стерпит». Когда зашла речь о высылке русской торговой делегации из Лондона, Daily News забило тревогу. Газета уверена, что если даже верно, что советское правительство снабжало деньгами британских коммунистов, то хуже только большевикам, ибо агитация не может иметь никаких последствий. »Торговля же есть торговля». Россия является рынком для английских товаров, поэтому нельзя терять рынок *).

Проявление гипноза при помощи «слова» (фактически торговля с Советской Россией почти ничего не давала Англии, Советская Республика вывозила в Англию товары, отнятые у англичан же), как я сказал, очень любопытны для постороннего наблюдателя, но, вероятно, долго будут памятны русским.

*) «Около двадцати веков назад Иуда Искарот продал Христа за тридцать серебрянников, — писал в то время известный американец, приехавший в Лондон. Мы, американцы, не можем себе представить, чтобы Англия, моральные традиции которой так высоки, распяла бы теперь свой национальный идеализм на кресте «целесообразности», чтобы взять в уплату за это те несколько миллионов ф. ст., которые могут дать кожи, леса и кересин, привезенные из России на продажу». Stanly Washburn, »U. S. and the Soviet«. Times, May 15, 1923).

Автор напоминает, что в 1863 году, во время войны Севера с Югом, английские купцы тоже требовали признания конфедератов, мотивируя это, как и теперь, страданиями безработных в Англии. Тогда торговцы и печать, выражавшая их интересы, доказывали, что «рабство» является экономической необходимостью, выдвигался классический мотив «невмешательства» во внутренние дела чужого государства.

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

7 Англия после войны.

I.

Когда плотник Пирва, столяр Смирный, ткач Днище, лудильщик Рыло и портной Заморыш ставили «Плачевную Комедию и жесточайшую смерть Пирама и Фисбы» («Сон в летнюю ночь»),—они от всей глубины своего простого преданного сердца желали угодить афинскому герцогу. «Мы вот чего искали: вам предложить свои услуги, господа, — заплетаются языки бедняков, привыкших работать только руками, а не головой. Вам угодить вполне, не зная ничего, не смели думать мы, одно нас здесь собрало. Вас позабавить всех... Мы здесь не для того, чтобы вы раскаялись... Готовы мы стараться»...

Тезей, Лизандр, Деметрий и Ипполита глумятся над простодушными ремесленниками. Мы теперь знаем, что эта фантастическая комедия, равно как и траги-комедия «Троил и Крессида» являются непосредственным отражением английской действительности. Сказочные и классические герои этих произведений постоянно подходят к темам дня. Комедия верно отражает отношение английского дворянства в самом конце XVI века к трудящимся массам. Когда «лудильщик Рыло» и «ткач Днище» сидели смиренно, на них смотрели, как на шутков. Когда же они восставали, доведенные до отчаяния, их ловили обманом и истребляли, как диких зверей. В глазах «Тезея»

и «Лизандра» причиной всех народных движений были только зависть, жадность и глупость: «А сказано, однако: «трудись в призвании твоём», что значит: пусть сановники будут рабочими; а потому мы должны быть сановниками», — объясняет мятежник Джон Холэнд *). Это, конечно, пародия на знаменитые слова Джона Болла: «Кто был дворянином тогда, когда Адам копал землю, а Ева пряла?» «Вождь ваш храбр и обещает реформу, — говорит вождь народного восстания Джек Кэд, в той же Шекспировской хронике. В Англии семь булок полупенсовых будут продаваться за пенни. Квартовая чарка будет вмещать три чарки: я объявлю преступлением питье простого пива. Все государство будет общее... Денег не будет... Все будут есть и пить на мой счет, чтобы они относились друг к другу, как братья».

Таково было в Англии отношение «лучших классов» к массам в самом конце XVI и в начале XVII-го века. В XVIII веке отношение ухудшилось во много раз. Мы видим потомков Пигвы, Смирного и Рыла, загнанных на фабрики. Нарождается «вампир», «оживающий вследствие всасывания в себя живого труда и приобретающий при этом тем более силы, чем более всосано им этого труда» **). Вампиру предоставляется полная возможность сосать кровь, потому что, по выражению того же экономиста, общество еще не привязало капитал на цепь законодательного регулирования рабочего дня. В труде того времени »An Essay on Trade and Commerce«. вышедшем в 1770 году, обличается «мануфактурная чернь», забравшая себе в голову мысль, что в качестве англи-

*) «Король Генрих VI», часть II.

***) Карл Маркс, «Капитал», т. I.

чан, она имеет природное право на обладание особой привилегией: быть свободнее и независимее какой бы то ни было другой страны Европы. «Можно сказать положительно, — продолжает тот же автор, — что чем меньше будет таких идей в голове наших мануфактурных работников, тем будет лучше и для них самих, и для государства. Работники не должны никогда считать себя независимыми от тех, кто стоит выше их»^{*)}).

Согласно смутным преданиям, передаваемым в семьях английских углекопов, в XVIII веке происходили тайные собрания в лесах и горах, возникали бунты, жестокие и бессмысленные, на которые высшие классы отвечали виселицами. Даже несомненно гуманные, благородные и добрые люди первой половины XIX века, описывая эти смутные времена XVIII века, усматривали в бунтах только проявление грубости и глупости. Напомню читателям картину известного восстания в Лондоне в 1779 году, изображенную Диккенсом в его романе «Барнеби Редж». Вождем толпы является Нэд Деннис, вынесший из своей прежней профессии палача глубокое уважение к закону и стремление все делать конституционными средствами. Эти конституционные методы заключаются в том, что бывший палач вешает всех врагов революции. Тогда все тред-юнионы по необходимости были тайными обществами. Диккенс изображает каррикатурный тред-юнион «объединенных бульдогов», составленный подмастерьями «с целью сопротивления тирании хозяев». Гуманному и доброму романисту, смотревшему на тред-юнионы с точки зрения средних классов, в тридцатых годах казалось

^{*)} Цитировано у Маркса. «Капитал», т. I, стр. 225.

смешным, что подмастерья «желают восстановить свои старинные права на отдых». Во главе тайного общества поставлен глухой, самоуверенный и нелепый подмастерье Саймон Таппертит. Между тем автор тепло относился к массам, о чем свидетельствует хотя бы такой удивительный тип, как мистер Дэниэль Пеготти *). Диккенс не мог отделаться от предрассудков и взглядов своего класса, лишь только массы начинали «считать себя независимыми от тех, кто стоит выше их».

После наполеоновских войн Англия пережила целый ряд самых серьезных моментов, так как массы не хотели мириться со своим прежним положением. Английские газеты начала XIX века и романы, изображающие эту эпоху, говорят о бурных народных волнениях, как, например, роман Шарлотты Бронте. Затем английские массы возложили все надежды на парламентскую реформу. Первый билль о реформах 1831 года принес много выгод средним классам, но крайне разочаровал трудящиеся массы, ждавшие от него чрезвычайно много. По выражению последнего по времени историка чартистского движения английские рабочие напоминали тогда племя дикарей, которое, овладев после неслыханных усилий и ценою громадных жертв чудотворным идолом, убедилось, что обладает только деревянным чурбаном **). Разочарование в парламентской реформе породило движение, имевшее целью дать рабочим равное участие в законодательной работе. Восьмого мая 1838 года крайние радикалы опубликовали так называемую «Народную Хартию»... Так как хартия по английски

*) «Давид Копперфильд».

**) J. West. A History of the Chartist Movement, 1920.

выговаривается «чартер», то все сторонники ее получили название «чартистов». В хартии выставлены были шесть требований: 1) всеобщее избирательное право; 2) годовые парламенты; 3) тайная баллотировка; 4) отмена имущественного ценза для членов парламента; 5) вознаграждение их; 6) равные избирательные округа. Во главе движения стали Фергюс О'Коннор, Атвуд, Ловетт, Стефанс, Винцент, Эрнест, Джонс и Томас Купер. Некоторые из этих вождей были членами парламента, как, например, О'Коннор, другие — пасторы, как Купер, третьи — рабочие, как Винцент. Чартистское движение было встречено враждебно английской печатью, в особенности, когда в нем наметилось левое течение, призывавшее массы к восстанию. Чартизм изображался, как бунт Калибана.

Крайне интересно отношение Карлейля к чартизму. Желчный философ, как известно, был «героепоклонник» и резко критиковал демократию. «Демократия по природе своей уничтожает самое себя, — писал он. В конце концов, чистые результаты ее деятельности равны нулю. Там, где совсем не надобно другого правительства, кроме приходского полицейского, как, например, в Америке с ее безконечными пространствами, на котором каждый может найти работу и вознаграждение за свои труды, — демократия может существовать. В других местах демократия возможна только, как мостик к чему то иному. Демократия никогда еще не осуществляла ничего, кроме самоуничтожения. Классическими примерами служат Рим и Афины. Исключения из этого правила не существует, — утверждает Карлейль. В Риме и других местах работа выполнялась не многочисленной разговаривающей и голосующей толпой, а немноги-

ми проницательными, дисциплинированными людьми, что мы легко откроем, если только присмотримся к фактам. Так было. Так будет всегда» *).

«Счастливы народ, нашедший хозяина!» — восклицает Карлейль в другом месте и прибавляет: «Еще более счастлив народ, нашедший хозяина и удержавший его». Карлейлю жизнь представлялась сплошной борьбой, из которой победителем выходит «сильный, а потому и правый». «Человек создан, чтобы сражаться, — говорит Карлейль. Лучшее определение для человека: «Природный воин». Вся жизнь его — поход и бой под предводительством соответственного полководца. Человеку предопределено воевать: с необходимостью, с бесплодной почвой, со скудостью, с болотами, непроходимыми лесами, зыбучими песками, с хлопком, который надо очистить раньше, чем сучить из него нитки, наконец, с галлюцинациями своего бедного собрата — человека. Обманчивое зрение зарождается у моего бедного близкого, под влиянием которого он требует часто то, на что не имеет права. Борьба на земном шаре есть результат конфликта сил, из которых каждая считает себя наиболее могущественной, т. е. наиболее правой. Война есть столкновение сил, означавших и означающих до века в этом мире «Право». При столкновении сил, все тленное в них впоследствии рассыпается в прах. И когда этот процесс закончен, выступает нетленное, справедливое, вечное» **).

Но, будучи в восторге от «героя» и благословляя народ, обрешавший хозяина, Карлейль высказывался за чартистов, мотивируя это тем, что «права есть

*) »Miscellanies«, vol VI, p. 145.

***) »Past and Present«, p. 164.

права». «Люди поступают разумно, когда ищут права и требуют их, — писал Карлейль. К тому же люди будут искать всегда и требовать их, все равно, признаем ли мы это справедливым или нет, — путем чартизма, радикализма, революции или иным образом. Права всегда остаются правами. С другой стороны, — прибавляет желчный философ, — вполне справедливо изречение: «если ценить каждого согласно его праву, то вряд ли будут такие, которых не следовало бы высечь. Оба положения верны, оба необходимы, чтобы составить из них всю истину. Все здравомыслящие люди в глубине души всегда сознают или, по крайней мере, чувствуют, что каждое из упомянутых положений само по себе верно, поэтому и поступают соответственно» *).

Чартисты всей Англии избрали Национальный Конвент, заседавший сперва в Лондоне, а потом в Бирмингеме. «Конвент плохо сдерживал буйные, анархические элементы, присоединившиеся к чартистскому движению и совсем потерял всякую власть над ними, когда Парламент, большинством 237 голосов против 148, отказался рассмотреть петицию-монстр, поданную чартистами и покрытую 1.280.000 подписями. Отказ мотивирован был тем, что среди подписей было много фиктивных. Действительно, упомянутый уже историк чартистского движения приводит такие подписи, как «Не хочу сыра», «Курносый», «Луши его» и т. д.

И когда петиция была отвергнута, начались в Англии беспорядки. Волнения, происходившие в Англии во время чартистского движения, описаны в замечательном по глубине и прозорливости романе

*) Thomas Carlyle's Works. »Miscellanies«, vol. VI, p. 140.

Дизраэли «Sybil». вышедшем в 1845 году. Автор, ставший потом знаменитым государственным деятелем, описывает волнения среди лондонских рабочих, кончившиеся кровавыми столкновениями. Сначала начались громадные стачки, на которые хозяева отвечали поголовным расчетом всех рабочих. Фабрики закрылись. И когда голод распространился в рабочих кварталах, верх над более умеренными стачечниками, стоявшими за конституционные способы борьбы, взяли крайние элементы, проповедывавшие восстание. Дизраэли очень ярко и выпукло описывает, как эти сторонники вооруженного восстания, прозванные упырями (Hell-cats) двинулись под предводительством Саймона Хэттона, или «Освободителя», на «угнетателей народа». Запылали всюду скирды и помещичьи дома. «Упыри» грабили лавки, взрывали газовые заводы и брали штурмом рабочие дома, вызывавшие всегда в массах особое раздражение. Мы видим в романе, как помещик Сэнт-Лис поспешно вербует добровольцев для защиты родового замка, но отряд прибывает поздно. «Упыри» ворвались уже в замок и первым делом набросились на вино в погребах. Зажженный факел, брошенный пьяною рукою, произвел страшный пожар, истребивший, как владельцев замка, так и «упырей». А в это время лорд Марни с отрядом иоменов, на основании неверных сведений, идет совсем в другую сторону от пылающего замка и встречает мирных стачечников под предводительством Уольтера Джерарда. Уольтер все время убеждал рабочих не выходить из рамок законности и ограничиваться мирными демонстрациями. Как это всегда бывает в тревожные времена, лорд Марни теряет совершенно голову. Мирная демонстрация представляется ему отрядом «упырей». И

лорд Марни велит читать закон о мятеже, что в Англии равносильно троекратному звуку сигнального рожка, затем иомены начинают стрелять в безоружных и рубить их саблями. Ошеломленные в первую минуту рабочие, вооружаются дубинами и камнями, затем набрасываются на иоменов. Завязывается отчаянный бой, во время которого лорд Марни убит камнем.

Дизраэли писал под свежим впечатлением действительных событий. »*Sybil*«
является не только талантливым романом и замечательным историческим документом, но также прозорливым предсказанием политической мощи английских масс.

И вот во Франции вспыхнула февральская революция 1848 года, пробежавшая, как степной пожар, по всей Западной Европе. Казалось, вот-вот всюду произойдет социальная революция. Революционная волна докатилась и до Англии, где тогда, как мы видели, накопилось много горючего материала. И мы наблюдаем явление, повторяющееся после великой войны: революционное движение на континенте отражается в Англии слабо и проявляется, главным образом, в энергичных *речах*. И если даже происходят беспорядки, то они неизмеримо слабее, чем на континенте. Революционные проявления в Англии относятся к одновременным революционным движениям на континенте, как, скажем, ветряная оспа относится к черной оспе. В апреле месяце 1848 года лондонские негоцианты, испуганные февральской революцией и отражением ее в Англии, подали королеве мемориал с просьбой защитить собственность. Десятого апреля 1848 года вожди чартистского движения вызвали в Лондоне «500000 горожан» для демонстрации в пользу «хартии». Испуганные средние

классы вызвали «специальных констеблей». Молодых клерков Министерства Иностранных Дел вооружили мушкетами нового образца и поставили их у окон за баррикадами из переплетенных экземпляров *Таймса* за старые годы. Ждали революцию. В Париже через два месяца произошла известная июльская бойня. Схема ее такая же, как и аналогичных боен в других местах на континенте. Собирается толпа, во главе которой стоят выдвинутые моментом вожди, опьяненные своим красноречием и успехом.

— Идем туда-то! — командуют вожди. И толпа с революционными песнями валит за вождем, моментально проникнутая глубоким убеждением, что все, о чем говорили вожди, будет достигнуто, если только дойдут до такого то здания. И вот толпу встречают войска, командующие которыми глубоко убеждены, что погибнет общество, если толпа дойдет до такого то здания.

— Остановитесь! — говорит командующий войсками.

— Вперед! — зовут вожди. — Победа ждет вас.

— Мы будем стрелять!

— Вперед!

— Трах-тах-тах-тах, — гремят выстрелы, и мостовая заливается алой и жаркой человеческой кровью.

Такова схема «революционных столкновений» в Париже в июле 1848 года и в других городах. Теперь посмотрим на схему в Лондоне. Чартисты вызвали 500000 человек. Явилось двадцать тысяч.

— Идем к Парламенту! — скомандовал Фергюс О'Коннор. Толпа пошла. Надо перейти через Вестминстерский мост. И тут к вождю подходит полицей-

ский комиссар Ричард Майм и просит его «на два слова» в сторону. «Я вам советую не ходить через мост, — дружески говорит комиссар. На другом берегу всюду расставлены пушки. За домами всюду войска. Хотите, мы пойдем с вами и вы убедитесь в этом».

И, хотя ирландец, но воспитавшийся в Англии, О'Коннор понимает благоразумие совета.

— Но у меня есть петиция для Парламента, — говорит О'Коннор. Ее везут на тачке (то была знаменитая петиция, покрытая более чем миллионом подписей).

— А вы возьмите кэб и повезите петицию сами с двумя товарищами, — подает совет комиссар.

Так и было сделано. И в результате — не пролилось ни одной капли крови.

II.

Чартистское движение повело к агитации за расширение избирательных прав населения. И в 1868 году стал законом второй билль о реформах, распространивший избирательное право на всех мужчин, платящих за квартиру в городах не меньше десяти ф. ст. в год. Этот закон сделал возможным появление в Палате Общин коммонеров-рабочих. Первый рабочий кандидат выступил на выборах 1869 года, но потерпел неудачу. Борьба была тогда «на три угла», как говорят англичане, когда выступают три кандидата, дробящие голоса избирателей. И так как в Англии нет перебаллотировки, то при борьбе «на три угла» часто остается победителем не получив-

ший абсолютного большинства. На выборах 1874 года выступило четырнадцать рабочих кандидатов, но из них прошли двое — оба — углекопы. Один из них, Берт, неизменно избирался потом в течение сорока лет и перед смертью был «отцом Парламента», как называют в Англии старшего по годам коммонера. В 1880 году был избран еще один рабочий, Бродхёрст. После выборов 1885 года в парламенте оказалась уже рабочая группа в одиннадцать человек. Сельские рабочие, только что призванные тогда к общественной жизни новым глэдстоновским законом, давшим избирательные права всем, платящим в деревнях 5 ш. ст. в год за квартиру, послали в Парламент известного в то время агитатора-батрака Джозефа Арча. Уэльские углекопы выбрали Абрагэмса, игравшего потом в течение многих лет видную роль в Палате Общин. Абрагэмс, скончавшийся в преклонном возрасте в 1922 году, был известен на родине, как «мабун», или бард. Этот титул получается на крайне интересных состязаниях в Уэльсе автором лучших баллад на валлийском языке. Дерхемские углекопы тогда же выбрали Фенуика, а лондонские — Уильяма Кремера. То были все рабочие, представлявшие потом с честью много лет свой округ. Уильям Кремер, скончавшийся в 1908 году, получил незадолго перед смертью дворянский титул. Кремеру была присуждена Нобелевская премия, но он ее почти всю отдал на общественные дела, хотя сам жил только трудами рук своих.

На выборах 1886 года рабочая группа в Парламенте уменьшилась до девяти, но за то после выборов 1892 года в Палате Общин было уже тринадцать рабочих. До того времени коммонеры-рабочие выступали только с узко профессиональной програм-

мой. Углекопам или ткачам надобен был в Парламенте свой человек, хорошо знающий положение рабочих в этой отрасли промышленности и могущий замолвить слово в подходящий момент. Коммонер был, если можно так выразиться, доверенным приказчиком тред-юниона перед Парламентом. Тред-юнион платил своему доверенному столько же, сколько своему секретарю: 2½—3 ф. ст. в неделю, не больше. После выборов 1892 года в Парламенте впервые появились коммонеры социалисты. То были: основатель Независимой Рабочей Партии, журналист по профессии, начавший самостоятельную жизнь, как углекоп, Кейр Гарди и пугало того времени всех средних и высших классов, Джон Бернс, или «человек с красным флагом», как его называли газеты. Джон Бернс теперь доживает свой век, как министр в отставке и как тайный советник. Джозеф Берджес в своей книге-памфлете, направленной против Бернса, приводит его первый избирательный манифест. В программе мы находим десять пунктов, казавшихся тогда «безумными». Вот эти требования.

1) Свободное и обязательное обучение для всех классов. Предоставление детям в народных школах, по крайней мере, завтрака.

2) Восемичасовой рабочий день во всех отраслях промышленности.

3) Всеобщее и равное избирательное право.

4) Жалованье коммонерам и покрытие избирательных издержек.

5) Уничтожение палаты лордов и власти, основанной на наследственном принципе.

6) Трехгодичные парламенты.

7) Гомруль для Ирландии.

8) Удешевление судебных издержек.

9) Национализация земли, шахт, железных дорог, машин и банков.

10) Референдум при объявлении войны, заключении мира и договоров*).

Кроме пунктов 5 и 9, вся остальная программа теперь кажется даже консерватору вполне приемлемой. Требования, заключающиеся в некоторых пунктах, осуществлены в более широких размерах (например, гомруль для Ирландии). Что касается пятого пункта, т. е. уничтожения королевской власти, то нынешняя рабочая партия считает это совершенно излишним. Королевская власть в той форме, как она существует в Англии, не мешает прогрессу страны и обходится дешевле, чем президент, если считать все расходы на выборы, скажем, каждые четыре года**).

*) The Rise and Progress of a Right Honourable, p. 12.

***) В мае 1923 г., в доме лэди Астор (она — член Парламента), состоялось свидание коммонеров-рабочих с наследником престола принцем Валийским. Известный коммонер-социалист Виль Торн сообщил газете об этом свидании. Возьму несколько строк «Я сказал принцу, что был в Wembley, где собралась громадная толпа, чтобы видеть спорт. Толпа вся пела национальный гимн, когда показался король. Я сказал принцу, что это произвело на меня сильное впечатление.

«Мы говорили также о положении промышленности. Я сказал принцу, что положение дел очень серьезно, так как много безработных.

Сказал я также принцу, что в Англии произойдут сильные перемены, но произойдут конституционным путем.

— Против таких перемен никто не может возражать, — ответил мне принц Валийский.

То был очень интересный и очень дружеский разговор», прибавляет Виль Торн. Во время войны сын Вилия Торна, пошедший волонтером, был убит во время атаки. «Принц Валийский знал об этом и спрашивал». »Evening Standard« May 12, 1923.

Выборы 1895 года кончились большими поражением либеральной партии. Пострадала и рабочая группа: вместо 15 она насчитывала уже только двенадцать депутатов. «Солдатские выборы» 1900 года, произведенные в разгар южно-африканской войны, кончились опять победой консерваторов. Положение партии осталось почти такое же, как и раньше. То же самое можно сказать о рабочей группе: она чуть-чуть уменьшилась (одиннадцать, вместо двенадцати). Таким образом, до 1900 года рабочая группа в Парламенте увеличивалась, когда одерживали победу либералы, и уменьшалась, когда большинство страны голосовало за консерваторов.

До того времени рабочие в Парламенте составляли только группу, вклиненную в Либеральную Партию. То была группа специалистов по вопросам, связанным с тред-юнионизмом. В 1899 году на плимутском конгрессе тред-юнионистов выбран был Рабочий представительный комитет, или «L. R. C.», задачей которого было создание Парламентской Рабочей Партии. Комитет «L. R. C.» собрался впервые в феврале 1900 года. Углекопы тогда же приняли участие в комитете. На съезде 1900 года «L. R. C.» выработал, так называемую, «конституцию». «Съезд, — говорится в этом документе, — высказывается за необходимость отдельной, самостоятельной рабочей партии в Парламенте, имеющей своего собственного «пикёра» (whip). Группа эта должна поддерживать в Парламенте всякую партию, готовую выработать законы, клонящиеся к интересам рабочего класса. Точно также независимая рабочая группа должна присоединиться к каждой партии, восстающей против законопроекта, невыгодного для рабочих. Ни один из членов рабочей группы не должен вы-

ступать против кандидатов, выставленных каким ни-
будь обществом, входящим в состав нашей организа-
ции». Прежде, как я сказал, коммонеры-рабочие были
«доверенными приказчиками» тред-юнионов. Один
из делегатов, принимавший участие в трудах Рабо-
чего представительного комитета (L. R. C.), предло-
жил, чтобы этот последний представлял ежегодные
отчеты конгрессу тред-юнионистов, но предложение
было отклонено. Таким образом »L. R. C.« начал свою
деятельность, как совершенно независимая органи-
зация. Съезд 1900 года, выработавший конститу-
цию, состоял из 129 делегатов, представлявших раз-
ные общины и организации, насчитывавшие 568.177
членов. О тогдашнем составе рабочей партии гово-
рит следующая таблица.

	Число членов	Число де- легатов	Членские взносы
Тред-Юнионы	545316	117	58 ф. 10 ш.
Незав. Раб. Партия	13000	7	3 ф. 10 ш.
Социал-Демокр. Федерация	9000	4	2 ф.
Фабрианские общины . . .	801	1	— 10 ш.
	568177	129	64 ф. ст. 10

Три последние организации из перечисленных
выше были социалистические. Исполнительный ко-
митет, выбранный на первом съезде, состоял из две-
надцати членов. Семь представляли тред-юнионы, два
— независимую Рабочую Партию, два — Социал-де-
мократическую федерацию и один — Фабрианское Об-

щество. Таким образом, социалисты получили с самого начала преобладающее влияние. Новая рабочая партия предложила кооперативным обществам присоединиться к ней, но только кооперативы из Тенбридж Уэлс приняли впоследствии приглашение. В феврале 1901 года в Манчестере состоялся второй съезд «Л. Р. С.» Делегаты высказались за всеобщее избирательное право и против империализма; но напрасно представители социал-демократической федерации говорили о классовой борьбе и предлагали Рабочей партии объявить себя социалистической. И в результате, в августе того же года социал-демократическая федерация выступила из состава Рабочей Партии. До выборов 1918 года социал-демократы напрасно пытались протолкнуть в Парламент хотя бы одного из своих представителей.

До полного преобразования после войны исполнительный комитет Рабочей Партии состоял из одиннадцати представителей от тред-юнионов, одного представителя от «промышленных советов», т. е. от местных рабочих организаций, двух делегатов от Независимой Рабочей Партии и одного — от фабианцев. Перед войной исполнительный комитет носил менее выраженный социалистический характер, чем в момент своего возникновения.

III.

В феврале 1903 года состоялся третий съезд Рабочей партии в Нью-Кэстле, который принял крайне важное решение, обсуждавшееся потом, как врагами, так и друзьями партии. Дело идет об обещании (Ple-

dge), которое должны были дать все кандидаты, выступавшие на выборах от имени Рабочей Партии. Оно содержало два пункта. 1) Кандидаты обязаны принять конституцию Рабочей Партии и соблюдать ее указания, когда в Парламенте будут рассматриваться законопроекты, указанные «конституцией». Кандидаты обязываются держаться в стороне от всех других политических партий. 2) Кандидат обязывается в случае избрания присоединиться к Парламентской Рабочей Партии.

До тех пор, покуда был выработан и принят текст этого обещания, некоторые рабочие-коммонеры действовали за одно с либеральной партией. «Обещание» заставило их порвать или с либералами, или с рабочей партией. По поводу этого «обещания» английская печать писала тогда очень много. Она доказывала, что коммонер не должен обязываться перед партией, стоящей вне парламента. Так как коммонер представляет интересы избирательного округа, а не отдельной группы, то ему не полагается следовать указаниям подобной, внепарламентской Партии. Обещание, которое Рабочая партия требует от коммонеров, сковывает свободу действия народного представителя и, таким образом, является нарушением основного понятия о политической свободе. В октябре 1909 года Исполнительный Комитет Рабочей Партии составил резолюцию об отмене «обещания».

На выборах 1906 года Рабочая партия добилась избрания 54 кандидатов.

На выборах 1910 года либералы потеряли около 100 мест, хотя остались у власти. Рабочая партия

потеряла шесть мест, но зато явилась более сплоченной, чем раньше.

Затем между выборами 1910 и 1918 года лежит великая война, равная по своему значению геологической катастрофе.

*

Великая война оставила ряд важных вопросов, которые надо было немедленно разрешить. Коалиционное министерство Ллойд-Джорджа, стоявшее тогда у власти, наметило перед выборами 1918 года, назначенными после заключения мира, широкую программу. Оно обещало разоружение и содействие созданию Лиги Наций, которая, как утверждалось, будет предупреждать войну вообще. Коалиционное министерство обещало заботиться о воинах и моряках, принимавших участие в войне, и сделать Англию «страной достойной героев». Дальше коалиция обещала увеличить производство, в особенности, в области земледелия, разрешить жилищный вопрос, заняться лесонасаждением, улучшить транспорт. Другие пункты программы говорили о реформе палаты лордов, о развитии представительного правления в Индии, о разрешении Ирландского вопроса так, чтобы не пострадал Ольстер. Перед выборами коалиционное министерство приняло билль о расширении избирательных прав. К избирательным урнам призвано было все совершеннолетнее мужское население. Что касается женщин, то избирательные права были даны для начала всем мужним женам и одиноким женщинам в возрасте от 30 лет. Реформа эта повела к тому, что на выборах 1922 года в Великобритании было 18.689.510 избирателей. По полу избиратели делились так:

Мужчин	10.182.617
Женщин	7.475.106

Рабочая Партия перед выборами 1918 года была совершенно преобразована с целью сделать ее выразительницей воли не одной какой-нибудь группы, а всех занятых как ручным, так и умственным трудом, «без различия класса и занятий». В Новую Рабочую Партию открыт был доступ не только организациям, как раньше, но и индивидуумам. Партия стремилась к власти в Парламенте, чтобы конституционными средствами совершенно перестроить весь социальный строй. Обширная программа Британской Рабочей Партии, принятая в июне 1918 года, исходит из положения, что великая война ознаменовала собою смерть Европейской цивилизации. Она должна погибнуть, подобно тому, как в прошлом исчезли цивилизации Вавилона, Египта, Греции, Карфагена и Рима. В Великобритании надо переустроить не то или другое министерство и не одно какое-нибудь общественное учреждение, а само общество. Этим переустройством займется Рабочая партия, если станет у власти. Она постарается создать «Новый Социальный порядок», основанный не на вооруженной борьбе, а на братстве; не на ожесточенной конкуренции из-за необходимых средств к жизни, а на принципах продуманной и сознательной кооперации в области производства и распределения на пользу всех участвующих в них, как своим умственным, так и физическим трудом; не на различии по богатству, а на систематическом стремлении предоставить каждому человеку минимум здоровых материальных условий; не на подчинении и порабощении друг другу разных наций, рас, колоний; не на различии клас-

са или пола, но на характеризующей демократию равной свободе, как в области производства, так и управления страной, и на общем сознании принципов обоюдного согласия и общего широкого участия всех в управлении, как в области экономической, так и политической»^{*)}). Рабочая партия наметила программу коренного преобразования общества. «Краеугольными камнями здания, которое мы хотим воздвигнуть на общих принципах демократического контроля общества во всех его проявлениях, — читаем мы в программе, — являются следующие положения:

а) Международное установление Национального минимума.

в) Демократический контроль промышленности.

с) Коренные преобразования в народных финансах.

д) Избыточное богатство — на благо всех.

е) Рабочая Партия «принципиально» высказывается не только за переход земли в общую собственность, когда наступит благоприятный момент, но и за немедленную национализацию железных дорог, рудников и производства электрической энергии. В области земледелия Рабочая Партия наметила такую программу:

а) создание в широком масштабе национальных ферм с употреблением на них сельско-хозяйственных машин; б) поощрение мелкого фермерства, доступ-

^{*)} Программа полностью переведена в книжке С. П. Тюрина «Проблемы труда в Англии». Лондон, 1920 г.

ного каждому, желающему посвятить себя сельскому хозяйству; с) создание муниципальных сельских предприятий, связанных с ними, как то: с организацией снабжения молока, очисткой нечистот и т. д.; д) организация сдачи ферм кооперативным обществам, а также и частным лицам по контрактам, обуславливающим характер обработки земли и гарантирующим, путем страхования, вознаграждение за потери в случае неурожая. При всех этих системах сельско-хозяйственным рабочим должны быть обеспечены здоровые и удобные жилищные условия с достаточным участком земли для огорода, право получения земли под обработку или возможность создания своей небольшой фермы. Заработная плата сельско-хозяйственных рабочих должна обеспечивать им полную возможность иметь здоровую духовную и физическую жизнь. Затем в программе Рабочей партии есть еще проект, вызывающий до сих пор больше всего споров. Чтобы погасить колоссальный военный долг, Партия, предлагает единовременный прогрессивный сбор с больших состояний (Capital levy).

Рабочая Партия в своей программе выдвигает демократический принцип: она стоит за участие в законодательной работе всего населения, а не одного лишь класса. «Во всех областях жизни Рабочая Партия стоит за демократическое сотрудничество, а сотрудничество предполагает общий принцип, с которым бы все могли быть согласны, общий план, который можно было бы понимать и обсуждать, общее применение средств к достижению целей, преследующих удовлетворение нужд всех».

Таким образом, перед выборами 1918 года наметились два течения в населении. Одно общественное течение было за коренное преобразование всего соци-

ального строя; другое — желало, по возможности, сохранить фундамент и капитальные стены нетронутыми. Представители первого общественного течения стояли за Рабочую партию, тогда как представители другого — за консервативную коалицию. Для либералов, таким образом, не было уже места, ибо те реформы, которые они могли бы предложить, выставлены были коалицией. После войны страна желала успокоения, с другой стороны, огромная масса населения была испугана крайними элементами, настоятельно рекомендовавшими английским рабочим «проделать полностью русский опыт». В то время из России прибывали одинокие путешественники, как Гуд или Лансбэри, с восторженными описаниями советского рая. И как было английским массам не верить этим новым Синбадам Мореходцам, когда корреспондент буржуазных «Daily News» Артур Ренсом рисовал еще более яркие картины, чем Лансбэри! И в результате на выборах 1918 года получилось следующее. Огромная масса голосовала за консерваторов; Рабочая Партия получила гораздо меньше мест, чем рассчитывала, при чем большинство коммонеров, вошедших в Парламентскую Рабочую Партию представляли классовые интересы, т. е. это были тред-юнионисты. Историческая Либеральная Партия была совершенно разгромлена. В Ирландии на выборах разгромлены были националисты, вместо которых всюду прошли шинфейнеры, давшие обязательство, что они не поедут в Лондон, не примут участие в законодательной работе британского Парламента, а «самочинно» создадут в Дублине свою собственную Законодательную Палату.

Результаты выборов 1918 года в цифрах выразились так:

Коалиция	478
Оппозиция	229

Коалиция состояла из консерваторов (334), либералов (133), национал-демократов (10) и одного независимого. Либералы, вошедшие в коалицию, сохранили только название.

Оппозиция отличалась большой пестротой и разнообразием.

Следующие цифры характеризуют ее состав:

Рабочие	63
Юнионисты	23
Ирландски юнионисты (представители Ольстера)	25
Либералы	28
Шин-фейнеры	73
Националисты ирландские	7
Националисты английские	2
Независимые	4
Независимые радикалы	1
Коммунисты	1
Кооператоры	1
От федерации отстав. воинов и моряков	1

229

Либералы, одержавшие блестящие победы на выборах 1906 и 1910 года, имевшие великое прошлое с 1832 года, представляли собою в новом парламенте только горсточку в 28 человек. Все вожди партии, включая Асквита, потерпели поражение. Следующая таблица дает представление о том, как растаяла исто-

рическая партия, определявшая судьбы британской Империи.

ВЫБОРЫ, НАЧИНАЯ С 1832 ГОДА.

(в Англии и Уэльсе).

В Англии						В Уэльсе.			
Годы	Либералов	Консерваторов	Юнионистов	Рабочих	Националист.	Либералов	Консерваторов	Юнионистов	Рабочих
1832	348	123	—	—	—	16	13	—	—
1835	266	205	—	—	—	12	17	—	—
1837	232	239	—	—	—	11	18	—	—
1841	187	284	—	—	—	10	19	—	—
1847	222	247	—	—	—	10	19	—	—
1852	216	251	—	—	—	11	18	—	—
1857	266	201	—	—	—	14	15	—	—
1859	247	220	—	—	—	14	15	—	—
1865	245	226	—	—	—	18	11	—	—
1868	240	223	—	—	—	22	8	—	—
1874	171	288	—	—	—	19	11	—	—
1880	256	203	—	—	—	28	2	—	—
1885	245	219	—	—	1	27	3	—	—
1886	125	283	56	—	1	23	4	3	—
1892	196	236	32	—	1	28	2	—	—
1895	115	298	51	—	1	22	7	1	—
1900	125	292	47	—	1	26	4	—	—
1906	289	127	—	48	1	26	—	—	4
1910	191	239	—	34	1	24	2	—	4
1910	190	239	—	35	1	23	3	—	4

Шотландия была всегда цитаделью либерализма, как показывает следующая таблица:

Годы	Либералов	Консерваторов	Юнионистов	Рабочих
1832	43	10	—	—
1835	38	15	—	—
1837	33	20	—	—
1841	30	22	—	—
1847	34	19	—	—
1852	33	20	—	—
1857	38	15	—	—
1859	38	15	—	—
1865	41	12	—	—
1868	52	8	—	—
1874	40	20	—	—
1880	53	7	—	—
1885	62	10	—	—
1886	43	12	17	—
1892	50	11	11	—
1895	39	19	14	—
1900	34	21	17	—
1906	58	12	—	2
1910	59	11	—	2
1910	58	11	—	3

После войны Шотландия, отошедшая от либералов, превращается в цитадель самых крайних воззрений.

Рабочая парламентская партия в 1918-22 годах была очень бледна. Наиболее талантливые вожди не прошли на выборах. Партия состояла из честных, но

совершенно неопытных, малосведущих тред-юнионистов, чувствовавших себя совершенно чужими в Парламенте, когда приходилось разрабатывать законы. И в результате рабочие депутаты перестали посещать Парламент. Дело радикально изменилось после выборов, состоявшихся в ноябре 1922 года.

IV.

Отличительными чертами этих выборов является:

1) победа консерваторов; 2) численное и качественное усиление Рабочей Партии; 3) разгром партии национал-либералов, во главе которой стоял Ллойд-Джордж и 4) настроения избирательниц.

Рассмотрим каждый из этих пунктов.

Консерваторы получили 342 места. Это явление показало, что в Англии все социальные элементы, испуганные радикальными переменами, которые произойдут, если у власти станут рабочие, отклонились вправо. Консерваторы так усилились, что получили возможность господствовать в Парламенте без поддержки какой либо другой группы. Прежде коалиция зависела от либералов, а еще раньше, до войны, либералы у власти были в зависимости от ирландских националистов, а впоследствии — и от рабочей группы.

Рабочая партия получила 142 места, а впоследствии, в первые же месяцы, на дополнительных выборах еще шесть мест. В особенности значительны были победы рабочих в Шотландии, где они получили тридцать мест. Многие старые и очень видные политические деятели в Шотландии были вытеснены совершенно неизвестными рабочими кандидатами. Та-

ким образом, например, в Денда Винстон Черчилль был забаллотирован, а вместо него прошел несколько странный кандидат Эдвин Скрайнонгер, местный уличный проповедник трезвости. Правда, в некоторых округах рабочие кандидаты одержали верх, потому что явились третьими кандидатами в споре между либералами и консерваторами или между либералами разных оттенков. Несмотря на это, выборы, несомненно, доказали существование «отлива влево». В особенности это относится к Шотландии. По численному значению своему Рабочая Партия заняла второе место в Парламенте. Она стала, таким образом, официальной оппозицией. По традициям английской конституции, в случае падения консервативного министерства, король должен обратиться к вождю Рабочей Партии с предложением сформировать кабинет. И даже консервативная печать немедленно признала Рабочую Партию официальной оппозицией. Times в обстоятельной передовой статье объяснил, что традиции, установленные конституцией, должны быть соблюдены, нравится ли это комунибудь или нет.

В высшей степени интересно и, мне кажется, уместно подчеркнуть здесь этот факт. Война с ее разрешением на кровь, несомненно, привела к одичанию и к тому, что многие привилегии личности, добытые многовековой борьбой, как то выцвели, но это отнюдь не означает, что все великие завоевания английской демократии исчезли, как пытаются уверить некоторые критики. Приведу только один, но зато яркий пример. Права меньшинства от насилий со стороны большинства, имеющего в своих руках власть, защищены беспристрастным, нелицеприятным судом. Вольности английского народа провоз-

глашены Великой Хартией еще в 1215 году, но одно декретирование свободы еще ничего не означает. Необходимо, чтобы суд защищал гражданина от неправомерного ареста. И вот, после долгой борьбы, в 1679 году издан был знаменитый закон «Habeas Corpus». Называется он так по первым словам латинского текста, означающим: «Вы можете иметь тело». «Habeas Corpus» защищает граждан от произвольного ареста и отнимает у короля возможность расправы со своими политическими противниками, моря их без суда в тюрьмах. По «Habeas Corpus» каждому арестованному, не позже как через 24 часа, должно быть предъявлено точно формулированное обвинение. Если обвинение не предъявлено, то суд должен требовать немедленного освобождения арестованного. Если же гражданина все-таки держат в тюрьме, то тюремщики и те, которые отдали приказ о незаконном задержании, подлежат строгому наказанию. «Habeas Corpus» не раз напоминал власти, что у ней «руки коротки». И во имя закона напоминал это суд. Доказательством, между прочим, является решение английского апелляционного суда, вынесенное 9 мая 1923 года против министра внутренних дел по поводу ареста некоего Арта О'Брайяна. В марте 1923 года лондонской полиции стало известно, что шин-фейнеры, живущие в столице и в нескольких других провинциальных городах, замышляют ряд террористических выступлений. Стало известно, что эти лица принадлежат к тайному шин-фейнерскому сообществу «Лига Самоопределения Ирландии». В одну ночь все шин-фейнеры были арестованы. У них нашли оружие, взрывчатые вещества и документы, доказывавшие, что арестованные подготавливали ряд взрывов в Англии. Английское правительство, зная

по опыту, что судебное преследование шин-фейнеров вызывает немедленно взрыв негодования в Ирландии, каков бы ни был характер обвинения, пожелало отделаться от хлопот. С этой целью все арестованные были высланы в Ирландию, где ими уже давно «интересовались». Правительство Вольного Ирландского Штата приняло высланных и посадило их в тюрьму. И вот, Арт О'Брайян обжаловал в английском суде постановление об его аресте и высылке, сделанное министром внутренних дел. Жалоба основана была на »Habeas Corpus«. Арт О'Брайян указывал, что по закону ему обязаны предъявить обвинение через 24 часа, между тем, его выслали и держали в заключении. Министр внутренних дел на запрос Парламента по поводу ареста, объяснил, что имеет документальные данные, подтверждающие существование заговора. Ирландцы были арестованы и высланы для спасения общества. Но суд нашел, что закон существует, чтобы его исполняли. В данном случае нарушен был »Habeas Corpus«, и суд вынес решение против министра внутренних дел. Посмотрим теперь, как отнеслась «буржуазная» печать к тому, что суд, отстаивая »Habeas Corpus«, высказался против правительства. Возьмем самую «буржуазную» газету »Times«, у которой, конечно, нет никаких симпатий к заговорщикам шин-фейнерам.

«Действия министра внутренних дел (т. е. арест шин-фейнеров и высылка их в Ирландию), вызвавшие процесс о нарушении Habeas Corpus, приняты были в очень трудную минуту, — соглашается »Times«. Министр внутренних дел дал показание под присягой (affidavit), что получил сведения о существовании заговора ирландских республиканцев с целью совершения в Англии террори-

стических актов. Предупреждение этих преступлений составляло его прямую обязанность. Министр предпринял необычайные меры: он выслал арестованных в Ирландию вместо того, чтобы предъявить им обвинение в Англии и судить их здесь за измену... К лордам - судьям обратились с призывом защитить свободу подданных его величества, на которую посягнула исполнительная власть. И судьи, вынеся свое решение, конечно, поддержали славные традиции английского суда... Высшая привилегия английских граждан состоит в праве обращаться к суду для защиты от административного произвола... Признание со стороны суда, что министр внутренних дел поступил правильно, выслав арестованных в Ирландию без предъявления обвинения, явилось бы нарушением всех основных законов»^{*)}).

Этот пример показывает, что великая война, расшатавшая много великих принципов, не сделала свободу личности «достоянием истории».

VI.

Правительство обжаловало решение лордов-судей; но Верхняя Палата, которую признано считать символом классовых интересов, признала решение лордов-судей правильным, т. е. постановило неприкосновенность закона об Habeas Corpus. Таким образом, самое консервативное учреждение в Англии решительно выступило во имя закона против юнионистского правительства, которому, конечно, сочув-

^{*)} »Times«, May, 10, 1923, передовая статья — »Habeas Corpus«.

ствуется вполне. Палата лордов признала еще раз, что суд обязан охранять права меньшинства, кто бы ни покушался на них. Было бы желательно, чтобы все демократии усвоили этот принцип . . .

Состав Рабочей Партии в новом Парламенте получился иной, чем в 1918 году. Мы видим, правда, рядовых тред-юнионистов или секретарей профессиональных союзов, честных, преданных делу, но серых, малосведующих, теряющихся совершенно, когда вопрос выходит за пределы фабрики или шахты. Рядом с ними попали новые коммонеры, крайне левые. Большею частью, они пришли из Шотландии, из избирательных округов на Клайде. То были революционеры, являющиеся знаменитостями в Шотландии. Большая часть их, до тех пор, покуда попала в Парламент, держала сильно курс «на большевиков». Многие из них отлично усвоили слово «совет» и при каждом случае усиленно цитировали Ленина и Троцкого. Типичными среди таких революционеров с Клайда является Дэвид Кэрквуд. Во время войны он был выслан из Шотландии за агитацию. Другим таким же революционером является Шинвел. Эти коммонеры прибыли в Парламент с целью «революционизировать» его сценами, криками и пением «Красного флага». Первые недели коммонеры так и поступали, но вскоре, как люди умные и наблюдательные, поняли, что пением или криком можно устроить только скандал. От скандала же до революции весьма далеко. Затем коммонеры с Клайда сообразили, что если когонибудь они компрометируют своим пением и бранью, то только себя. И, сообразив все это, «революционеры» «уломались» и «обошлись». Еще левее этих революционеров стоит один большевик (коммунист), избранный тоже в Шотландии. Английские

большевики располагали достаточными средствами, чтобы выставить пять кандидатов, но избиратели, очевидно, решили, что и одного за глаза достаточно.

На выборах 1918 года потерпели поражение все интеллигентные вожди рабочей партии, но на выборах 1922 года прошли опять: Рамсей Макдональд, Филипп Сноуден, Джордж Лансбери и др. Затем мы видим в рядах Парламентской Рабочей Партии совершенно новых интеллигентных деятелей, придающих ей теперь большую силу. Среди этой интеллигенции надобно назвать, прежде всего, известного историка тред-юнионизма и основателя Фабианского Общества—Сиднея Вебба. Как оратор, Сидней Вебб уступает очень многим. Вне пределов экономических вопросов Сидней Вебб тоже ничем не проявил себя. Вряд ли он и решится выступить за черту изучаемых им предметов. Зато в своей узкой сфере практических экономических вопросов Сидней Вебб является, вероятно, величайшим авторитетом в Англии. Рядом с Веббом надо назвать интеллигентных деятелей, принадлежащих по происхождению к средним, выше-среднего и даже к высшему классу, начавших политическую деятельность в рядах другой партии и перешедших потом в Рабочую Партию. Тут священники, профессора и адвокаты. Между ними один «королевский советник», Патрик Хастингс. Титул этот получают наиболее талантливые и успевающие адвокаты. Из коммонеров, перешедших в Рабочую Партию из других партий, интереснее всех Тревириан и Артур Понсоби. Первый — внук лорда Маколея. Вторым когда то был пажем королевы Виктории. Парламентскую деятельность он начал в либеральной партии и был секретарем Асквита, а потом товарищем министра. Состав Рабочей Партии, конечно, теперь,

неизмеримо более блестящий, чем в 1918 году. В ней нет огромных талантов, обещающих стать будущими Дизраэли или Гладстонами; но в ней много способных, знающих, искренних людей, из которых вождь может легко, в случае надобности, сформировать кабинет.

Если Рабочая Партия теперь неизмеримо более богата умственными силами, чем в 1918 году, то зато она также сильно потеряла в о д н о р о д н о с т и. В самом деле, несколько трудно найти общее между тонким «законником», адвокатом Патриком Хастингсом, и клайдским революционером Кэрквудом или между аристократом Артуром Понсоби и «разрушителем» Шинвеллом. Патрик Хастингс весь век прожил в хитрых лабиринтах английского закона, в которых за шесть веков накоплены прецеденты, тогда как Кэрквуд признает только одни писания: сочинения Ленина и один «прецедент» — октябрьскую революцию 1917 года. Теперь даже трудно себе представить, каким образом они все вместе будут строить «новый социальный порядок, основанный не на вооруженной борьбе, а на братстве; не на ожесточенной конкуренции из-за необходимых средств к жизни, а на принципах продуманной и сознательной кооперации в области производства», который обещан в Программе Рабочей Партии.

Затем отличительной чертой выборов 1922 года является разгром партии, тесно связанный с именем государственного деятеля, который в течении целого ряда лет, притом самых трагических лет в истории нашего времени, пользовался совершенно исключительной властью не только в Англии. Его голос был решающим в совете государств. Я говорю, конечно, о Ллойд-Джордже. Ужас трагедии, ареной которой

стали в 1914-18 годах три континента, увеличивается тем, что в этой великой и кровавой катастрофе решающую роль вождей играли карлики и посредственности, обладавшие колоссальным честолюбием. На художественной выставке в Лондоне в 1923 году обратила на себя внимание картина академика сэра Вильяма Орпина «Неизвестному британскому солдату во Франции». Картина эта вызвала много толков. Ее хвалили, но еще больше порицали. Картина — фантастическая. Она изображает могилу неизвестного воина, находящуюся в Версальском дворце, в Зеркальной зале, где заседали в 1919 году дипломаты, с Ллойд-Джорджем во главе, выработывая «мирный» договор, содержащий в себе зародыши целого ряда войн. Могила задрапирована английским флагом. Ее охраняют два английских солдата, точнее, призрака, почти голые, с безумными лицами. Картина должна изображать действительные результаты войны. С одной стороны — неисчислимы страдания, с другой — лицемерие и торжество карликов и самодовольной посредственности. Художнику, участвовавшему в войне, заказана была картина, изображающая заседание в Зеркальной зале самодовольных дипломатов. Но когда художник нарисовал торжественную посредственность, перед ним возникло все то, что он видел на войне. И тогда он снял с полотна готовые уже фигуры, а вместо них на фоне Зеркальной Залы нарисовал могилу и солдат, похожих на призраки. Эта картина постоянно возникает передо мною, когда я думаю о Ллойд-Джордже. Перед нами способный «карлик» с колоссальным честолюбием, спокойно пользующийся чужим трудом, чужим умом, чужой жизнью, ибо твердо уверовал раз навсегда, что весь мир существует только для него.

Прочтите все речи Ллойд-Джорджа. Вы не найдете ни одной, в которой защищается какое-нибудь определенное мировоззрение, определенный принцип! Ллойд-Джордж твердо убежден, что слово выдуманно первым умным человеком на земле, чтобы втереть им очки первому сентиментальному дураку и заставить его этим работать для преуспевания умницы. Ллойд-Джордж восхищался людьми, сумевшими выдумать «слово», которое запорошит глаза целому народу. Отсюда его восхищение перед русскими большевиками. Сам Ллойд-Джордж всю жизнь искал такое «слово», но по своей малой культурности никак не мог найти его.

В майской книжке журнала «National Review» за 1921 год, помещена, мне кажется, верная характеристика этого маленького человека с колоссальным честолюбием, который, по невежеству своему, обладая огромной властью, наделал роковые ошибки в международной политике, за которые Европа еще долго будет расплачиваться кровью. «В течение последних лет Ллойд-Джордж был самодержцем — читаем мы в консервативном журнале. Он упразднил три тормоза, задерживающие в Англии автократизм: контроль кабинета, оппозицию в парламенте и критику независимой печати. Деятельность кабинета при Ллойд-Джордже была фактически упразднена. Министры при нем являлись подчиненными чиновниками, не имевшими своего мнения; по приказу Ллойд-Джорджа эти министры готовы были выбросить за борт любой принцип. Доказательством является политика Ллойд-Джорджа по отношению к большевикам».

Что касается печати, то всемогущий министр, как указывает «National Review» нашел способ пре-

вратить ее в орудие своей пропаганды: издателям и видным публицистам он раздавал или обещал титулы *). Чего только не обещал Ллойд-Джордж населению Англии и всему миру, когда ему было выгодно! В 1918 году перед выборами он заявил, что Германия покроет всю стоимость войны. Из нее выжмут для этого все, что только возможно... Мы обыщем все карманы Германии. — говорил Ллойд-Джордж избирателям. Продолжая играть на той же шовинистической струне, Ллойд-Джордж перед выборами 1918 года обещал избирателям «вытребовать кайзера для суда над ним». «Разоблачения, появившиеся после перемирия, обнаружили, что все эти обещания даны были при обстановке, говорящей о поразительном двоедушии Ллойд-Джорджа», продолжает «National Review». Двойственность эта проявлялась и в других поступках первого министра. В середине 1919 года он с негодованием громил в Парламенте большевиков и категорически заявлял, что убийцам никто не может протянуть руку, между тем уже в январе 1919 года, говорит «National Review», «Ллойд-Джордж, находясь в Париже, составил план

*) Никто из английских первых министров вообще не раздавал так щедро титулы своим сторонникам, как Ллойд-Джордж. Титулы пэров и дворянские раздавались так широко, что, наконец, вызвали взрыв негодования. Лордами становились богатые пивовары, винокуры и заводчики, оказавшие услуги партии Ллойд-Джорджа. За период 1916-22 гг. Ллойд-Джордж «посоветовал» королю назначить 90 новых пэров (при Солсбри за семь лет назначено 50 человек). За этот же период времени 25 человек сделаны тайными советниками, 26 человек — баронетами, 33 — дворянами и 15 получили другие знаки отличия. При Ллойд-Джордже титулы были опошлены, так как раздавались за услуги, известные только первому министру.

официального признания большевистского режима. С этой целью он отправил в Россию своего тайного эмиссара, американца Бьюллита, поручив ему сделать прямое предложение Советскому правительству. А в конце марта 1919 года Ллойд-Джордж составил меморандум о том, чтобы поручить Германии расправиться с Советской Россией. Через несколько месяцев он опять решил заключить мир с Советской Россией, и тогда Ллойд-Джордж, никогда не знающий меры, произнес в Парламенте речь о русских закромах, ломающихся от хлеба, тогда как товарищ его по кабинету соблазнял англичан золотом, имеющимся у большевиков, рекомендуя не обращать внимания на сомнительное происхождение его». «Если бы этот человек (т. е. Ллойд-Джордж) был Линкольном, Кромвелем или Наполеоном, то двоедушные простились бы ему еще, быть может, — продолжает »National Review« — но на беду перед нами совершенно заурядный человек, обладающий только большой способностью к интриге».

Три года подряд Ллойд-Джордж льстил царской России, восхваляя ее и гордился союзом с ней. Затем неожиданно открыл, что Россия враг Англии. Еще в 1918 году из кабинета Ллойд-Джорджа вышел проект расчленения России «по диагонали», т. е. о том, чтобы отрезать все территории от Балтийского до Каспийского моря. И ко всему этому надо прибавить еще совершенно исключительное, анекдотическое невежество Ллойд-Джорджа, когда дело касается не Англии, которую он знает хорошо. В 1919 году он, например, возвратившись временно с континента, сказал в Парламенте:

— Вас не должно удивлять, что переговоры о мире тянутся медленно. Нам приходится разрешать

вопросы о странах, о которых никто раньше ничего не слышал. Кто из вас, например, слышал про Тешен? — самодовольно спросил Ллойд-Джордж.

Ему ответили, что крайне прискорбно, что первый министр величайшей империи узнал о существовании Тешена только на конгрессе, куда его послали решать судьбы Европы, тогда как о Тешенском договоре, закончившем войну за Баварское наследство, обязан знать каждый гимназист.

С такою же гордостью Ллойд-Джордж в 1918 году толковал о «генерале Харькове».

VII.

На выборах 1922 года громадная партия Ллойд-Джорджа была разгромлена. У него в Парламенте оказалась лишь группа в 52 человека.

Перейдем теперь к последней характерной черте выборов 1922 года: к участию в них женщин. На парламентских выборах 33 женщины выставили свою кандидатуру. Кандидаты эти по политическим взглядам распределялись так:

Консерваторов	5
Национал-либералов	3
Либералов	13
Рабочих	10
Независимых	2

33

Избраны были две женщины: одна, принадлежащая к консервативной партии, а другая — к либеральной партии. Из кандидатов рабочей партии не прошел никто, хотя за некоторых подано очень много

голосов (например, 14000 за г-жу Бонфилд). Если принять во внимание, что в списке парламентских избирателей, составленном в 1921 году, значится 10.182.617 мужчин и 7.475.106 женщин, то надо прийти к заключению, что английские избиратели, очевидно, охотнее голосуют за мужчин, чем за женщин. За кого голосовали женщины? Настроены ли они более радикально или более консервативно, чем мужчины? У нас нет данных, чтобы прямо ответить на этот вопрос, так как регистрации голосов, поданных за кандидата по полу, конечно, не существует. На записке, опущенной в избирательный ящик, стоит только крест. Неизвестно, кто его поставил: мужчина или женщина; но у нас есть кое какие косвенные пути для определения политического настроения женщин-избирателей. Мы имеем, например, несколько округов, где в регистрах парламентских избирателей больше женщин, чем мужчин. Таковы три округа:

	мужч.	женщ.
Южный Кенсингтон	17.379	18.305
Челтенхэм	11.925	12.052
Хастингс	14.121	14.664

Во всех этих округах прошли кандидаты консервативной партии, при чем они прошли огромным большинством голосов (в Южн. Кенсингтоне большинство в 10.796 голосов, в Челтенхэме — в 3.146 голосов и в Хастингсе — в 7.499 голосов). Затем есть четыре округа, в которых число избирателей мужчин и женщин почти равно.

	мужч.	женщ.
Чесли	14.383	14.070
Борнмоут	18.956	18.642
Илфорд	22.879	22.134
Тонбридж	19.502	19.041

И в этих округах всюду огромным большинством прошли консерваторы. Крайне любопытно, что ни одна из 33 женщин, выставивших свою кандидатуру на выборах, не обратилась к округам, в которых женщины преобладают. Таким образом, все те округа, в которых женщины преобладают или численно равны мужчинам, голосовали за консерваторов. Повидимому, английская женщина не сочувствует крайним взглядам. Надо отметить еще одну черту. В двух округах, где избраны женщины, мужчин в парламентских списках гораздо больше, чем женщин, как это видно из следующей таблицы:

	мужч.	женщ.
Плимут	20.700	16.996
Лоут	16.263	12.205

Нам надо привести еще несколько цифр, дающих возможность определить силу различных партий в самой стране. В избирательных списках 1922 года значатся 18.689.510 избирателей, из которых подали голос 14.039.569, т. е. 75,2%, что свидетельствует, конечно, о значительном интересе к государственным делам. Избиратели голосовали так:

За консерваторов	5.317.465	37,7%
либералов	2.595.285	17,1%
национал-либералов	1.510.734	10,7%
рабочих	4.102.425	29,3%
За другие партии	453.662	5,2%

Таким образом, на стороне Рабочей Партии 29,3% всего населения Англии, имеющего право голоса. В Шотландии из 620.755 голосов, поданных на выборах, рабочие получили 194.453, что составляет 31,3%.

Таковы силы той партии, которая надеется стать

у власти и при помощи Парламента радикально изменить социальный строй Англии *).

Рабочая партия, признающая только демократические принципы, т. е. господство большинства, решительно высказалась еще в 1919 году против революционных выступлений меньшинства.

Когда подготовлялась большая железнодорожная стачка и «тройственный союз» мощных тред-юнионов говорил о «прямом» воздействии на правительство», т. е. о стачке для достижения политических целей, Хендерсон убеждал рабочих не делать этого. «Если мы, находясь теперь в меньшинстве, прибегаем к «прямому действию», то это подаст повод буржуазии, когда мы станем у власти, тоже воспользоваться стачкой, как политическим орудием для противодействия нашему законодательству», — правильно указал Хендерсон **).

Рабочая Партия теперь (в 1923 году) имеет, по видимому, все шансы на еще более мощное развитие,

*) На конгрессе Рабочей Партии, открывшемся в Лондоне 26 июня 1923 года, председатель Сидней Вебб с гордостью указал на стремительный прогресс организаций за десять лет. В 1913 году Рабочая Партия могла бы, в случае выборов, выставить своих кандидатов только в $\frac{1}{10}$ всех избирательных округов, при чем собрала бы, вероятно, только 500.000 голосов. Теперь Рабочая Партия, имеющая около 4 миллионов сочленов, является самой бедной и самой многочисленной политической организацией в стране. К ней принадлежат около 10.000 муниципальных советников. На последних парламентских выборах партия выставила 400 кандидатов, при чем собрала $4\frac{1}{2}$ милл. голосов, т. е. всего лишь на миллион голосов меньше, чем победоносная Юнионистская партия. Рассматривая поднимающуюся кривую, обозначающую прогресс Рабочей Партии, можно предсказать, что, приблизительно, около 1926 года, партия станет у власти. (> *Times*«, June 17. 1923.)

**> *Times*«, september 5, 1919.

чем до сих пор. Это предположение подтверждается тем фактом, что честолюбивые, проницательные деятели спешат перейти из других политических партий в новую организацию, так как верят в ее развитие. Мы отметим также и скептические голоса, правда, очень немногочисленные. К таким скептикам, например, относится Шоу Десмонд, автор книги «Labour, the Giant with the Feet of Clay», вышедшей в 1922 году. Автор был членом рабочей партии в течение 14 лет и выступал на парламентских выборах, как независимый социалист. В своей книге автор указывает, что рабочее движение не есть что-нибудь компактное и однородное. Мы наблюдаем противоположные идеалы, разные цели и не одинаковые методы. «Сила Рабочей партии появилась стремительно, как метеор, но метеор, бросив на мгновение ослепительный свет, исчезает», — говорит Шоу Десмонд. По его утверждению, Рабочая партия «превращается в голосующую машину». Наступил теперь момент, когда «машина победила человека». Вожди, по утверждению автора, превращаются в «непогрешимых пап», требующих, чтобы их приказы исполнялись без всякой критики. Вожди составляют резолюции, а рядовые тредюнионисты, голосуют, не рассуждая. По мнению автора, если Рабочая Партия станет у власти, мы увидим сплоченную бюрократию, какой еще не было в Англии.

АНГЛИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

I.

В мае месяце 1923 года в «Таймсе» появился ряд очень интересных статей о положении земледелия в Англии, принадлежащих крупному помещику, лорду Сельборну. В этих статьях автор ставит любопытный вопрос, который вряд ли придется формулировать в таком виде где либо на континенте. «Вопрос, стоящий теперь перед Англией, заключается вот в чем: «стоит ли сохранять земледельческое население страны?... Огромное большинство избирателей Соединенного Королевства — горожане и работают на фабриках, заводах, доках или в шахтах. Об условиях жизни в деревне они знают столько же, сколько об обитателях Марса... На выборах городское население численно превосходило во много раз деревенское... Англии грозит, что она перестанет быть страной пахарей. Нивы на ней превратятся в пастбища. Результатом будет то, что сельское население, которое и без того уже сильно уменьшилось, исчезнет совершенно. Между тем сельское население необходимо сохранить, так как оно является солью земли. Городские ораторы совершенно неверно изобразили сельское население, как неквалифицированных работников, тогда как, в действительности, их труд — в высшей степени квалифицированный». И автор горько жалуется на горожан-политиков, «вырабаты-

вающих программы для деревни, которой не знают*).

В какой степени верны толки об опустении деревни? В 1811 году от земли жило 35% населения Англии, а в 1901 году — только 9,5%. В 1851 году в Англии было 1.110.310 сельских работников, а в 1901 — 609.105. Следующая таблица показывает, какая часть населения разных стран в начале XX столетия была занята земледелием.

Страны	Годы	% населения, занятого земледелием, лесным делом и рыбной ловлей
Венгрия	1900	69,7
Австрия	1900	60,9
Италия	1901	59,4
Россия	1897	58,3
Швеция	1900	49,8
Дания	1901	48,2
Франция	1906	42,7
Норвегия	1900	41,0
Соединенные Штаты.	1900	35,9
Германия	1907	35,2
Швейцария	1899	30,9
Голландия	1900	30,7
Бельгия	1900	21,1
Соедин. Королевство.	1901	9,2
Одна Англия и Валлис.	1901	8,8

(См. »The Land and the People«, Times, July, 24, 1913).

*) Earl of Salborne, »Land and Nation«. Times, May, 18, 1923.

Что такое представляет собою теперь английская деревня? Каким образом случилось, что она опустела? Как отразилось в ней послевоенное брожение? Постараемся дать ответ на все эти вопросы.

Возьмем типичную английскую деревню. Мы в живописном Уилтширском графстве. На громадной волнистой равнине расположен ряд игрушечных, крошечных, чистеньких городков. У каждого из них своя собственная многовековая история, своя жизнь, свои собственные герои, имена которых внесены в пожелтевшие пергаментные свитки, хранящиеся в архивах ратуши *). Между городками, на равнине или по откосам, расположились деревни. Возьмем одну из них, — Корсли, подробно описанную г-жей Мод Дэвис в специальной, очень интересной монографии «Life in an English Village». Деревня лежит в трех милях от крошечного городка Уорминстера, который упоминается уже в «Domesday Book». В деревне 700 жителей. Коттеджи расположены кучками или гнездами. Одни домики разбрелись по лугу, другие — выбрались на самый гребень холма. Центральными и самыми красивыми зданиями являются старинная церковь XII века и отлично устроенная светская школа. Разбросанность деревни сама по себе составляет крайне интересный факт для археолога. В своей монографии «Domesday Book» профессор Мэтлонд различает два типа английских деревень: скученный, где дома выстроены вдоль одной улицы и разбросанный. По мнению Мэтлонда, скученные деревни основаны поселенцами германского происхождения, т. е. саксами или датчанами. Что же касается разбросан-

*) Об этих «уездных» английских городках см. Дионео, «На темы о свободе». СПб. 1908 г., часть I. стр. 61—99.

ных деревень, то они более древнего, кельтского происхождения *). Таким образом, деревня Корсли основана, по всей вероятности, еще задолго до того, как стали прибывать к берегам Англии хищники германского происхождения. Были кельты, приходили саксонцы, датчане, потом норманы, мешались все племена и образовалось одно население. Предшествующие поколения оставили сеть великодушных шоссейных дорог, соединявших деревню с городом Базс, Бристоль, Рэдсток, Траубридж, Брэдфорд и Солсбери. О древности некоторых из этих дорог говорит то, что они находятся ниже уровня полей, через которые проходят. Коттеджи в деревне выстроены на помещичьей земле. Безземельные работники, живущие теперь в них, являются квартирантами, снимающими понедельно. Когда то население Корсли имело право на землю. Теперь, в лучшем случае, оно снимает клочек земли.

Прежде чем перейти к выяснению экономического положения населения типичной английской деревни, мне хочется хотя бы бегло напомнить читателям процесс обезземеления крестьян. В старинной английской балладе рассказывается про страдания крестьян, явившиеся последствием огораживания полей и превращения нивы в пастбище для овец.

Envy waketh wondrous strong
The rich doth the poor wrong,
God of his mercy suffereth long
The devil his works to work
The towns go down, the Land decays,

т. е.: «зависть становится удивительно сильной; богач творит бедняку неправду; Господь по милости

*) F. W. Maitland, «Domesday Book and Beyond» p 15.

своей дозволяет дьяволу делать свое дело. Города разрушаются, а земля приходит в запустение».

Новизна, губительная для бедных крестьян, заключается, по словам баллады, в том, что позволяют:

Commons to close and keep;
Poor folk for bread to cry and weep;
Towns pulled down to pasture sheep,

т. е. «дозволяют огораживать и держать в личной собственности общинные земли, беднякам плакать и молить о хлебе, разрушать города, чтобы пасти овец» *).

«Безземельный гражданин является продуктом новейшей цивилизации, — говорят Джордж Кэдбери и Том Брайен, авторы коллективного труда, вышедшего в 1910 году**). Социальные силы, оторвавшие народ от земли, начали действовать в Англии в XIV веке. Работа эта была закончена в начале XIX века. Таким образом, она продолжалась пять веков, но зато результаты получились полные». Подобно многим исследователям, Кэдбери и Брайен утверждают, что в XI и XII веках простому работнику и мелкому

*) И не в столь отдаленные времена, как повествует баллада, тоже происходил процесс превращения населенных мест в пустыни. Такова, например, «Сетерлэндская чистка», »Sutherland clearence«, происшедшая в 1814 году.

Герцог Сетерлэндский — самый богатый землевладелец в Англии. Ему принадлежат в разных графствах 1.358.425 акров. Сетерлэндская чистка была произведена по приказу землевладельца, желавшего превратить фермы в луга для разведения на них овец. Фермерам приказано было убраться на все четыре стороны. Пятнадцатого мая 1814 года, по распоряжению помещика, коттеджи фермеров были сожжены. Пятнадцать тысяч человек, таким образом, вынуждены были эмигрировать в Канаду.

***) »The Land and the Landless«. London, 1910.

фермеру жилось сытнее, чем впоследствии. «Без преувеличения можно сказать, что работник и мелкий фермер были тогда рабами, но долг владельца и прямой его интерес требовали, чтобы все необходимые нужды подчиненного были удовлетворены. Крепостной или villein сохранял свое право на жилище, поле, сенокос и на лес. Обязанностью крепостного было отбывать барщину; в собственных интересах господин берег крепостного и заботился о нем, как берегут и заботятся о коне или воле. Не надо думать, что крепостной мирился со своей участью только потому, что ему были гарантированы нища и кров».

Достаточно вспомнить крестьянское восстание Уота Тэйлора в 1380 году. Тогда повстанцы так формулировали свои требования: «Вы должны освободить нас и наши земли; вы нас никогда больше не должны называть «виллэнами». Крестьяне требовали уничтожения крепостного права, справедливой ренты, свободы покупки и продажи на ярмарках и всеобщего прощения мятежникам. Король Ричард II согласился на все, но через год нарушил свое слово. «Крепостными вы были и крепостными останетесь», — сообщили тогда крестьянам. Через сто лет крепостное право, однако, окончательно исчезло. Крестьяне стали свободны, но населению надобно было не только падение цен. Личную свободу, как доказывает восстание 1380 года, массы ценили очень высоко; но они требовали, кроме того, еще и «права на труд», если пользоваться формулой более позднего времени. Любитель ошеломляющих парадоксов, Карлейль, говоря об экономическом положении городских работников в его время, высказал положение, которое часто цитировалось, как абсолютная истина. В первых главах романа Вальтер Скотта «Айвенго»,

если вспомнит читатель, фигурирует свинопас Герт, раб Седрика Саксонца. И вот Карлейль доказывает, что рабу Герту, хотя он и носил медный ошейник, как символ невольничества, жилось, в сущности, лучше, чем английским массам в сороковых годах. «Драйедест*) и другие сильно жалели Герта, родившегося рабом (thral) в доме Седрика Саксонца, — писал Карлейль. Конечно, Герт с медным ошейником, стерегущий в лесу свиней Седрика, не может быть назван образцом человеческого счастья. Но Герт, имевший над собою небо, а вокруг себя — тенистые, красивые деревья, знавший, что вечером его ждет ужин и ночлег — кажется мне счастливым человеком в сравнении с лэнкаширскими или бэкингэмширскими работниками, которые не родились т р о л л я м и (рабами). Медный ошейник не оскорблял Герта. Свиньи принадлежали Седрику, но Герт мог надеяться, что в свое время и он поест буженины. Герт сознавал, что он известным образом, хотя бы при помощи грубого медного ошейника, приобщен к другим людям, живущим на земле. Он имел равных себе, затем людей, поставленных выше и ниже его. Теперь Герт давно уже на свободе. Свобода, говорят мне, нечто божественное. Но когда свобода становится правом умереть с голода, я не хочу назвать ее божественной»**).

Парадокс Карлейля насыщен мыслью и выражен очень оригинально, но он очень мало соответствует действительности.

*) Историк литературы и автор предисловий ко многим романам Вальтер Скотта.

***) »Past and Present«, Book 3, Chap. XIII.

II.

Возвратимся теперь к судьбе английского крестьянина после окончательного падения крепостного права. Мы видим длительный, многовековой процесс отрывания крестьян от земли. Одной из главных причин является, прежде всего, развитие промышленности и торговли и полное преобразование, вследствие этого, общества. Во времена Тюдоров новые условия торговли начали отражаться уже на английской жизни. Увеличение количества золота на континенте, явившееся последствием открытия Америки; постепенное повышение цен на шерсть, которая была в сильном спросе в фламандских городах; увеличивавшийся спрос на сырые продукты для обработки их в самой Англии, — все это побуждало английских кушцов покупать земли и превращать нивы в пастбища для овец. И всюду, где этот процесс происходил, кормовые травы заменяли хлебные злаки; овцы вытесняли людей. Маленькие деревни пустели. Я привел уже выше выдержку из английской старинной баллады. То же явление отмечает Томас Мор в своей «Утопии». «Они разрушают дома и оставляют только церкви, которые обращают в кошары для овец. Полагая, что слишком мало земли теряется под болота, пропасти и парки, эти люди обращают жилые места и нивы в пустыни»^{*)}. Английские писатели XIV века часто изображали горестное положение крестьян, обусловленное систематическим превращением пахотной земли в пастбища. Тот же Томас Мор свидетельствует, что работников выгоняют из их жилищ и превращают, таким образом, в бродяг. «Эти

^{*)} Utopia, pt. I.

несчастные решительно не знают, куда деться с женами и детьми» *). В современном памфлете высчитывается, что в Англии тогда было пятьдесят тысяч городов и деревень. И на каждую деревню и на каждый город во времена Генриха VII приходилось, в среднем, на один плуг меньше, чем в прошлое царствование. Таким образом, «овца» упразднила 50 тысяч плугов, около каждого из которых кормилось шесть человек в среднем. Триста тысяч человек лишились всех средств к существованию», говорит неизвестный автор брошюры. «Все они имели раньше пищу, платье и место, где приклонить голову. Они платили должное Богу и королю (по красивому старому выражению: *Skot and lot to God and the King*). Теперь у них ничего нет. Они бродят по Англии и выпрашивают Христовым именем милостыню. А те, которые не хотят питаться подаяннем, воруют. И их вешают. И в силу общего разорения королевство идет к гибели» **).

По определению современника, Англия времен Тюдоров была страной, «в которой богатства накапливались, а люди гибли». Так писал в 1550 году Роберт Краули, автор книги «Путь к богатству». В 1549 году в Англии был мятеж. Краули ставит его в прямую зависимость от накопления богатств за счет бедняков, прогнанных с земли: «Предложи я беднякам вопрос, что они думают о мятеже, то заранее мог бы предсказать ответ, — пишет Краули. Бедняк ответил бы, что действительными виновниками восстания являются помещики, владельцы лугов, закон-

*) Цитировано в *Econ. History, by Ashley, vol. I, p. 352.*

***) Цитировано в предисловии к книге *Thomas Starkey, England in Reign of Henry VIII.*

ники, купцы, богатые мясники, дворяне, лорды и еще тот, кого я назвать не могу. Они готовы сделать все, чему нет даже имени, если только это выгодно. Люди эти не знают ни совести, ни страха Божьего. Живут они так, как будто Бога совсем не было бы. Они хотят забрать все в свои руки, отнять все от других и сделаться единственными владыками земли. Люди, у которых хватает совести отнять все средства к существованию у стариков, женщин и детей, являются единственной причиной мятежа. Они поднимают ренту и огораживают наши поля. Мы не можем более оставаться в деревне, иначе нам грозит неволя. Мы не можем идти в город, потому что там нас ждет отчаяние. Что же нам остается? Бороться и пасть в бою, как подобает мужчинам. Многие так и сделали уже и погибли. И епископ экзетерский на их трупах отслужил молебен за избавление от мятежников. Злоторжествует в стране. Истинная вера погибла. Источник милосердия иссяк. Деревня испускает предсмертное хрипение. Бедняк плачет, просит милостыню, ворует или устраивает мятеж и гибнет с оружием в руках»^{*)}. Мелкий фермер был совершенно разорен вследствие того, что рента увеличилась почти в четыре раза. Богатые помещики начали огораживать общинные и пустующие земли, что отняло у бедняков последний шанс на независимость.

Некоторые авторы утверждают, — говорят Кэдбери и Брайен, — что реформация уменьшила значение милосердия к беднякам и раздачу милостыни. Другими словами, церковь до реформации вменяла всем в прямую обязанность помогать неимущим и причисляла милосердие к главным христианским до-

^{*)} England in Reign of Henry VIII, p. CX.

бродетелям. После реформации отношение церкви к неимущим изменилось, а потому бедность приняла более острые формы. В действительности мы видим еще другие причины, обусловившие страдания масс. Без сомнения, Генрих VIII, закрыв монастыри, ухудшил таким образом положение профессиональных бедняков. Для борьбы с нищетой король этот знал только жестокие меры; но во времена королевы Елизаветы мы видим уже организации приходов с целью помогать беднякам. Переход от крепостного состояния к свободе всегда является шагом от «обеспеченного ужина», который имел «Троль Герт» до временной необеспеченности. В описываемую эпоху английский работник переходил от крепостного состояния к свободе; но в то же время у него отняли экономическую независимость. Он становился в зависимость только от заработной платы. У работника отняли право на клочек земли, на общественный выгон, на добывание торфа в болотах, не имевших определенного владельца. Государственные деятели времен Елизаветы, вполне сознавая серьезность перемены в экономическом положении масс, сделали первую попытку установить *minimum* заработной платы, которая давала бы возможность существовать (*living wage*). Мировым судьям поручено было тогда установить заработную плату в зависимости от цены на предметы первой необходимости. Другой закон, изданный в царствование Елизаветы, определяет, что к каждому рабочему коттеджу, находящемуся в деревне, должны быть прирезаны четыре акра земли. Оба закона не оправдали ожиданий. Они не устранили страданий ни городских, ни деревенских работников. Закон о фиксированной заработной плате превратился в руках заинтересованных магистратов в орудие

для *понижения* заработков. Что же касается второго закона, то последствием его было прекращение сооружения новых коттеджей. Итак, мы видим, что в XVI веке огораживание пустующих земель и превращение общинных владений в пастбища, затем поднятие цен на предметы первой необходимости, медленное повышение заработной платы, гибель монастырских благотворительных учреждений и многие другие причины содействовали уничтожению экономической независимости английского сельского работника*).

III.

Огораживание земель с целью выпаса овец, повидимому, кончилось ко времени Тюдоров. После этого стали снова обращать внимание на хлебопашество. Англия превратилась в страну, вывозящую хлеб за границу. И сильные люди начали огораживать поля с целью сеять хлеб. Эта перемена выдвинула новый класс именов. В семнадцатом и начале восемнадцатого веков господствующее влияние на английские политические дела принадлежало не старому дворянству, а деревенскому »gentry« и громадному классу именов. Эти классы дали ту непобедимую армию, которая сбросила Карла I с престола и основала республику, просуществовавшую несколько более десяти лет. Из рядов именов вышел Кромвель. По численности того времени, одна шестая всего населения Англии принадлежала к классу именов. Дефо, предпринявший путешествие по Англии в самом начале XVIII века, оставил нам интересное описание, сви-

*) The Land and Landless; pp. 8—10

детельствующее о материальном благосостоянии иоменов. Каждая homestead (усадебка) представляла собою бойкий и трудолюбивый улей. В каждой деревне существовала какая-нибудь отрасль промышленности в зависимости от известных условий: там ткали полотно, валяли сукно, мяли и дубили кожу и пр. На фермах находил работу каждый желающий. «Нигде не видел я ни одного нищего, — пишет автор Робинзон Крузе, — нигде ни одного лентяя; только там и сям стоят богадельни для стариков, не могущих уже работать». По словам Дефо, сельский работник в Йоркшире и Дерхэме получал по четыре шиллинга в неделю, а в Кенте и в южных графствах — от семи до десяти шиллингов. Дефо добавляет, что нигде в других странах сельский работник не получает так много, как в Англии. По его словам, здесь «нет места для пауперизма, проявляющегося в бродяжестве, пьянстве и преступлениях». Помимо заработной платы, сельский работник во многих местах сохранил еще известное право на общинные и на пустующие земли. Работник мог выстроить себе коттедж на такой свободной земле и огородить участок. За это надо было внести только небольшую плату помещику (lord of the manor), в уделе которого номинально числилась пустующая земля. На общинной земле сельский работник мог собирать хворост и резать торф для топлива. Он мог погнать на общий выгон своих свиней, корову или гусей.

Жизнь мелких иоменов была вполне обеспечена. По вычислению Маколея, средний иомен получал в год от 60 — 70 ф. ст. Крестьянин free holder*), чув-

*) Free hold — феодальный термин, удержавшийся до сих пор в Англии и означающий белое поместье. Термин не означа-

становал твердую почву под ногами в продолжении всего XVIII века. Англия была тогда по преимуществу земледельческой страной. Артур Юнг вычислил распределение населения Англии по отраслям промышленности. Вычисление относится к 1770 году, т. е. к самому кануну промышленной революции. Согласно ему в Англии было в то время 500.000 паунеров, 500.000 военных чиновников, 200.000 адвокатов, врачей, священников и других людей определенной профессии, 700.000 торговцев, 300.000 занятых обработкой разных веществ и 3.600.000 земледельцев. Доходы этих классов определялись так:

Паунеры	1.500.000	ф. ст. в год.
Военные	5.000.000	« « «
Профессионалы	5.000.000	« « «
Торговцы	10.000.000	« « «
Производители	27.000.000	« « «
Земледельцы	66.000.000	*) « «

В самом конце XVIII века и в начале XIX века, экономические и социальные силы складываются крайне неблагоприятно для английского крестьянина и он начинает упускать из рук свою ферму. Благосостояние мелкого фермера и сельского работника являлось результатом соединения занятий земледелием и кустарным промыслом. До 1760 года, ко-

ет, что земля безусловно принадлежала фермеру. Такого абсолютного владения мы не видим уже в XVII веке. Термин free holder, т. е. владелец белого поместья означал, что фермер лично — совершенно свободный человек; но он имел известные обязательства, натурой или деньгами, по отношению к помещику, lord of the manor. Затем аренда имела вечный характер.

*) Цитировано у Gilbins'a, в его Industry in England, p. 334.

гда Уатт усовершенствовал свою паровую машину, большие города с лесом фабричных труб не существовали. Производство было, так сказать, рассеяно по всем деревенским коттедгам. Каждый фермер был в то же время ткачем, кожевником и т. д. «Простые орудия, необходимые при обработке земли, и инструменты, надобные в хозяйстве, изготовлялись дома же,—говорит Протеро в своей книге »Pioneers of Agriculture«. Фермер, сыновья его и работники вырезывали и выстругивали в длинные зимние вечера деревянные ложки, блюда и чашки, плели ивовые корзины, ладили топорщица, зубья для бороны, ярма и проч. Время от времени на ферму заглядывали странствующие плотники и столяры, которые выполняли работу, требовавшую специальных знаний. Женщины ладили подседельники, шили и набивали кожаные подушки для седел, плели из пеньки подпруги и лили свечи для дома. Прялка, веретено и игла никогда не пребывали в праздности. Полотно и сукно, необходимые для всех, изготовлялись дома же. Каждый фермер имел свой медный котел, чтобы варить пиво для дома». Милль, цитируя в »Peasant Proprietors« описание деревень на берегах английских озер, сделанное поэтом Уордсвортом, говорит: «Каждое поселение представляло собою настоящую маленькую республику пастухов и земледельцев, имевших в собственности ту землю, которую обрабатывали. Плуг служил для поддержания его владельца и семьи его или для помощи соседу. У каждой семьи были две-три коровы, доставлявшие молоко и сыр. Над маленькой земледельческой республикой была только одна власть: церковь. Деревня жила своею самостоятельной жизнью в громадной империи, преследовавшей свои интересы. Крестьяне гор-

дились тем, что та земля, которую они обрабатывают теперь, давала хлеб их предкам пять веков тому назад. Каждая семья пряла шерсть с собственных овец. Излишек шерсти отвозился на вьючных конях через горы в город на рынок».

И вот наступила промышленная революция. Изобретенные машины сконцентрировали людей у водных путей и вокруг шахт в Северной Англии. Там выросли города с наскоро построенными нездоровыми домами. Промышленность перекечевала из коттеджей на фабрики. Началось последовательное превращение крестьян, живших узкой, но полной жизнью, в автоматом, в »hands« (руки). В то время, как промышленная революция отрывала мелкого фермера и сельского работника от земли, богатые люди начали больше интересоваться ею. Народился новый класс, состоявший из денежных людей и богатых фабрикантов. Влияние его начало сказываться на общественной жизни Англии. Плутократия вступила в состязание с помещным дворянством, которое стало больше интересоваться своими землями с целью извлечь из них большую выгоду и иметь возможность жить так же широко, как и богатые фабриканты. Изучение методов лучшей обработки земли стало фешенебельным занятием: делались опыты, которые привели к важным открытиям. Владение землей давало такое значение, какого не могли доставить другие формы богатства. Занятие торговлей или владение фабрикой признавалось унижительным для настоящего джентльмена. Влияние в политике или в обществе приобреталось вместе с землей*). Теоре-

*) Гольбах, находившийся, как и все энциклопедисты, под влиянием английских идей, выразил этот взгляд в своем

тики, отстаивавшие интересы помещиков, выдвинули тезис, что в свободном государстве законы вырабатываются большинством земледельцев. Сила государства — доказывали эти теоретики — находится в прямой зависимости от благосостояния земледельцев. Вот почему они заслуживают неизмеримо большего внимания со стороны государства, чем торговцы или фабриканты*). Подобные теории имели тот результат, что все новые богачи стремились стать помещиками.

В конце XVIII и в начале XIX веков последние остатки феодализма были разрушены усиленным огораживанием полей. Lord of the Manor, т. е. владелец, пользовавшийся известными феодальными правами в своем округе, превращался в *милорда*. Бога-

труде »*Système Social*«. Он различает »*peuple*«¹⁵ от »*populac imbecille*« (глупой черни). Только за «народом» Гольбах признает все политические права. «Гражданином считается тот, кто имеет землю... Ремесленник, торговец, солдат-наемник (*mercenaire*) должны пользоваться защитой государства, которому они все служат по своему; но истинными членами общества они становятся только тогда, когда в результате своих трудов и бережливости приобретут землю. Только земля, только сноп превращает в гражданина, — говорит Гольбах: »*C'est le sol, c'est la glèbe qui fait le citoyen*«. Земля составляет не только физический, но и политический базис государства». (*Baron d'Holbach »Système Social*«, II р. II. Издание 1822.). В самой Англии в 1711 году прошел закон, *Landed Property Qualification Act*, в силу которого для избрания в Нижнюю Палату требовался земельный ценз.

*) С этим взглядом мы встречаемся в статьях »*Land and the Nation*«, появившихся в мае 1923 г. Автор их, лорд Сельборн, вносит только одну поправку в рассуждение теоретиков XVIII века: он доказывает, что «помещик, фермер и сельский работник должны выработать одну общую политику». По мнению автора, это вполне возможно. »*Times*«, May 18, 1923.

тый фабрикант и преуспевший в жизни иомен скупали земли. Сельский работник, находившийся в известной юридической зависимости от помещика, стал теоретически абсолютно свободным человеком, но силы, освободившие его, отняли также у него все права на землю. Мы видели уже, что новые денежные классы имели достаточно оснований стремиться к приобретению земли; но увеличившийся спрос на землю, которая давала политическую силу и вес в обществе, поднял цены на нее. Возрождение земли обуславливалось еще покровительством, оказываемым помещикам правительством, а также ставками на вывозимый за границу хлеб. Все эти причины породили стремление, — как говорится в памфлете того времени, — «присоединить одно поле к другому, покуда для людей не останется места». И этот процесс «округления» владений, продолжавшийся до середины XIX века, повел к тому, что $\frac{1}{2}\%$ населения Англии оказалось собственником всей земельной площади ее.

Мы видели причины, побуждавшие богатых людей приобретать землю. Какие же условия заставили сельских работников и крестьян отказаться от своих прав на общинные и пустующие земли? Иногда бывало, что после «округления» в середине владений какого-нибудь крупного помещика оказывалась ферма, составлявшая родовое владение крестьянина. Помещик тогда или оказывал давление на крестьянина, или предлагал ему высокую плату за ферму, и крестьянское гнездо, вроде того, о котором говорит Милль со слов Уордстворта, пустело навсегда. Затем обессиливанию крестьянства содействовало разрушение общины. В растаявшей английской общине мы находим все те отрицательные и положительные чер-

ты, что и во всякой другой земельной общине. К положительным чертам относится то, что каждый общинник в известной степени был гарантирован от голодной смерти, если, конечно, желал работать. Помимо общих пашен, деревня имела обширные выгоны и леса. Враги общины указывали на то, что права индивидуума в ней не определены никакими законами. Это совершенно неверно. Писанных законов английская община, действительно, не имела, но зато существовал самый точный кодекс обычного права, сложенный веками. И хотя эти законы были не писанные, но они строго соблюдались. Кодекс этот предусматривал все явления крестьянской жизни. Наряду с общинными землями были земли пустующие. По вычислениям Департамента Земледелия, опубликованным в конце XVIII века, в Англии и Валисе было до 22 миллионов акров пустующих земель. И когда поднялся в то время вопрос о массовой эмиграции излишка населения за океан, Артур Юнг выступил с горячим протестом. «Зачем колонизировать пустыни за океаном, — писал он, — когда в самой Англии еще много пустующих земель? Зачем мы так заботились населить Америку и так мало думаем об Англии? Есть ли что либо более печальное, чем такое сознание: в хлебе нуждается население страны, имеющей громадные площади необработанной земли? Надо запахать пустующие земли. Надо посеять хлеб, клевер и репу там, где теперь растут вереск, дрок и палоротник».

К отрицательным чертам английской общины надо отнести черезполосицу и первобытный способ обработки земли. На последнее особенно напирала враги английской общины. В 1726 году, например, Джон Лоренс вычислил, что половина всех земель

в Англии находится в общинном владении. Две трети общинных земель были под пашней. Господствовала здесь трехпольная система. Лоренс доказывает, что разрушение общины и огораживание полей поведет к развитию земледелия и к увеличению «в десять раз» производительности их. «Я удивляюсь, почему население так медлит с огораживанием полей, — писал Лоренс, — когда процесс этот может принести большие богатства, чем прииски испанского короля». Даже поэты явились на помощь к сторонникам разрушения общины, описывая в стихах жалкое состояние неогороженных полей, как, например, это делает Краб в поэме «Деревня». И вот, под предлогом борьбы с «доисторической, несовершенной формой землевладения, истощающей землю», начался процесс огораживания общинных земель, последствием которого была гибель деревни. «Хотя огораживание полей было необходимо для поднятия земледелия, — говорит защитник системы, — но осуществление его причинило великие страдания беднякам. Они потеряли свои права на землю, на пищу, на топливо». В отчете сэра Джона Синклера об огораживании полей, напечатанном в 1808 году, отмечены факты вроде следующих.

«Гютинг в Бедфордшире. До тех пор, покуда начался процесс огораживания общинных земель, бедняки легко могли иметь коровье молоко для детей. Теперь все изменилось к худшему. Число коров уменьшилось с 110 до 40.

«Тинджунг в Бэкингэмпшире. Прежде кварта молока стоила пенни. Теперь молока нельзя достать ни за какую цену.

«Дерингтон в Линкольншире. Прежде сельские работники держали здесь 140 коров. После того, как

поля огорожены, пасти скот стало негде. Коровы проданы».

Первым результатом огораживания общинных полей явилось громадное число бродяг и пауперов в деревенских округах. Приходам надобно было немедленно изыскивать средства для прокормления пауперов. Для этого явилась надобность в новых налогах. Современные писатели говорят о громадных армиях пауперов, которые тогда бродили по большим дорогам. То была настоящая орда, шумная, голодная, дикая и буйная, тронувшаяся в поход с женами и детьми. Число преступлений сильно возросло, несмотря на невероятную жестокость наказаний. Хотя кража с лотка могла повести тогда даже двенадцатилетних детей к ссылке в Австралию, а кража со взломом к виселице, — кражи, грабежи и поджоги случались тогда в десять раз чаще, чем теперь *).

*) В воспоминаниях английского судьи сэра Генри Хаукинса, вышедших в 1910 году, мы находим выдержку из летописи Линкольнширского акцизного суда 18 марта 1818 года. Мы читаем там такие отметки: «Вильям Бьюли, 49 лет, отставной солдат. Арестован 29 июля 1817 года. Проник со взломом в квартиру Джемса Краудера из Бартона. Похитил одну бутылку, одну бархатную куртку и три жилета. Признан виновным. Смертный приговор». — «Джордж Кроу, пятнадцати лет. Арестован 23 сентября 1817 года. Проник в жилое помещение в С. Холмсе, взломал конторку и похитил три золотых соверена и серебром 3 ш. 6 пен. Признан виновным. Смертный приговор». — «Томас Янс, 17 лет, рабочий. Арестован 23 сентября 1817 года. Проник в одиннадцатом часу вечера в дом Ашлина, эсквайра, с целью совершения кражи. Признан виновным. Смертный приговор». — «Вильямс Бэл, он же Джон Броун, 30 лет. Проник со взломом в лавку Вильяма Гойя из Альвингэма. Похитил пару новых башмаков и одно голенище. Признан виновным. Смертный приговор», и т. д. На 447 странице книги Джона Аштона «The Dawn of the XIX Century» помещен рисунок, относящийся к 1802 году. Изображает он послед-

Преступления уменьшились только тогда, когда поднялось благосостояние масс, когда хотя отчасти устранено было зло, причиненное огораживанием полей. Преступления уменьшились, хотя наказания значительно смягчились. Несмотря на протесты помещиков, заявлявших, что в деревнях не будет возможности жить, смертная казнь за преступления против собственности была отменена.

IV.

Возвратимся, однако, к нашей типичной английской деревне, к Корсли. В свое время и здесь земля находилась во владении общин. «Близ Кли Хилля и на северо-восток от этого холма, у которого находится деревня, лежали общинные поля, разделенные на неправильные полосы и клинья; земля обрабатывалась населением согласно многолетнему обычаю. Кроме пашен, на которых велось трехпольное хозяйство, деревня имела еще общинные луга. У общины имелся также лес, о котором заботились, во всяком случае, не меньше, чем теперь. У прихода имелся еще громадный общинный выгонъ, где общественные пастухи стерегли крестьянский скот. Прежде всего наиболее богатые крестьяне начали огораживать поля, примыкавшие к усадьбам. Значительная часть общинных земель была огорожена, однако, гораздо

ною молитву десяти осужденных (среди них две женщины), которых казнят на другой день. Осужденные молятся у гробов, уготовленных для них. Среди осужденных — Джон Гольдффрид за кражу синего сюртука, Джозеф Хеф — за кражу овцы, Мери Хембрис — за кражу пары чулок из запертого помещения и т. д.

позднее»^{*)}). Как и в других английских деревнях, в Корсли когда то существовал подсобный промысел, который одно время сильно развился. Церковная хроника показывает, что в XVII веке деревенское население валяло сукно на продажу. Производство развилось в соседнем городке у Эстбери еще задолго до гражданской войны, но в деревню проникло только во время Реставрации. Во время междуусобной войны суконные фабрики в соседних городах перенесли страшный кризис. С одной стороны, владельцы были разорены непосильными наборами, с другой — местные власти, которым военное положение дало больше полномочий, вмешивалось в дела производителей. В царствование Георга II, т. е. в середине XVIII века, мы видим в деревне Корсли почти такое же население по составу, как и теперь. Некоторые иомены занимаются, в середине XVIII в., только земледелием; но другие иомены, при содействии членов семьи и работников, занимаются, кроме того, изготовлением сукна. В середине XVIII века большая часть общинных земель и выгона уже огорожена или богатыми иоменами, или посторонними, по соглашению. Во второй половине XVIII века суконное производство в Корсли все еще процветает, но переживает известную метаморфозу. Подготовительные процессы, т. е. мытье шерсти, прядение и окрашивание производятся все еще крестьянами, но окончательный процесс находится уже под контролем маленьких капиталистов. Они заводят небольшие фабрики, на которых работают за поденную плату. Но, несмотря на это, в деревне во второй половине XVIII века все еще есть дома, в которых есть станки. Потом мы

^{*)} *M. F. Davies*, » *Life in an English Village*«, p. 17.

видим, как отдельные семьи специализируются: одни только красят шерсть, другие только прядут нитки и пр. Все изготовляющие пряжу или валяющие сукно все еще остаются фермерами. Даже маленький капиталист, которому принадлежит фабрика, тоже фермер. Когда в Йоркшире и Ланкашире возникли большие фабрики, с которыми мелкие предприниматели не могли конкурировать, суконное производство в Корсли начало падать, но за то там возник новый подсобный промысел — шелководство. К концу XVIII века и в самом начале XIX века мы видим перемены в укладе жизни Корсли. Ткачи по-прежнему работают в полях; но существует уже фабрика с ее характерными чертами. Она затянула в свои сети даже детей. «На фабрике работали семилетние-восьмилетние дети. Возвращаясь домой, они так пахли краской, что обыватели запирали окна». Упрямые, тупые старики, восстававшие против законопроекта, который поднимал обязательный возраст детей на фабриках, выставляли такой аргумент: «наши деды в шесть лет добытчиками были, а ничего, прожили свой век, так чего же нам ломать обычай?» И тут же старики принимались рассказывать про шестилетних «добытчиков», пропитавшихся краской до того, что у других «воротило душу»; про семилетних рудокопов, спускавшихся в шахты, где в глубокой темноте проводили 12-14 часов, запирая и открывая двери в подземных галлереях. И это не был еще минимальный возраст. В конце XVIII века углекопы спускались в шахты с пятилетними детьми, которые держали лампы и светили забойщикам.

В начале XIX века, вследствие огораживания общинных полей, мы видим в Корсли уже работников, зависевших исключительно от продажи своих

мышц. На деревенской фабрике они получают несколько более высокую заработную плату, чем на полях. В Корсли, как и в других местах в Англии, рост рабочего фабричного населения отразился на земледелии. Вся аграрная система была революционизирована. В жизни прихода произошла резкая перемена. Огораживание полей превратило в бездомных батраков значительную часть населения, добывавшую раньше средства к существованию хлебопашеством; но этот процесс временно повел также к улучшению способа землепользования. Маленькие полоски, на которые прежде делились общинные поля Корсли, теперь заменились несколькими большими фермами, на которых стали применяться новые открытия в области агрономии. Большая часть общинных земель досталась лорду Уимоту. Огораживание полей произошло в деревне в 1780 году и результаты сказались немедленно. В 1783 году появляются уже в Корсли обыватели, снимающие коттеджи по-недельно. Это бывшие крестьяне, потерявшие права на общинные земли и сведенные на положение работников. Процесс огораживания полей закончился в деревне в начале XIX века.

Мы знаем уже в известной степени прошлое Корсли. Посмотрим, что представляет собою деревня теперь. По занятиям население типичной английской деревни распределяется так:

Земледелием занято	57,7%
Торговлей	4,5
Ремеслами	11,3
Разными другими делами	15,7
Одинокие поденщицы	10,8
	<hr/>
	100%

В английской деревне мы имеем всегда известный процент удалившихся от дел людей, ищущих покойной и дешевой жизни. Большая часть земли в Корсли представляет собою теперь пастбища.

Перед нами, главным образом, молочные фермы. Запахивают только 512 акров, тогда как всей земли 3056 акров. Под лесом около 280 акров. Теперь лес частный, но прежде был общественный.

Молочные фермы в Корсли отправляют ежедневно молоко или в Лондон, или на центральную громадную сыроварню в Форме. Размеры фермы от 454 до трех акров. Мелкие фермы представляют собою большею частью огороды.

Почти все фермеры, как крупные, так и мелкие, имеют еще какое нибудь другое занятие: мы видим гут кабатчиков, торговцев углем, ремесленников, почтмейстера, почталиона, мясника, пономаря и т. д.

Из 34 фермеров, у которых земледелие является единственным занятием,

5	имеют больше	100 акров
4	„	от 50—100 „
7	„	„ 25— 50 „
12	„	„ 10— 25 „
6	меньше	10 акров.

Следующая таблица дает некоторое представление о фермах в Корсли, о производимых на них продуктах, о степени развития их хозяйства и о количестве занятых рабочих рук, помимо самих фермеров. Возьмем одну ферму больше 400 акров, одну больше 300 акров и т. д. вплоть до самых мелких (до 3-х акров включительно) и посмотрим, какого рода хозяйство ведется там.

Число акров	Х а р а к т е р ф е р м ы	Сколько рабочих рук, кроме хозяина
454	Пашня и пастбище. Сеют пшеницу, овес, бобы. Молоко отправляют в Форм. Поят телят. Держат овец.	10
327	Молочное хозяйство.	—
195	Семьдесят акров под плугом. Разводят коров, лошадей, свиней и птиц. Молоко отправляют в Форм. Сеют пшеницу, ячмень, овес.	5
90	Пять акров под плугом, остальное пастбище. Молочное хозяйство. Сыроварня. Продукты отправляются в Форм. Разводят свиней и кур.	1
48	Молочная ферма. Сыроварня. Птицеводство.	2
17	Молочное хозяйство.	Один на 2 часа ежедневно
13	Часть под плугом. Часть под огородом. Разводят свиней.	1
9 ³ / ₄	Молочное хозяйство.	—
7 ¹ / ₂	Молочное хозяйство, ¹ / ₂ акра огород.	—
3	Молочное хозяйство. Птичник.	—

В 1907 г. Парламент провел закон о мелких наделах (Small Holdings), на который тогда возлагались большие надежды в смысле значительного

поднятия благосостояния деревенского населения. Во всяком случае, ожидали, что закон сильнее отразится на жизни Англии, чем это оказалось в действительности. Согласно закону 1907 года, «мелкий надел» это — «участок, пригодный для обработки земли не меньше одного акра и не больше пятидесяти». Но, если годовая рента участка не выше 50 ф. ст., то в нем может быть и больше пятидесяти акров. Советы графств и городские советы покупают или арендуют ту землю, которую сдают желающим в виде мелких наделов. Закон не требует, чтобы обращающийся за мелким наделом принадлежал непременно к определенному классу: то может быть чернорабочий, лавочник, купец, словом, кто желает. Единственное условие — чтобы получающий «надел» сам обрабатывал его. Закон не указывает также такому фермеру, что именно он должен делать на своем участке: он волен сеять пшеницу, может превратить арендуемый надел в огород, в малинник, в фруктовый сад или в птичий двор. Не требуется также, чтобы фермер продавал свои продукты. Графский совет может, однако, потребовать от будущего фермера доказательства, что он умеет обращаться с землей.

Если есть желающие взять надел, а помещики отказываются продавать землю или сдавать в аренду, то графские и городские советы могут, с известными ограничениями, принудительно отчуждать ее. За несколько месяцев до войны, в октябре 1913 года, Ллойд Джордж обещал значительное расширение закона 1907 года. В силу обещанного билля государство поможет сельским работникам стать кретьянами собственниками. Перед войной по закону 1907 года в руки мелких фермеров перешло 292.488 акров, что, конечно, далеко от ожиданий, возлагавшихся на билль.

Многие графские советы, находящиеся в руках богатых классов, очень неохотно приводили в исполнение закон 1907 года. Бывали даже случаи, когда лицо, желавшее воспользоваться законом о наделах, подвергалось преследованиям со стороны помещика. Получение земли во многих графствах сопряжено с трудностями, не предусмотренными авторами закона 1907 года.

До 1920 года земля, приобретенная графскими советами по закону 1907 года, сдана была в аренду 12.584 фермерам, кроме того 506 акров проданы 50 новым «иоменам», 8.436 акров сданы 63 кооперативам, которые, в свою очередь, передали землю 1.451 сочлену. По словам лорда Сельборна, кооперативное земледелие не дало удовлетворительных результатов*). Большею частью, такие хозяйства были оставлены, так как обходились очень дорого. Кооперативы платили сельским работникам хорошую плату, не меньше 3 ф. ст. в неделю. Таким образом, кооперативная ферма не могла соперничать с фермой, на которой работает «иомен» со своей семьей.

По закону 1907 года, возникли мелкие сельские хозяйства и в нашей типичной английской деревне Корсли. Следующая таблица даст некоторое представление о таких хозяйствах.

6 акров. Огород. Хозяин держит свиней и кур. Имеет тележку.

2 акра. Сад и огород. Хозяин имеет лошадь и тележку. Работает иногда поденщиком. Жена прачка.

*) См. «Land and the Nation», «Times», May 19, 1923.

Полтора акра. Сад и огород. Хозяин разводит свиней и кур. Держит лошадь и тележку. Иногда работает на других.

Один акр. Огород. Хозяин имеет пони и тележку. Живет со стариком отцом, получающим пенсию.

50 poles (сажен). Огород. Хозяин имеет тележку и коня. Отвозит по поручению соседей продукты на рынок в Форм. Сельский работник.

Клочек земли. Несколько фруктовых деревьев и ягодных кустов. Хозяйка — старая женщина. Сын ее сельский работник.

В Корсли, как и во всех английских деревнях, не мало работников, не имеющих за душой ничего, кроме лишь своих рук. В материальном отношении сельский работник поставлен там не слишком плохо. В самом деле, средний заработок в Корсли до войны был 15 шиллингов в неделю. Подростки получали от 7 до 12 шиллингов в неделю. Во время войны заработная плата поднялась до 25 шил. в неделю. И, несмотря на хорошую заработную плату, здоровая, крепкая молодежь представляет исключение в Корсли. Молодежь продолжает уходить в город. Наиболее энергичные и предприимчивые, любящие землю, уезжают за океан, в Канаду или в Австралию. Там у молодого сельского работника есть возможность стать в конце концов независимым фермером на «своей» земле. Для энергичных девушек, и в особенности для милостивых, Канада или Австралия представляют еще большую притягательную силу; женщин там в деревенских округах мало, и каждая девушка имеет много шансов «сделать партию», т. е. стать фермершей.

Во время войны, когда предстала опасность блокады и голода, пущено было в ход все, чтобы увеличить площадь запашек в Англии. Фермерам гарантирована была высокая плата за зерно. Площадь обработанной земли, сокращавшаяся с каждым годом, действительно увеличилась, как показывают следующие цифры, но уже с 1917 года снова стала сокращаться.

Годы	Запашки под пшеницу в акр.
1913 . . .	1.791.569
1914 . . .	1.905.933
1915 . . .	2.335.091
1916 . . .	2.053.568
1917 . . .	2.105.929

V.

Мы говорили уже о причинах гибели английской деревни. Отметим еще одно объяснение, которое дал профессор Ashley.

В значительной части Германии и Франции, выясняет профессор Эшли, на смену средневековым крепостным, явились крестьяне собственники. Мы видим здесь также и крупных помещиков; но они или сами или через посредство управляющего занимаются сельским хозяйством. В Англии же большая часть всей земельной площади принадлежит крупным лэндлордам, сдающим ее фермерам, которые в свою очередь обрабатывают землю при помощи наемных батраков. Почему цивилизация, имевшая в средних веках одинаковый характер в Англии и на континенте, дала теперь разные результаты тут и там?

«Одно время полагали, — говорит проф. Эшли, — что крестьяне собственники явились во Франции последствием великой революции, а в Пруссии — результатом государственной деятельности Штейна и Гарденберга». Французская революция, действительно, сделала очень много для крестьян, потому что избавила их от тех условий, на основании которых они пользовались землей. До революции крестьяне были постоянными фермерами. Революция помогла им двояко. С одной стороны, исчезли ограничения и обязательства, так что крестьяне стали абсолютными собственниками, с другой, часть земли (меньшая), конфискованная у церкви и эмигрировавших аристократов, досталась крестьянам. Но возникает вопрос: почему выжили эти крестьяне собственники или фермеры? Экономические условия во Франции были так же неблагоприятны для крестьян, как и в Англии. Конэ в такой же степени отрицательно относится к мелкому фермеру, как это делал Артур Юнг до 1801 года. Тюрго в такой же мере отстаивал крупное землевладение, как Мак-Куллох. Собственно говоря, французские экономисты раньше английских начали доказывать, что крестьянин собственник, не могущий вложить капитал и пользующийся, вследствие своего невежества, примитивными способами, далеко не так ценен для земли, для народа и для государства, как помещик.

Разница между Англией и Францией — говорит профессор Эшли — заключалась в том, что во второй стране аристократия представляла собою привилегированных лентяев, тогда как в первой — аристократия управляла всем государством. Версаль, превративший всех французских помещиков в придворных, имеющих в своих вотчинах управляющих,

— спас французских крестьян. С другой стороны, в Англии, где вся власть находилась в руках крупных помещиков, господствующий класс издавал законы только в собственных интересах. Английские крупные помещики, для прикрытия своих вождений, находили благовидные теории, выставленные старыми экономистами. Если бы великая революция окончилась победой дворян, французский крестьянин очутился бы в положении английского «коттеджера».

Революция потому важна была для французского крестьянина, — говорит проф. Эшли, — что изменила характер центрального правительства. Таким образом, крестьянин удержал землю. Если бы революция последовала по направлению, намеченному Берком, Франция получила бы правящий класс, как в Англии. и тогда крестьянам собственникам угрожала бы серьезная опасность. Исследования Кнайпа представляют нам в новом свете законы, проведенные Штейном и Гарденбергом. Мы видим, что прусские крестьяне дорого заплатили за реформы. Во-первых, крестьяне, ставшие собственниками, должны были отдать от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ своих участков, чтобы вознаградить помещиков за потерю крепостного труда. Во-вторых, собственниками стали крестьяне, имевшие уже значительные участки. Бедняки и постоянные фермеры очутились после реформы в худшем положении, чем раньше, — как соответствующий класс в Англии, — выродились и стали безземельными батраками. Таким образом, — говорит проф. Эшли, — законодательство Штейна и Гарденберга отражает интересы класса помещиков, который, хотя не в такой степени, как в Англии, добился того, что ему было выгодно: крестьяне-собственники выжили в Прус-

сии до настоящего времени, потому что сохранение класса было в интересах королей. От 1749 до 1808 года прусские короли издают даже законы, имевшие целью остановить продажу крестьянами своих участков. В начале XIX века прусский король выставил тезис: „Rauvtes drausans, rauvte goaume, rauvte goaume, rauvte roi“.

Тот же принцип мы находим в XVIII веке всюду на континенте. Мария Тереза и Фридрих Вильгельм III прусский применили его в собственных владениях. Мария Тереза освободила удельных крестьян в Богемии и Моравии и разбила громадные вотчины на множество мелких ферм. Фридрих Вильгельм III превратил фермеров своих поместий в крестьян-собственников. Такая же реформа проведена была в 1846 году в Мекленбурге на землях, принадлежащих короне. Брентано рассказал, как сохранены были крестьяне в Баварии. В 1803 г. половина земель находилась в руках духовенства. Церковь вознаграждала порою землею правителей и, благодаря этому, делала их независимыми от дворянства. Таким образом, в Баварии помещики не успели превратиться во всемогущий класс, решающий все дела в собственных интересах. В 1848 году все баварские крестьяне были превращены в собственников, и, так как класс помещиков здесь был слаб и не мог настоять на таком вознаграждении для себя за утрату помещичьих прав, как прусские дворяне, то освобождение крестьян произошло на крайне льготных условиях для последних.

Вообще, — продолжает профессор Эшли, — в государственных интересах важно, чтобы крестьяне-собственники существовали, тогда как в интересах классовых важно, чтобы эти крестьяне превратились в безземельных батраков. На континенте королевская

власть, которой крестьяне были необходимы, как сырой материал для армии и как наиболее удобные и подходящие плательщики налогов, была сильнее крупных помещиков, смотревших на крестьян, как на сырой материал для промышленности. В Англии было наоборот.

В Баварии церковь дарила государям землю и делала их независимыми от дворянства. В Англии церковные и монастырские земли обогатили дворянство, вследствие чего оно стало сильнее королей*).

Как видит читатель, проф. Эшли объясняет только одну сторону земельного вопроса: он, например, совершенно не говорит о влиянии фабричной промышленности на падение земледелия в Англии. Основное заключение проф. Эшли таково. Земельные отношения, наблюдаемые теперь в Англии, обуславливаются тем, что высший класс, в руках которого была вся власть, руководился «обыкновенными соображениями личного интереса». Высший класс креп по мере того, как развивалась и крепла промышленность в Англии. За то время, покуда парламент всецело находился в руках высшего класса, этот класс успел провести по вопросу о земле законы исключительно в свою пользу. Теперь время изменилось.

*) Крайне интересный эпизод произошел в Парламенте в июле 1913 года при обсуждении билля об отделении церкви от государства в Уэльсе. Лорд Хью Сесиль яростно обличал правительство, желающее ограбить церковь и отнять у нее земли. Тогда один из министров указал, что кому-кому, а лорду Хью не следует говорить о «грабеже» церковных земель: колоссальные богатства Сесилей явились следствием того, что лордам этим отданы были церковные земли, отнятые Генрихом VIII у монастырей. Этими землями Сесили владеют и поныне.

Массы еще не занимают в парламенте такого положения, чтобы могли диктовать высшему классу свои условия; но крупные лэндлорды сознают уже, что прежние земельные отношения не могут больше продолжаться. И вот мы видим, что не только либералы, но даже вожди консервативной партии в верхней палате намечают план выкупа земли.

VI.

Самое радикальное разрешение земельного вопроса намечает Рабочая Партия в своей программе, выработанной в 1918 году. «Ни в одной из социальных областей не наблюдается таких вопиющих нужд, как в агрикультуре и сельской жизни вообще, — читаем мы в этой программе. Рабочая Партия считает, что современное положение вещей в области производства и распределения продуктов питания и условия жизни тысяч семей, скученных в сельских домиках, — является ни чем иным, как позором для страны. И это положение вещей должно быть немедленно и в корне изменено. Правительство должно взять в свои руки контроль над удобными землями в стране и обеспечить пользование ими не ради ренты, охоты или развлечения привилегированных классов, не ради получения высокого процента на вложенный капитал, но исключительно в целях производства, в возможно широких размерах, пищевых продуктов, необходимых населению нашего острова. Мы можем вести свое сельское хозяйство, вполне гарантируя процветание фермерского хозяйства, дающего возможность потребителю покупать продукты

по ценам, не выше тех, по которым они могут быть привезены из других стран» *).

Выше мы уже говорили о том, что собирается сделать Рабочая Партия, если после новых выборов она очутится у власти.

Английские консерваторы теперь резко критикуют аграрные программы либералов - социалистов, при чем усиленно нацеливаются на то, что проекты составлены теоретиками, горожанами, не имеющими никакого представления о земледелии. По мнению консерваторов, аграрные реформы необходимы, но они должны быть выработаны при дружеском сотрудничестве трех элементов, стоящих близко к земле, знающих ее и заинтересованных в ней: помещиков, фермеров и сельских работников. Либеральная партия, — говорят консерваторы, — интересуясь только развитием фабрично-заводской промышленности, — отстояла принцип *«laissez faire»* и в земледелии, который и довел английскую деревню до того состояния, в каком она находится теперь. Земледелие не может развиваться при системе *«laissez faire»* — продолжают консерваторы. В любой стране, кроме Англии, внутренний рынок охраняется для земледельцев от иностранной конкуренции. Кроме того, другие страны расходуют большие суммы на развитие агрономических знаний и на научные исследования в этой области. Северо-Американские Соединенные Штаты, например, расходуют на этот предмет ежегодно более двадцати миллионов долларов, Канада — 840.000. ф. ст., Франция — 25 миллионов фр., тогда как Англия расходует только 310.000 ф. ст. в год. Во всех других

*) Цитирую по переводу С. П. Тюрина: «Проблемы труда в Англии». Лондон, 1920, стр. 20.

странах, — жалуются консерваторы, — правительство, кроме того, остерегается отягчать земледелие большими налогами, тогда как в Англии теперь на помещика навалено такое бремя, что вести сельское хозяйство является совершенно не выгодным. Помещик не только не может думать об улучшениях, но его единственная мысль теперь, — как бы отделаться от земли. Так как либералы связаны доктриной о свободной торговле, — говорят консерваторы, — то они не могут предложить реформу, которая серьезно улучшила бы положение деревни. Только консерваторы, стремящиеся охранить деревню, имеют определенную аграрную политику, — уверяют английские помещики; — но увы! «со времен Дизраэли у них не хватает смелости прямо высказать ее». Политика эта подразумевает охранительные пошлины на хлеб, но о них консерваторы не решаются и заикнуться, так как боятся избирателей-горожан. По мнению консерваторов, городской избиратель, в отношении к аграрному вопросу, соображается только с личным интересом. Сознательно или бессознательно, горожанин готов пожертвовать всем деревенским населением, чтобы жизнь была дешевле. Такая политика прямо невыгодна для горожанина, ибо самый лучший рынок — внутренний. Развитие земледелия в Англии означало бы повышение заработной платы в городах, так как с улучшением положения деревни явился бы большой спрос на фабрикаты *). Консерваторы стоят за сохранение помещичьего хозяйства (там, где сквайр занимается хозяйством) и за возникновение класса крестьян собственников. Экономисты, отстаивающие такую программу, считают план

*) *Eart of Selborne*, »Land and the Nation«.

Рабочей Партии совершенно невыгодным, так как он должен, будто бы, неминуемо повести к страшному нарастанию бюрократизма и к окончательной гибели сельского хозяйства. «Социалистическая партия официально признает необходимость стройной сельскохозяйственной политики для сохранения деревенского населения; но партия эта скована фантастической теорией национализации земли, которая, конечно, не могла зародиться у человека, хоть сколько нибудь практически знакомого с земледелием, — говорит лорд Сельборн. Проект национализации земли создан, несомненно, теоретиком-горожанином, убежденным, что жизнь обязана следовать за теорией, а не наоборот». «Теоретики», столь осуждаемые лордом Сельборном, считают английских сквайров совершенно бесполезным классом, который надо возможно скорее уничтожить, тогда как, по мнению цитируемого автора, помещики, занимающиеся сельским хозяйством, принесли и приносят родине большую пользу. Автор иронически изображает тот порядок, который установится в министерстве земледелия, когда у власти станет Рабочая Партия и осуществит социалистическую программу.

«Вся земля в Англии, как в деревнях, так и в городах, будет находиться в ведении одного сверх-человека, который выйдет, конечно, из рядов социалистической партии и будет называться не министром земледелия, а Земельным Министром (Minister of Lands). При этом сверх-человеке будет находиться Совет, в который войдут некоторые министры, затем представители от муниципалитетов, торговых палат, профессиональных союзов, кооперативов и двух аграрных ассоциаций. Таким образом, по всей вероятности, во всем совете будет не больше 2—3 человек,

знающих что нибудь о земледелии и об условиях жизни в деревне. В каждом деревенском или городском округе вся земля будет находиться в ведении муниципального совета, но высший надзор всегда будет принадлежать Земельному Министру. Этот сверх-человек и муниципальные советы не только будут выполнять ту работу, которую делает теперь каждый помещик в отдельности, но они вообще станут направлять все сельское хозяйство Англии. Они будут заботиться не только о том, чтобы каждый фермер работал хорошо на своей ферме, но чтобы каждый сельский работник старательно возделал свой клочек огорода. Сверх-человек и совет при нем установят ту ренту, которую должен платить каждый фермер; они будут следить, чтобы никто не передал ферму третьему лицу, хотя бы даже сыну, пока не изучены и не одобрены его знания и нравственные качества. Лица, изучающие способности и качества будущего фермера, тоже действуют по указаниям сверх-человека. Теоретики Рабочей партии придумали три вида собственности в каждом сельском хозяйстве. Земля на ферме будет принадлежать государству; усадьба, хозяйственные постройки, заборы, ямы для компоста и дорога к ферме — будут составлять собственность фермера; что же касается коттеджей, в которых живут сельские работники, то они остаются в собственности прежних владельцев, т. е. помещиков. В предместьях больших городов все сады составят предмет особой заботы для сверх-человека. Повидимому, он обратит особое внимание на то, как клерк, в досужие часы от занятий в конторе, обрабатывает свой садик, ибо государству принадлежит не только земля, но деревья и все кусты». И тогда наступит счастливое время для деревенского и городского населения, —

иронизирует лорд Сельборн. Если старый фермер пожелает, например, удалиться на покой и передать хозяйство сыну, ему надобно будет только заполнить какуюнибудь бумагу «99а». В ней он подробно укажет место своего рождения, возраст и данные о здоровье, затем — те же справки о сыне с перечислением всех его болезней от самого рождения и с присокуплением всех его нравственных достоинств и недостатков. Если фермер пожелает починить свиной саж, то для этого придется заполнить какойнибудь бланк 112с. После переписки в течение нескольких месяцев, к фермеру явится инспектор, а затем, при благоприятных условиях, вполне возможно, что еще через шесть месяцев саж будет исправлен. Владелец садика на окраинах города будет иметь еще больше удовольствия от дружеской переписки с отеческим начальством. Предположим, ему надобно будет вырубить засохший куст, привить фруктовое дерево или проложить новую дорожку в саду. Так как и куст, и дерево, и дорожка будут представлять собственность государства, то оно, конечно, позаботится о своем достоянии. Клерк добудет себе одну из бесчисленных форм для заполнения. Эти бланки, для удобства, будут разных цветов: белые, зеленые, красные, розовые, желтые, синие, потемнее и посветлее. Для удобства также к бланкам приложены будут пояснения, помеченные разными буквами: «Пояснение А», «Пояснение В», и т. д. Заполнив все бланки и дав все требуемые сведения, клерк не дальше, как через три месяца, получит разрешение вырубить куст, — продолжает лорд Сельборн. Въ этих словах отражается глубокое отвращение англичанина к бюрократизму и к «форменным бланкам», которые надо заполнить. Дей-

ствительно, перед войной бюрократизм в Англии сведен был до *minimum'a*. В Англии в пять минут решалось дело, для которого в бюрократической Франции требовалась пятимесячная переписка и заполнение бесчисленных бланков. Война, к сожалению, унесла значительную часть свободы английского гражданина и принесла с собою увеличение бюрократизма.

Критики земельной программы Рабочей Партии задают вопрос, откуда явится та высокая заработная плата, которую местные комитеты будут устанавливать для батраков? Они указывают на примеры кооперативов, которые должны были отказаться от своих ферм, так как дело не могло вынести заработной платы в размере 3 ф. ст. в неделю*).

Земельный вопрос в Англии *должен* быть как нибудь разрешен, так как брожение, происходящее всюду в стране, коснулось и сельских районов. Конечно, даже в Шотландии покуда нет нигде таких острых явлений, как в Ирландии, где произошел в некоторых местах захват земли в роде следующего. В английскую печать в апреле 1923 года проникло сообщение, что в графстве Клер, в провинции Менстер, земли захвачены «Советом». Корреспондент га-

*) Земледельческие кооперации в ряде других стран дали неизмеримо лучшие результаты, чем в Англии. «О сельскохозяйственных кооперациях в Дании я могу сказать только одно хорошее, — говорит специальный корреспондент *Таймса*. Земледельческие кооперации дали возможности Дании успешно бороться со всеми иностранными конкурентами. Без сомнения, только земледельческие кооперации помогут ей справиться с кризисом, который страна переживает теперь. Сельскохозяйственные кооперации процветают также в Голландии и в Бельгии».

зеты »Star« расследовал дело, и пришел к заключению, что первые отчеты «сильно смягчили события».

«Советское правительство (The Soviet Government) все еще существует; коммунисты захватили не меньше пяти тысяч акров, — пишет корреспондент. В Кильфеноре подобные условия существуют вот уже два года. Местный «Совет» захватил тысячу акров земли. Захваченная земля в графстве Клэр превращена в пастбища. «Совет» взывает в свою пользу деньги за выпас скота. Установлена следующая такса: за лошадь — 15 шил. в месяц, за жеребенка — 10 шил., за корову — 10 шил., за бычка-третьячка — 7 шил. 6 п., за годовалого теленка — 5 шил. Эти деньги поступают в карманы лиц, захвативших земли. Прежним владельцам запрещено пользоваться своими землями для выпаса. Если коммунисты захватят скот, то продают его в свою пользу. Большинство прежних владельцев теперь в бегах. У них покуда нет никакой надежды возвратиться. Недавно на митинге Совет решил прогнать всех земледельцев, которые еще не бежали и отобрать у них скот. И в результате — безземельные батраки, у которых раньше не было и акра, теперь владеют большими фермами и целыми стадами коров, овец и лошадей»^{*)}). Таких явлений, повторяю, нет покуда даже в Шотландии, но Ирландия от Англии ведь не за горами, а пример в известных случаях бывает очень заразителен . . .

^{*)} »Country Clare Soviet«, *Star*, May 9, 1923.

СОЦИАЛЬНОЕ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

I.

Русский ботаник Коржинский, а затем Фриз указали, что наряду с мелкими и едва уловимыми индивидуальными изменениями в природе как растений, так и животных, иногда наблюдаются очень резкие и сильные изменения. При чем эти изменения появляются сразу и в большом количестве, часто в потомстве одного и того же индивидуума.

Такого рода внезапно появляющиеся вариации называются в биологии *мутациями*, и теория, которая приписывает этим мутациям главную роль в эволюции называется *мутационной*. Я не знаю, насколько мутационная теория может быть названа биологическим законом,—не знаю также, можно ли, если этот закон действительно существует, перенести его из области биологии в область социологии, как это делает, например, Каутский, доказывающий на основании его, что развитие мира и общества шло не эволюционным, а революционным путем. Я хочу использовать мутационную теорию скорее, как образ. Анализ фактов покажет нам, что всегда после больших и многолетних войн, как междуусобных, так и внешних, в Англии наблюдается большая «мутация», т. е. накопление резких и сильных социальных перемен. Напомню читателю несколько фактов.

Мы — во второй половине XVIII века. Только что кончилась гражданская война и господство пуритан, при котором все обязаны были быть набожными и все должны были, закатив глаза, петь в нос гимны. Произошла стремительная социальная «мутация». «Страсти и вкусы, которые подавлялись при пуританах или которым следовало только украдкой, проявились с неудержимой силой, как только исчезли стеснения, — говорит английский историк. Все набросилось на легкомысленные развлечения и на предосудительные забавы с жадностью, объясняемой долгим воздержанием. Нация, которой опротивели фарисейские речи и которая изверилась в искренности святош, являвшихся так долго диктаторами, — с жадностью набросилась на пороки»^{*)}). Эта социальная «мутация» отразилась вполне в грубой, распущенной, бесстыдной литературе эпохи реставрации, а в особенности в комедиях — Вичерли, Ковентри, Оутвея и г-жи Афры Бен, той самой, которая «брала деньги, как автор, как шпион и как куртизанка». У нас нет более точного отражения мутационного периода, чем эти комедии того времени, когда царствовал «the Merry Dog», как англичане называют Карла II. Вольтер, изучавший английские комедии времен реставрации, удивлялся их циничности и откровенности, хотя автора «Pucelle». как будто бы, трудно было удивить^{**}). Не менее хорошим

^{*)} Т. В. Macaulay, „The History of England“, vol. 1. p. 179. (Пятитомное изд. 1849 года).

^{**}) Вольтер отмечает, «естественный стиль» английских комедий и прибавляет: «Mais ce naturel nous paraît souvent celui de la débauche plutôt que celui de l'honnêteté. On y appelle chaque chose par son nom». (Oeuvres complètes de Voltaire. Lettres sur les Anglais. Vol. 5, p. 33. Издание 1872 г.)

источником для изучения резкой перемены, происшедшей в нравах после гражданской войны, является знаменитый дневник Сэмюэля Пеписа, совершенно неизвестный в России *).

Англичане того времени нашли себе даже философию, оправдывавшую их поведение. Точнее говоря, была приспособлена и истолкована по своему, — как это делается всюду до сих пор, — философская теория, автор которой не имел намерений оправдывать нравы, изображенные в комедиях Вичерли. Я говорю о философии Гобса. «Тысячи читателей, совершенно не умеющих понять все действительно ценное в учении Гобса, жадно набросились на философскую систему, которая, восхваляя королевскую власть, пренебрежительно относится к моральным обязанностям и оценивает религию только, как слугу государства, — говорит Маколей. Г о б б и з м скоро превратился в модное учение, характеризующее «настоящего джентльмена».

Восемнадцатый век жил вполне традициями реставрации. Откровенные и грубые нравы его отразились вполне в романах Смолета и Фильдинга, а также в «картонах» (рисунках) Хоггарта. И вот век закончился войной с Францией, продолжавшейся много лет. Она принесла с собой совершенную мутацию в социальных нравах. Явился новый класс, похвальный уже не своими страстями и пороками, а добродетелью. О переменах во вкусах можно судить хотя бы по следующему анекдоту. Я упомянул уже про писательницу Афра Бен, очень талантливую и

*) Дневник был зашифрован автором, скончавшимся в 1703 г. Он был разобран только в 1825 г., но даже теперь его печатают только с пропусками, до того он «откровенен».

совершенно безнравственную. Жила она в XVII веке (1640—1689), но XVIII век увлекался ее романами и комедиями. Афра Бен была тогда самым любимым и самым распространенным классиком. В двадцатых годах XIX века, восьмидесятилетняя дама, знакомая Вальтера Скотта, жаловалась как то ему, — как это постоянно делают старики до сих пор, — на «вырождение» современной литературы. Дама, вспомнив, что когда то, в дни ее молодости, все восторгалась романами Афры Бен «Монахиня» и «Оренуку»*), пожелала снова прочитать их. «Через день день я послал старой даме тщательно упакованную посылку со всеми романами г-жи Афры Бен, — рассказывает Вальтер Скотт. Но на посылке я сделал надпись: «Доверительно и секретно». Когда я снова посетил старую даму, она возвратила мне книги. Они были так же тщательно упакованы и носили почти такую же надпись, какую сделал я.

— «Возьмите книги веселой Афры Бен, — сказала мне старая дама. И если вы хотите исполнить мой совет, бросьте их в огонь. Я не могла дочитать даже первый роман. Не странно ли, что я, восьмидесятилетняя старуха, сидя одна у огня, стыдилась дочитать до конца книгу, которую шестьдесят лет тому назад при мне читали вслух в большом кругу в лучшем обществе Лондона?»**).

XIX век весь жил традициями, установленными «мутацией» после наполеоновских войн. Традиции

*) Первый роман совершенно бесстыдный и грубо-откровенный, тогда как «Оренуку», — горячий и страстный протест против невольничества. «Оренуку» появилось на 150 лет раньше романа Бичер Стоу. По талантливости обе книги нельзя и сравнивать: все преимущества за романом г-жи Афры Бен.

***) Chamber's Cyclopaedia of English Literature, Vol. II., p. 68

эти достигли своего кульминационного пункта в романах Диккенса, в которых все положительные герои и героини на один лад: все чрезвычайно добродетельны, все шаблонны, все скучны и все представляют собою только схему (Агнесса, Дора, Белла и др.). Только имея перед собой эту литературу, мы поймем факты в роде следующего. В конце шестидесятых годов XIX века несколько очень талантливых, знающих и умных английских писателей, с известным путешественником и ориенталистом Ричардом Бертоном во главе, составили «братство» Кама Шустра для перевода восточных произведений, в которых сексуальный вопрос трактуется очень свободно. «Братство» издало полный перевод «Тысяча и одной ночи». Оно собиралось издать с огромным риском для себя, т. е. с риском уголовного процесса и тюрьмы, перевод «Благоуханного сада», шейха Нефзауи*). Весь перевод был выполнен Бертоном и сожжен его вдовой, как только знаменитый путешественник скончался.

Великая война 1914—1918 годов опять принесла с собою решительную перемену в английских нравах. Стремительно быстро накопились признаки, отличающие послевоенную Англию от довоенной и свидетельствующие о социальном перерождении.

II.

Я хочу привести ряд фактов, свидетельствующих, как мне кажется, о том, что перемена произошла. Через реку крови, до того широкую, что от од-

*) Безгранично бесстыдная книга, появившаяся по арабски в XVI веке.

ного берега ее до другого пришлось плыть четыре года и три месяца, переправилась иная Англия, чем мы ее знали до 1914 года. В чем же именно заключается *мутация*? Прежде всего надо отметить новый взгляд на государство, заключающий в себе сомнение в его правах. Уже очень давно политическая наука ищет такую систему, которая явилась бы идеальным примирением двух полярных *Я*: — *Я* — индивидуума и *Я* — государства. Каждое из этих *Я* стремится обладать всей полнотой власти, отнятой у другого *Я*. Эти два *Я* — подводные камни, между которыми приходится лавировать всем народам. В Англии после гражданской войны, в течение почти ста лет, держались ближе к «правому камню», к *Я* государства. Потом найден фарватер *посредине*. После великой войны явилось стремление держаться «ближе к левому камню»: — к *Я* индивидуума. Крайне показательна в этом отношении упомянутая уже книга Бертрана Расселя «Principles of Social Reconstruction» «Власть государства ограничена внутри его страхом мятежа, а вне его — страхом разгрома во время войны. В пределах этих ограничений власть его абсолютна. Фактически государство может отнять собственность путем обложений налогами, определить законы брака и наследства, карать за высказывание мнений, неугодных ему, отнимать у людей жизнь за желание, чтобы занятая ими территория принадлежала другому государству, и приказывать всем взрослым гражданам, чтобы они рисковали жизнью каждый раз, когда государство найдет необходимым объявить войну. Во многих случаях несогласие с мнением государства является преступлением. По всей вероятности, самыми свободными государствами до войны были Англия и Соединенные

Штаты. А между тем и тогда ни один переселенец никогда не мог высадиться в Америке, не дав предварительно подписки в том, что он не анархист и не сторонник многоженства. Сравнительно еще недавно в Англии отправляли в тюрьму людей за критику доктрины христианства, а теперь, наоборот, посылают туда за слишком прямолинейное исповедание учения Христа*). Во время войны всякая критика внешней политики государства является преступлением. Большинство или лица, стоящие у власти, признают достижение известных целей желательными. И вот меньшинство, не согласное с такими взглядами, рискует подвергнуться преследованию, как когда-то еретики. Степень тирании государства прикрита успехом: лишь немногие решаются идти против постановления государства и подвергнуться, таким образом, неминуемому преследованию. Общая воинская повинность является, быть может, самым крайним выражением власти государства. Она иллюстрирует разницу в отношениях государства к своим гражданам и к подданным других стран. Государство беспощадно наказывает как тех, которые убивают своих сограждан, так и тех, которые отказываются убивать чужестранцев. В общем, отказавшиеся от убийства чужих подданных признаются более тяжкими преступниками, чем убийцы сограждан. Необъяснимое явление психологии, созданной войною, известно всем, все признают ее вполне естественной и понятной. Прямо поразительно, — говорит Бертран Рассель, — что большинство людей мирится с систе-

*) Бертрам Рассель имеет в виду осуждение во время войны *Conscientious objectors*, т. е. лиц, отказывавшихся от военной службы по принципиальным соображениям.

мой, подчиняющей их в любой момент, избранный правительством, всем ужасам войны. Французский художник, равнодушный к политике и интересующийся только искусством, получает внезапный приказ оставить мастерскую, чтобы отправиться на фронт убивать немцев, которые, как убеждают его, представляют собою врагов рода человеческого. Германский музыкант, тоже не знающий причины, получает приказ идти убивать вероломных французов. Почему французский художник и германский музыкант не имеют права объявить себя нейтральными? — спрашивает Бертран Рессель. «Почему не идут на войну только создавшие ее и имеющие охоту драться? А между тем, объяви себя нейтральным французский художник или германский музыкант, соотечественники убили бы их. И чтобы спастись от такой участи, француз и немец убивают друг друга. Если мир теряет художника, то Германия ликует. Если теряет музыканта, ликует Франция. Никто не думает о том, что, кого бы не убили, потеряет цивилизация. Все это политика Бедлама, — продолжает Бертран Рессель. Будь артисту и музыканту дозволено стоять в стороне от войны, ничего, кроме несомненной выгоды, человечество не получило бы. Власть государства, могущая заставить музыканта убивать художника, является таким же злом, как и та власть, которую в прежнее время имела церковь возводить на костер всех исповедующих ересь. Если бы во время мира возникла международная лига, состоящая из равного числа французов и немцев, давших обещание не принимать участия в войне, — французское правительство и правительство германское преследовали бы эту лигу с одинаковой беспощадностью. От гражданина демократиче-

ской республики требуется теперь такое же слепое повиновение и такая же готовность убивать по приказу, какие требовал три века назад от своих янычар турецкий султан»^{*)}). По мнению автора, представляющего собою значительную часть современной английской интеллигенции, сколько нибудь внимательный анализ выяснит немедленно всю уродливость и всю ненормальность кодекса морали, установленного государством. «Если я куплю за несколько фунтов револьвер, чтобы убить из него моего друга с целью отобрать у него несколько пенсов, меня не сочтут ни особенно умным, ни особенно честным. Но если я могу собрать шестьдесят пять миллионов соумышленников, готовых помочь мне в безумном и преступном предприятии, — я стану тогда членом великой и славной нации. Тогда скажут, что я — жертвую стоимостью револьвера и даже жизнью, чтобы добыть, ради чести моей страны, шесть пенсов. Историки, которые все почти без исключения сикофанты, будут восхвалять меня и моих соумышленников. Они напишут, что мы — достойные преемники героев, разгромивших древнюю Римскую империю. Но если мои враги побьдят, если они отстоят шесть пенсов ценою многих человеческих жертв и миллионов денег, — тогда историки назовут меня разбойником. Они станут восхвалять мужество и самопожертвование тех, которые сопротивлялись мне»^{**)}). Современное государство, даже самое демократическое, — говорит Бертран Рассель, выражая мнение значительной части »intellectuals«, — совершенно не может выполнить цели, ради которой оно

^{*)} *B. Russell*, »Principles of Social Reconstruction« pp. 46—49.

^{**)} *ib.*, p. 108.

существует. Чем больше живет государство, тем дальше удаляется оно от этой цели. Какая же это цель? Всякое государство должно поддерживать творческий дух индивидуума, его силу, жизненность, радость бытия. В Англии времен Елизаветы все это, по утверждению Бертрана Расселя, существовало в неизмеримо большей степени, чем теперь. Уклад жизни тогда поощрял жажду приключений, затем поэзию, музыку, изящную архитектуру. Англия тогда, действительно, была велика. Рядом, конечно, существовала несправедливость; но радость преобладала. Национальная жизнь тогда была красочна и ярка, какой никогда не будет при идеальном строе, который обещают социалисты *).

При таких взглядах на государство понятно то разочарование, которое испытал Бертран Рассель после посещения России в 1919 году. Автор ждал, что «таинственный, мистический Восток» создал, наконец, такое государство, которое «поддерживает творческий дух индивидуума, его силу, его жизненность, его радость бытия». Он увидал нечто совершенно иное...

Любопытно, что увлечение социальным опытом, проделанным «мистическим востоком», можно наблюдать не только среди английских масс, — что вполне понятно, — а в высших классах.

— I cannot help it: — I am a bolshevik! (ничего не поделаешь, — я — большевик) — приходилось мне слышать в 1919 и 1920 годах от знакомых англичан, принадлежащих к выше-среднему классу, тори во всех вопросах, касающихся Англии.

*) ib., p. 135.

В моей книге «Кровавые Зори» есть такой тори-«большевик», лорд Лэстрэнд. Он списан с натуры. С натуры также списаны там замечания великосветских дам по поводу свирепой «калмыцкой» песни на французском языке, в которой хан грозит неверной жене и ее любовнику расправой:

Je me laverai dans votre sang
Comme en le plus délicieux de Koumiss.

Декольтированные дамы, увешанные бриллиантами, обмахиваясь веерами, восклицали:

— Не правда ли, ужасно мило!

— Какая жгучая страсть!

— Как мало похож этот кипящий гейзер страсти на тепленькую водичку в чайной ложечке, которую мужчины в нашем обанкротившемся мире называют глубокой любовью!

— Да, нам надобен большевизм!

— Большевизм принесет с собою в мир здоровое тело и кипучую страсть.

— Мило! Ужасно мило!

Все эти замечания списаны с натуры. Не знаящим мою книгу, я должен сказать, что весь разговор происходил у «большевика» лорда Лэстрэнда, у которого ораторствует публицист Фарингдон, только что возвратившийся из России с восторженными описаниями земного рая (фигура тоже списана с натуры).

Буду продолжать признаки «мутации» после войны. Исследователя поражают огромные перемены в отношении к установленному культу. С одной стороны, в небольшой части населения мы наблюдаем, как будто бы, возрождение веры в той форме, как она была в XIV или XV веках. Таковы, например, в Лондоне последователи «чудотворца» пастора Сти-

фена Джефриса, про которого очень много говорили в 1921 году. В своей церкви Джефрис собирал много верующих, страстно молившихся о чуде, так как большинство страдало какими-нибудь тяжелыми недугами. «Церковь в Notting Hill (Западный квартал в Лондоне) набита молящимися, которые, не переставая, поют гимны, — читаем мы в английской газете. Через боковой придел храма тянутся безконечной печальной вереницей обломки человечества, жаждущие исцеления: калеки, затем страдающие страшными болезнями. Одни ковыляют на костылях, других несут на носилках, на руках или везут в креслах и колясочках. Тут старики и дети, мужчины и женщины. Жизнь каждого из них, повидимому, сплошное мучение; но все цепко держатся за нее, не желая с ней расстаться. В глазах каждого из них можно прочесть вопрос: «Свершится ли сегодня чудо?»*). Чудотворец — пастор Джефрис раньше был углеком в Валисе. У него были там «видения», после которых он стал пастором. Стифен Джефрис проповедует, что наступили последние дни мира. Вторичное пришествие Иисуса Христа близко. «Не подлежит сомнению, — говорит цитируемая газета, что пастор электризует своих прихожан и приводит их в трепет описаниями всех ужасов ада, ждущих грешников».

III.

Церковь в Notting Hill представляет собою исключение. Можно привести бесконечно больше фактов, свидетельствующих о том, что установленный

*) Miracles of Notting Hill, »Evening Standard«, November 22, 1921.

культ теряет свое влияние. Это не атеизм, а равнодушие. Я говорил уже в первой главе про то, на какие великие жертвы готовы пойти епископы, чтобы спасти хоть чтонибудь из установленного культа. И они предлагают выбросить так много (например, догмат искупления), что у других священников является страшный вопрос: «Что же останется?» Наряду с рассыпающимся культом и, как будто бы, исчезновением веры, мы наблюдаем нарастание грубого суеверия в средних, повидимому, образованных классах. За несколько лет до Французской революции в Париже, как известно, огромный успех имел в том самом обществе, которое увлекалось энциклопедистами, граф Калиостро. Он излечивал все болезни, причем ничего не брал от богатых, а бедным давал еще деньги. Светское парижское общество тогда, как известно, не верило ни в сон, ни в чох, ни в птичий грай, что не мешало ему принимать за абсолютную истину слова Калиостро. А говорил он, между прочим, вот что. Граф прогуливается по Парижу и вдруг останавливается перед церковью, у дверей которой — старинное, художественно выполненное, резное Распятие. — Каким образом скульптор, никогда не видавший Христа, мог так верно передать лик Его! воскликнул граф Калиостро.

— Вы, граф, знали Христа? — спрашивает маркиз, сопровождавший Калиостро.

— Мы с ним были в самых лучших отношениях, — спокойно отвечает Калиостро. Сколько раз мы вместе гуляли по влажному песку Тивериадского озера! Голос Его был бесконечно кроток. Христос тогда мне не хотел верить, когда я ему говорил, что Он подвергается громадной опасности. Он собрал толпу бродяг, оборванцев и рыбаков. Им Он проповедывал. С ним случилась беда.

— Помнишь тот вечер в Иерусалиме, когда распинали Христа? — обратился граф к слуге, следовавшему за ним.

— Нет, — ответил слуга с глубоким поклоном. Графу угодно было забыть, что я у него на службе только 1500 лет*).

Наблюдателя, знающего тот успех, которым пользуются теперь среди, повидимому, образованных людей в Англии спириты, беседующие запросто с героями всех веков и народов. — больше не удивляет ни Калиостро, ни вера в него. На церковном конгрессе в Саутенде (Southend) в 1920 году выступают *священники*, доказывающие реальность телепатии и общения с тенями отошедших. В отчете о конгрессе мы читаем: «Перейдя к телепатии и спиритизму, священник Гарольд Энсон сказал, что знает людей, которые получили несомненные и крайне ценные уведомления от своих умерших друзей». На том же конгрессе сэр В. Баррет, являющийся «видным членом Общества Психических Изысканий»**), излагал учение спиритизма. Он сказал, что когда 46 лет тому назад, на заседании Британской Ассоциации ученых в Глазго, прочитал доклад о спиритизме, естествоиспытатели осмеяли докладчика. Теперь его не только слушают, но и восторженно аплодируют. Мир духов — реальный факт, — поучал сэр В. Баррет. Затем выступил священник Бэйфилд, состоящий членом Совета Общества психических изысканий. Он сказал, что «Спиритизм и Христианство союзники».

*) F. Funck-Brentano. «L'Affaire du Collier» Paris 1906, pp. 86—87.

**) Psychological Research Society, Общество для изучения спиритизма.

Романистка Лили Дугол описала последнее примечательное интервью с священником, вызванным с того света *)). Мы видим теперь в Англии не одного Калиостро, а многих, называющих свою профессию, будто бы научными терминами: тут «Нумерологи», «Сидеральные биологи» («звездочеты»), «Психоаналитики» и просто »Psychologists«, не имеющие, впрочем, ничего общего с психологами, как можно было бы судить по названию. Граф Калиостро денег не брал, тогда как его современные преемники в Англии — берут. Скептикам показывают фотографии, снятые с духов**). В 1921 г. английский журнал Westminster Magazine поместил статью о феях, которых видели две девушки, причем одна сфотографировала их. Конан Дойл признал подлинным и рассказ девушек, и фотографические снимки. На почве спиритизма возникает ряд судебных процессов, во время которых выясняются крайне любопытные в социальном отношении подробности. Вот, например, один такой процесс. Дело поднял медиум. Свидетелями фигурируют известные лица, как сэр Артур Конан Дойл, врач по образованию, лэди Глэнконнер, сэр Генри Лунц и др. Конан Дойл говорит о «весьма убедительном сеансе», во время которого вызваны были духи. Другие свидетели говорят о грубом обмане.

Адвокат ответчика отмечает невероятность сообщений, будто, действительно, духи отошедших были вызваны во время сеансов.

— Смерть приобретает для нас новый ужас, — шутливо вставляет судья Дарлинг. Кого не испу-

*) Churchmen on Spiritism. »Daily News«, October 21, 1920.

***) В печати много раз был объяснен фокус, при помощи которого производятся снимки с «духов» в темной комнате. См. Prof. E. H. L. Schwarz, „Ghost“ Photographs. Times. May 24. 1924.

гает мысль о том, что его могут вызвать на сеанс с того света в театр *Аполлон* или *Критерион*?

— Да, это серьезное опасение, — в тон отвечает адвокат.

— В особенности, в моем возрасте, — добавляет судья.

«Несомненно, существует в вопросе о спиритизме два лагеря, — сказал судья, резюмируя процесс. Один лагерь убежден, что духи могут быть вызваны с того света при помощи посредника (медиума). На том свете так мало дела или оно представляет такое страшное место, что духи готовы по первому зову явиться оттуда в театр на сеанс во время утреннего представления. И если за гробом есть наказание, то необходимость явиться по зову медиума на сеанс является, конечно, самым страшным наказанием. Духи готовы исполнить даже такое приказание, как сосчитать медные монеты в кармане присутствующего на сеансе. Они диктуют ряд глупостей на скверном английском языке. Такова жизнь, которую ведут духи за гробом! И если все это правда, то, действительно, у друзей и родных есть основание оплакивать отошедших» *).

«Два лагеря», о которых говорит судья Дарлинг, создали теперь обширную литературу в Англии: газеты, брошюры, книги. Тысячи десятин леса вырублены и превращены в бумагу, на которой одни рассказывают о том, как вошли в сообщение с отошедшими из этого мира, а другие доказывают, что все это — грубый обман. Среди уверовавших есть такие лица, как известный профессор физики сэр Оливер Лодж,

*) См. отчет: «Ghost winged and wavered». Daily Chronicle. March. 16. 1920.

печатающий письма, полученные им с того света от своего сына Раймона, убитого во время войны, или как сэр Конан Дойл, заявляющий, что старый культ рассыпался в прах, а вместо него является новая религия: вера в духов. Вера в духов становится таким широко распространенным явлением в послевоенной Англии, что о нем, как крупном социологическом факте, находит нужным говорить «Британская Энциклопедия». В издании 1922 года этому вопросу посвящена обширная статья, принадлежащая профессору Каллингу Скотт-Шиллеру. Автор указывает, что число членов Общества Психических Изысканий, которое до войны стало было уменьшаться, увеличивается. В 1916 году членов было 1055, а в 1919 г.—1305. При этом надо принять во внимание, что членский взнос высок (три гинеи). Новые члены категорически требуют, чтобы Общество Психических Изысканий решительно высказалось за спиритизм, чего оно до сих пор не делало.

Автор подробно выясняет теорию сознательного и бессознательного обмана, как со стороны медиумов, так и присутствующих*). Известный ученый доктор Кёлпин (Culpin) в своей замечательной книге «Spiritualism and the New Psychology» касается того факта, на который обыкновенно усиленно напирают спириты: на присутствие в их рядах некоторых английских ученых с крупными именами. «Те немногие выдающиеся ученые, которые заявили, что верят в спиритизм, по преимуществу физики, как Крукс, сэр Оливер Лодж и Барретт. Они никогда не изучали ни физиологии, ни нервных болезней. Эти ученые знают, как

*) Psychological Research, «Enciclopedia», vol. 32, p. p. 198—204 (Издание 1922).

волны энергии передаются в неодушевленном материале и через пространство. На основании своих знаний ученые эти приходят к выводам, неприменимым к живым существам. Для физиолога, признающего величественное единство естественных явлений, вера в теленатию и спиритизм кажется проявлением такого же грубого материализма, как вера негров Центральной Африки в «джу-джу».

IV.

К явлениям послевоенной мутации в сфере установленного культа надо отнести стремление создать новую религию. Мы имеем тут и менее грубые попытки, чем возвращение к анимизму, предлагаемое Конан-Дойлем. Такова, например, попытка известного романиста Уэльса выступить в роли основателя новой религии. Искание «правды» у англичан исторически связано с исканием «Бога». Ищет Бога и Уэльс в своей книге «God the Invisible King». Вышла она 10 мая 1917 года. 17 мая потребовалось второе издание, а тридцатого мая третье. Очевидно автор, который до того был видным членом «Рационалистической Лиги», относящейся враждебно ко всякому культу, ответил запросам, широко распространенным теперь среди »intellectuals« *). Вопрос о существова-

*) В своих письмах А. П. Чехов жестоко осуждал авторов, «помогающих дьяволу размножать слизняков и мокриц, которых мы называем интеллигентами. Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция, которая... не патриотична, уныла, бесцветна... которая брюзжит и охотно отрицает все, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать... Вялая душа, вялые мышцы, отсутствие движе-

нии зла является «Ненасытецким порогом», о который разбилась вера не одного искателя Бога. «Почему на Твоем величественном создании так много элементов, не гармонирующих друг с другом? — с мучительной болью спрашивает Мюссэ. — Зачем существуют преступления и чума? О, Боже справедливый, зачем смерть?».

Уже много веков назад искатели Бога, натолкнувшись на «Ненасытец», т. е. на вопрос о существовании зла, формулировали свои сомнения так: «Может ли Бог предупредить зло, но не желает? Если так, то Он не всеблаг. Желает ли Он это делать, но не может? Тогда Он не всемогущ. Если Он желает и может предупредить зло, то почему оно существует? Зачем чума, преступления, война, землетрясения, голод? Чтобы наказывать людей за грехи? Но какой же грех совершили сотни тысяч младенцев и маленьких детей, еще безгрешных по учению Церкви, погибающих во время землетрясения, голода или другого бедствия?» Ортодоксия пыталась давать ответы на эти вопросы, поражавшие иногда своею смелостью. Таков, например, ответ Жозефа де Местра *). Вопрос о существовании зла стоит на пути богоискателей всех времен и всех народов. На него натолкнулись когда-

ний, неустойчивость в мыслях». («Письма», т. II, ст. 449). По уверению Чехова, такой интеллигент «живет в водосточной трубе, ест мокриц, любит халд и прачек» и ничего не знает (ib., стр. 368). А. П. Чехов смягчил бы свой суровый приговор, если бы видел тех англичан *intellectuals*, которых плодят такие книги, как Уэльса, например. Такой *intellectual* не живет в «водосточной трубе». От русского интеллигента его отличает, главным образом, колоссальное самомнение и презрение ко всему остальному миру.

*) См. Д и о н е о, «Рефлексы действительности», Москва, 1910.

то стойки. На него наталкивается теперь богоискатель огромного таланта и поразительной искренности — Мигуэль де Унамуно (я говорю об его книге »Del Sentimiento tragico de la vida«). Он приходит к заключению, что может быть только *субъективное* решение страшного вопроса. Что такое представляет собою это субъективное решение? А вот что. Над бездонной, черной, безбрежной пропастью протянут канат, по которому, качаясь, готовые ежеминутно сорваться, ходят акробаты. У каждого из них привешено на ногу, в самом странном положении, несколько громоздких предметов. Все внимание акробатов сконцентрировано на том, чтобы удержать на ноге столы, огромные росписные ящики с никому ненужной рухлядью, стулья с беззаботно сидящими на них существами и т. п. странные предметы. Это балансирование и есть субъективное решение страшных вопросов. В смысле достижения абсолютной истины такое балансирование с тяжестями не имеет никакой ценности, но оно отвлекает мысль акробатов от бездонной пропасти внизу, от ужаса безбрежности и безцельности всего занятия, а потому дает утешение. И благо тому, кто его нашел. Не разрушайте иллюзий, если они безвредны, т. е. если нет опасности, что «стол» или ящик с бесполезной рухлядью свалятся и столкнут в пропасть других акробатов, которые без этого еще держались бы некоторое время на канате. Последствием такого понимания жизни может быть не только отчаяние, но и бесконечная жалость ко всем балансирующим, если только они,—под угрозой сбросить с каната, — не требуют, чтобы другие приняли *их* способ балансирования, как единственно верный. Жалость не может служить основой нравственной системы, т. е. быть тем базисом, который розыскивается

философами и учеными. Так думал, между прочим, Шопенгауэр. «Жалость — единственный мотив действительной морали», — говорит он, критикуя категорический императив Канта.

После войны либеральная английская газета устроила анкету по вопросу, почему падает вера. Скептики прислали ряд писем, центральным пунктом которых является «Ненасытецкий порог», — вопрос о существовании зла. С другой стороны, верующие, как умели, пытались ответить, почему существует зло. Каждое из этих писем представляло собою *субъективное* решение. «Зло является лишь другой стороной добра и служит, таким образом, дополнением к нему», ответил один «балансирующий на канате». «Свобода, которую Господь даровал человеческому роду, требует существования зла, дабы человек, по причине своей свободной воли, мог уклониться от него», — объяснял другой. «Хотя Господь и всемогущ, но Он ограничил Себя, т. е. решил действовать в пределах неизменных и неизбежных законов природы, дабы люди, изучив эти законы, могли избавиться от безумия и греха», — писал третий. На это скептики ответили: «Зачем же Он ограничил свою власть? Ведь Он мог бы превратить мир в земной рай?» Другие верующие отказывали Богу во всемогуществе, заявляя, что Он только всеблаг. Он помогает человеку бороться со злом, созданным не Им. Другими словами, современные верующие возвращались к манихеизму. Мне запомнилось письмо верующего, называвшего себя «манихейцем-оптимистом». Он утверждал, что в мире идет борьба между Богом и Природой, т. е. между Богом и злом. В конце концов, Бог должен победить. В сущности говоря, Бог находится еще в периоде эволюции, так как «Он не успел еще создать Себя». «Без

веры наступит поножевщина, — утверждали другие, — ибо без верховной санкции совершенно нельзя доказать, что надо любить ближнего, а не зарезать его».

Уэльс ставит вопрос о вере и Боге оригинально. Автор указывает, что был воспитан в фанатической семье и, вследствие этого, утратил веру в 14 лет. До последнего времени он был рационалистом. Теперь он нашел Бога и желает поведать о Нем всем. Вера, которую Уэльс нашел и проповедует английским intellectuals, не есть ортодоксальное христианство. «Это — говорит он — даже совсем не христианство. И тем не менее сущностью этой новой религии является вера в личного, задушевного (intime) Бога». Автор категорически заявляет, что совершенно не может принять традицию, как она формулирована на Никейском соборе. Философия, утвержденная тогда, кажется автору «чудовищной». Догматы, установленные тогда, «затемняют лишь религиозные стремления человечества». Уэльс, отрицая триединого Бога, утверждает, что есть «живой Бог, живущий в сердцах людей». Автор указывает, что в истории искания божества, начало которой сокрыто в непроницаемом тумане веков, мы постоянно наталкиваемся на два постижения. Эти постижения по характеру своему находятся в антагонизме друг с другом. Одно постижение — это Бог-Природа, Бог-Творец. Другое постижение это — Бог-Христос, Бог-Искупитель. Один Бог живет вне нас, во вселенной; пребывание другого Бога внутри нас. Идея о первом божестве развита полнее всего Спинозой.

Такое постижение Бога приближается к пантеизму*). Это Бог, правящий миром скорее справедливо,

*) Резкую критику учения Спинозы о Боге и пантеизме вообще дал Шопенгауэр. »Deus sive natura«, — формулиро-

чем с любовью. Поклоняющемуся Он внушает страх. Идеей, противоположной понятию об абсолютном Боге, будет, по мнению Уэльса, представление о Боге, живущем в человеческом сердце. По мнению Уэльса, теологическая борьба за эти два представления происходила с незапамятных времен. Традиция, восторжествовавшая в IV веке нашей эры, явилась неудачной попыткой соединить в одном фокусе два разных представления о Боге. То была «попытка сделать Бога-Природу более доступным и Бога, живущего в сердцах, непреодолимым»; попытка «наделить первого атрибутом любви к человечеству и облечь второго красотой надзвездного мира и достоинством безжалостной справедливости». С этой целью придумана была метафора о родстве между двумя представлениями. Бесконечным отдалением бесстрастного Бога-Творца от Бога, живущего в сердцах, явилась попытка найти между ними связывающее звено в виде Святого Духа, утешителя, посредника, спускающегося в

вал Спиноза учение пантеизма. «Мое главное возражение против пантеизма это то, что оно ничего не дает нам, — говорит Шопенгауэр, — дать миру название «Бог» не значит объяснить мир. Таким образом мы обогащаем наш язык только лишним синонимом для слова «мир». Если мы начнем со слова «Бог», как с чего-то, что должно быть объяснено и скажем: «Бог — это мир», то мы дадим подобие объяснения. Мы неизвестное сведем к малоизвестному, *ignotum per notius*; но это будет лишь словесное упражнение. Если же мы начнем с того, что действительно дано, т. е. с мира, и скажем: «мир это Бог», то очевидно, что мы ничего не выясняем. Во всяком случае, мы объясняем неизвестное еще более неизвестным. Мы начинаем формулу с понятия Бог. Не зная, что делать с ним, мы поручаем миру Его роль». «Всякий непредубежденный исследователь откажется отождествить мир с Богом, — продолжает в другом месте Шопенгауэр. Только очень плохо осведомленное высшее существо, не знающее других путей, как развлекать себя,

сферу человеческого понимания. Это примирение в виде триады представлялось человечеству уже в Египте. Оно перешло в традицию, восторжествовавшую в IV веке из Александрии.

В своей книге Уэльс в отношении к Богу Творцу (God the Creator) выступает, как агностик. Он выражает глубокую веру в Бога, живущего в сердцах, Бога Искупителя (God the Redeemer). Автор находит полную невозможность применить один и тот же термин Бога к двум разным представлениям. В силу этого Уэльс употребляет этот термин только для обозначения Бога, живущего в сердцах. Что же касается высших тайн мира, то для обозначения их Уэльс говорит

может найти удовольствие в отождествлении себя с нашим миром, жалким и несовершенным. Только такое высшее существо может принять форму бесчисленных миллионов живых существ, страдающих, мучающихся и преследующих других, терпящих нужду, подверженных смерти и все это без определенной цели. Какой смысл этому божеству принимать форму миллионов негров-невольников или ткачей в Европе, терпящих голод и влачащих жалкое существование в своих сырых мурьях или на фабриках? Какое странное времяпрепровождение для божества, которое, как таковое, привыкло, вероятно, к другой жизни?» «Совершенно нелепо предположить, что высшее существо, обладая атрибутами, приписываемыми ему, будет вести жизнь черного невольника». «Еще постижимо, что всемогущее и всеблагое Бытие может создать мир, в котором существует столько мучения, даже тогда, когда нам непонятна причина, почему оно сделало так. Можно всегда утверждать, что наш ограниченный ум не в состоянии постичь глубокую мудрость Создателя, — продолжает Шопенгауэр. Таким образом, абсурд может быть принят, как неизреченная мудрость. Пантеизм, однако, утверждает, что Создатель в то же время сам тот мир, в котором столько страданий, что этот Бог, в одном лишь маленьком мире, умирает каждую секунду и все это по собственной воле. Такое утверждение пантеизма нелепо. Было бы гораздо более правильным отождествлять мир не с Богом, а с дьяволом», — заканчивает Шопенгауэр. (Parerga und Paralipomena).

Veiled Being, существо под покровом. Автор утверждает, что мы не знаем и, вероятно, не можем узнать отношений между Тайной, Существом под покровом, и «живой реальностью нашего бытия», которую Уэльс называет истинным Богом. Это понятие означает только «личного Бога человеческого рода». Оно не имеет никакого отношения к космогонии. Уэльс отнимает у этого понятия атрибуты Провидения. Резкое отделение Бога-Природы от Бога, живущего в сердцах, формулировано было многими и до Уэльса. Альбигойцы, например, следуя манихеянам, противопоставляли Бога-Природы, которого они отождествляли с злом, Богу добра. У Шелли мы видим такое же противопоставление. Кант признал «нравственный закон внутри нас», противопоставляя его «звездному небу над нами». По мнению Уэльса, у нас нет никаких данных утверждать, что «Существо под покровом» благожелательно к людям, точно так же, как мы не можем утверждать противоположное, т. е. что Бог-Природа, Творец враждебно относится к роду человеческому. Нам важно постижение Бога, живущего в сердцах, борющегося вместе с человеческим родом против зла и, конечно, вместе с человечеством.

Уэльс не касается даже вопроса о личном бессмертии, так как его вполне удовлетворяет жизнь в человеческом роде, жизнь в Боге человеческого рода. «Многим кажется невыносимой мысль о смерти и о личном исчезновении, — говорит Уэльс. Мне это представляется крайним эгоизмом. Мне отдельного бессмертия не нужно. Мое бессмертие это — Бог».

Мне припоминается сильная формула, данная гораздо раньше для выражения той же мысли:

»Vor dem Tode erschreckst Du? Du wünschest Unsterblich zu leben?

Leb' im Ganzen! Wenn Du lange dahin bist, es bleibt! «*)

Уэльс, вместо »Leb' im Ganzen«, ставит: «живи в Боге, пребывающем в сердцах», «живи в человеческом роде». «Если-бы мы все могли согласиться о значении таких терминов, как «Бог», «Бесконечное», «Непознаваемое», «Направляющая Разумная Сила», «Бесконечная Воля», то пользование ими без определения было бы вполне допустимо, — писал когда то Макс Мюллер. Но наши противники не признают, что термины эти окончательно определены. Если религия есть знание, — говорят они, — то не зависит ли все от того, что мы знаем? Если религия есть вера, то не должны ли мы прежде всего спросить: во что мы должны верить? как наш разум получает понятие о божестве, в которое надо верить? Является ли сущностью религии страх или любовь, поклонение или созерцание, — мы должны точно определить объект нашего страха, любви, поклонения или созерцания. Мы называем этот объект Богом, но говорит ли нам это чтонибудь, если мы и определим, что мы подразумеваем под словом Бог? Есть ли это объект видимый или невидимый, понятный, поддающийся определению или нет? Как часто во время ожесточенных споров за религию мы спрашивали: «то, что вы называете Богом, я не признаю таковым. Если вы меня назовете атеистом, я вас назову идолопоклонником» *).

Уэльс заявляет, что он глубоко убежден в рождении новой религии, центром которой является

*) «Ты страшишься смерти? Ты жаждешь бессмертия? Живи во всем. Оно останется, когда ты давно умрешь» (Шиллер).

***) Max-Müller »Natural Religion«, London, 1889, p. 58.

личный Бог, постигаемый, живущий в сердцах, не имеющий ничего общего ни с Направляющим Разумом, ни с объектом современного культа. Этот объект со всем учением о нем, как оно формулировано окончательно на Никейском соборе, Уэльс отрицает. Колоссальный успех книги Уэльса свидетельствует о том, что Англия, находящаяся теперь в состоянии брожения после войны, не может довольствоваться ни старым культом, ни возвращением к анимизму, ни примитивным гедонизмом, формулированным много веков тому назад: «нет иного блага для человека, как есть, пить и дозволять своей душе наслаждаться от труда своего».

V.

Мутация, т. е. внезапно появившиеся вариации, в особенности заметна в положении женщины в Англии. В 1909 году, коснувшись только что начавшегося тогда феминистского движения в Англии, я писал: «Оно имеет гораздо белее широкие задачи, чем только участие в парламентских выборах. Перед нами бунт английских женщин против своей доли вообще... Размеры этого бунта очень велики. Английская женщина, исторически всегда находившаяся позади мужчины и смотревшая на него снизу вверх, теперь протестует против порядка, установленного ее повелителями; она бунтует против кодекса морали, выработанного мужчиной и столь выгодного для него. Перед нами не простое политическое движение в роде того, которое было в Англии, когда шла борьба за первый билль о реформах или за гладстоновский избирательный билль 1884 года, а революция в

нравах, в семейном укладе, в том, что англичане называют home*). Тогда были тори, как Хью Сесиль, выступавшие горячими защитниками этой нарождавшейся революции и социалисты, как Бельфорт Бакс, выступавшие против движения: «Движение против мужчин — уверял Бакс, — крайне на руку капиталистам и командующим классам, так как заменяет борьбу классов борьбой полов». Мне приходится сильно смягчать слова подлинника. По выражению Бакса, «the virago, the shrew and the female sharper» отвлекают общественное внимание от классовой борьбы**).

Во время великой войны Англия призвала на помощь женщины не только, как сестер милосердия. Они явились помощницами и в тылу, и на фронте, как работницы в арсеналах, как шоферы, кондуктора, администраторы. Они заняли посты, на которых во время войны всегда были мужчины. И эту крайне ответственную службу женщины исполняли точно и добросовестно. Таким образом, всякое возражение против политической эмансипации женщин, к концу войны, отпало само собою. Аргументы против допущения женщины к участию в законодательной работе, казавшиеся многим столь убедительными, сразу потеряли всякий смысл. Женщины не только приняли участие в выборах и вошли в Парламент, но всем это сразу показалось совершенно обычным явлением, как будто бы существовавшим от века. Мутация наблюдается не только в политическом положении английской женщины. Годы после войны выдви-

*) Д и о н е о, «Меняющаяся Англия», ч. I, стр. 36. Москва. 1916 год.

***) «The Grand of Feminism», p. 113.

нули в Англии новую женщину, требующую введения кодекса морали, выработанного ею, а не мужчиною. Милитантки до войны выдвигали почти исключительно политические требования. Перед войной новая женщина в Англии, усомнившаяся в старом кодексе морали, видела перед собою только один исход — самоубийство. Представитель всего утвержденного и благонамеренного, — коронер, — определяя тогда причину самоубийства, считал необходимым «ужаснуться» падению нравов. Он произносил даже на эту тему проповедь. Так было, например, накануне войны, когда отравилась в Лондоне мисс Джейн Лавендер-Гетри. Об этом самоубийстве тогда все английские газеты говорили в течение нескольких дней.

Мисс Джейн была из очень богатой, образованной семьи, принадлежавшей к выше-среднему классу. Она была очень хороша собою, даже красавица и получила прекрасное образование. Перед нами чуткая, ищущая, мятежная и в то же время нежная натура. У коронера выяснилось, что она сперва пережила религиозный кризис. Считая красоту грехом и соблазном, она попыталась обезобразить себя серной кислотой, но только обожгла щеку. Затем, не найдя успокоения в традиционной религии, девушка метнулась к изучению социальных вопросов и социализма. В 1912 году она присоединилась к милитанткам, участвовала в выступлении, была арестована и приговорена к тюремному заключению. В тюрьме она объявила голодовку. Затем, по выходе из тюрьмы, девушка разочаровалась в милитантках, как раньше в религии. Она поступает на сцену. До того времени мисс Лавендер-Гетри отказывались брать деньги от матери, с которой была очень дружна; но потом со-

гласилась получать сто фунтов в год. Вместе с тем, что она зарабатывала на сцене, это составляло порядочную сумму. Но девушка раздавала большую часть этих денег. По показанию свидетелей, она оставила родительский дом не вследствие ссоры, а потому, что находила жизнь там «слишком роскошной». «Человек имеет право проживать только то, что зарабатывает сам», — говорила девушка. И вот потом Лавендер-Гетри метнулась в светскую жизнь с такой же горячностью, как раньше в религию или в милитантство . . . Она начала посещать ночные клубы, представлявшие собою перед самой войной характерную черту жизни богатых классов Лондона. Лавендер-Гетри тогда думала о гедонизме и оргиазме жизни; но современная действительность совершенно не похожа на легенды про древне-греческий «оргиазм». «Гедонизм» ночных клубов оставил после себя глубокое отвращение; светские люди, как и богема, во фраках и смокингах, так мало напоминали эллинов, что девушка отравилась вероналом. Перед смертью она с методичностью англичанки привела в порядок все свои дела и оставила подарки всем тем, которые тепло относились к ней. В числе этих лиц, которых Лавендер-Гетри вспомнила перед смертью, была судомойка, приходившая для черной работы. Крайне характерно письмо к матери: «Не думайте, что я очень несчастна, — пишет девушка . . . — Я просто очень устала от всего окружающего. Я пришла к заключению, что мир отлично будет идти вперед и без меня. Конечно, уходить из жизни — трусость, но я не могу продолжать ее дальше».

Коронер, на основании того, что девушка посещала ночные клубы, заявил, что она вела «безнравственную жизнь». «У ней были взгляды, совершен-

но не обычные для молодой девушки ее круга. В восемнадцать лет она присоединилась к милитантскому движению. Уже один тот факт, что «девушка из хорошей семьи, обеспеченная, получившая отличное образование, присоединилась к таким анархисткам и нарушительницам порядка, как милитантки, свидетельствует о ненормальном состоянии ума», — философствовал Коронер. Затем последовала грубая и жестокая фраза, вызвавшая протест со стороны друзей Лавендер-Гетри. «Повидимому девушки совершенно пала». Беллетрист Харненг счел своим долгом заступиться за память покойной.

«Для знавших Лавендер-Гетри и восторгавшихся ею, бесжалостные статьи, появившиеся в газетах после смерти ее, кажутся бредом безумного, — писал тогда Харненг. Знавшие мисс Гетри до самой смерти сохранили память о прекрасном, нежном, грациозном создании, чуждом всякой аффектации. Эта добрая девушка имела вид греческой богини и держала себя, как королева. . . . Вряд ли другая столь прекрасная и изящная девушка так мало думала правиться и так избегала популярности, как мисс Гетри. Трагически покончила с собою прекрасная и удивительно богатая натура».

Смерть Лавендер-Гетри вызвала ряд писем в редакцию. Благонамеренное общество сводило счеты с протестанткой, лишенной уже возможности отвечать. Один находил, что Лавендер-Гетри стоит на одном низком уровне с «фениями, средневековыми фанатиками, тугами, дервишами, анархистами, факирами и ольстерскими изменниками». Благонамеренная дама писала: «мы можем теперь указать нашим дочерям на то, что неизбежно случится с девушками, ум которых набит глупыми идеями о счастье человечест-

ва, foolish humanitarian ideas, которые думают о вещах, лежащих за пределами их собственного семейного очага. Судьба Гетри должна показать нашим дочерям, что девушка из хорошего общества, увлекающаяся социализмом, кончит самоубийством при двусмысленной обстановкѣ». И в хоре этих самодовольных фарисеев и лицемеров, всех эти Пекснифов и Тартюфов прозвучали слова коммонера Веджвуда: «Насколько я могу судить по фактам, сообщенным газетами, и по письму к матери, мисс Лавендер-Гетри была святая... Как ужасно, что такая прекрасная жизнь погасла, не озарив окружающих. Смерть Гетри слишком дорогая цена за сохранение наших кодексов о благонамеренности и приличии».

До войны Лавендер-Гетри была так же одинока, как в XVII веке была Мэри Вульстонкрафт, тоже кончившая самоубийством. Теперь миллион английских девушек и женщин, выступивших во время войны, как работницы во всех отраслях промышленности и в разных сферах труда, составлявших раньше привиллегию мужчин, требуют себе не только одинакового заработка, — это им дано уже; не только политических прав, — это осуществлено в 1918 году, но и право подчиняться кодексам морали, выработанным свободной женщиной, а не повелителем-мужчиной. И каждый сколько нибудь внимательный наблюдатель английской жизни без труда заметит, что расползание старых устоев происходит именно там, где они сильнее всего защищаются. Можно привести бесконечное количество фактов, свидетельствующих о том, что мутация происходит именно в том классе, который громче всех высказывается за сохранение добрых старых нравов, «как во времена Диккенса».

«Доктор Тернер указал на огромное нарастание

супружеской неверности и сказал, что бесдетные союзы являются первопричиной печального явления, — читаем мы в стенографическом отчете церковного конгресса 1921 года.

«Английская женщина из общества отказывается быть матерью, так как наряды, веселая жизнь, теннис и гольф представляют для нее большой соблазн... Уровень повседневной нравственности (the standard of practical morality) среди женщин из общества быстро падает. Сорок лет тому назад началась в Англии проповедь практического мальтузианства. Результатом является то, что теперь девушки знают о возможности незаконных связей без опасности физиологических последствий. Волна безнравственности прокатилась теперь через всю Англию», — констатирует доктор богословии Тернер *). Епископ Гильдфордский на том же церковном конгрессе указал на «ужасающее увеличение венерических болезней, как последствие новых отношений». Число незаконных связей теперь «представляет собою как социальную угрозу, так и ужасное пятно на христианской цивилизации». «Повидимому, — продолжает епископ, — требование одинаковой морали для женщин и мужчин повело не к повышению, а к понижению нравственного уровня. Теперь в Англии появился целый класс психологов и психоаналитиков, которые ни о чем другом не говорят, как только о вопросах пола». Епископ выражается более живописно: (they appeared to eat, drink, and sleep in terms of sex). «эти писатели утверждают, что сопротивляться дурным побуждениям, значит закрыть предохранительный клапан». Епископ констатирует, что «обще-

*1) »Church Congress«. »Daily Telegraph«, October, 12, 1921.

ственная нравственность» рассыпается», а это равносильно «погребальному звону по обществу» *).

Бракоразводный процесс супругов Рессель показал, что слова Тернера и епископа Гильдфордского представляют собою нечто большее, чем церковную риторику. Процесс этот разбирался дважды: в июле 1922 и в начале 1923 гг. Истец и ответчик принадлежат к высшему классу. Джон Рессель, искавший развода с женой на почве ее неверности — сын и наследник лорда Эмтхилла. Процесс, продолжавшийся несколько дней, выявил существование и широкое распространение нравов, о которых писали когда то Прево в «Полудевах» и Маргерит в «Garçonne». Любопытно, что роман Маргерита не разрешен в подлиннике, а перевод сильно подчищен, тогда как прямо невероятные интимные подробности процесса, которые даже не сразу можно понять, печатались полностью во всех газетах.

Было бы ошибкой сказать, что мутация в области старых воззрений касается одного только класса.

Даже чисто внешне произошли социальные перемены после войны. До войны, например, основой «хороших манер» в Англии было правило, что всякая эксцентричность *во внешности* — неприлична. Истинный «джентльмэн» и настоящая лэди могли иметь самые оригинальные и эксцентричные взгляды, но *в манерах* это не должно было афишироваться. Воспитанный человек должен быть *очень* скромн и сдержан в манерах. В его платье не должно быть ничего кричащего, ничего бросающегося в глаза. Это относилось как к мужчинам, так и к женщинам. По-

*) ib.

сле войны кричащая внешность стала модой. Все должно обращать на себя внимание в женщине: манера одеваться, курение и даже эксцентричные «любимые животные». Собачки даже самых редких пород вышли из моды. Английская светская дама на прежнем положении любимой собачки держит теперь обезьяну, лемуру, ихневмонов, змей и даже поросят. Автор книги «The Dawn of the XIX Century in England» говорит о стремительном изменении в английских нравах после Наполеоновских войн. Он уверяет, что появление и успех исторических романов Вальтер Скотта в начале XIX века обуславливается смущением перед переменами: автор «Веверлей» и «Айвенго» желал, будто бы, показать отрекшемуся от «старинны» новому поколению, как красиво было прошлое. Взвесив социальные перемены в Англии после Наполеоновских войн и после великой войны 1914-18 годов, мы должны прийти к заключению, что теперь «мутация» выражена более резко и ярко. Внимательный наблюдатель отметит, конечно, еще одно явление мутации: меняются коренные взгляды охранителей «нравов» на суровые наказания. После Наполеоновских войн охранители нравов, т. е. судьи, считали, что смертная казнь может устранить целый ряд социальных болезней. Люди, мечтавшие о радикальном изменении общества, были в 1802 году отправлены на квалифицированную казнь английским судьей (я имею в виду процесс полковника Деспарда).

«Мне остается только тяжелая обязанность назначить каждому из вас ужасное наказание, которое закон предписывает за подобные преступления, как ваше, — сказал тогда судья. Каждый из вас (тут судья перечислил поименно всех осужденных) бу-

дет взят из тюрьмы, а оттуда на тачках доставлен на место казни, где вас повесят за шею, но не до смерти. Вас живыми вынут из петли, вам вырвут внутренности и сожгут их перед вашими глазами. Затем вам отрубят головы, а тела будут четвертованы. С обрубками поступлено будет по воле короля. Да помилует Господь ваши души». Приговор был исполнен в точности.

«Вот голова изменника Эдуарда Маркуса Деспарда! — воскликнул палач, подняв за волосы голову казненного. И все это было не дальше, как в 1802 году *). В XIX веке, после великой войны, были случаи, когда коронер протестовал против смертной казни даже обыкновенного убийцы. «Я не могу видеть пользу, которая произойдет от того, что у злого человека, отнявшего жизнь у ближнего, тоже отнимут жизнь, — сказал коронер Граам, производя в Дерхэме следствие над трупом казненного. Смертная казнь следует за смертной казнью. И я спрашиваю себя: есть ли от этого хоть малейшее улучшение в нравах? Устрашили ли казни когонибудь? Убийства случаются, как раньше. Повидимому, смертная казнь не устранила убийства. Мы не наблюдаем часто и тени раскаяния у осужденных. В утро перед казнью они часто завтракают с аппетитом» **).

Такая речь в устах английского коронера, пожалуй, является одним из самых важных доказательств того, что в Англии происходят теперь перемены во всей толще социального строя.

*) *J. Ashton*, «The Dawn of the XIX Century in England» 1906, p. p. 145—452.

***) *Coroner Protests against Executions*, «Pall Mall Gazette», March 21, 1922.

АНГЛИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
ПОСЛЕ ВОЙНЫ

I.

Когда мир был заключен, английские рабочие продолжали настаивать на увеличении заработной платы, как и во время войны, когда каждое требование подобного рода осуществлялось. В начале 1919 года углекопы потребовали увеличения заработной платы на 30%, введения шестичасового рабочего дня и национализации всех шахт. Так как английские рабочие находились тогда под огромным впечатлением, произведенным русской октябрьской революцией, то большинство углекопов высказалось за «прямое действие», т. е. за политическую стачку с целью заставить правительство, чтобы оно ввело билль о национализации шахт. Углекопы потом согласились, однако, подождать до тех пор, покуда выскажется по поводу увеличения заработной платы и национализации шахт специально назначенная королевская комиссия под председательством судьи Санки.

Три самых мощных и богатых профессиональных союза в Англии: тред-юнионы углекопов, железнодорожников и транспортных рабочих образуют так называемый Тройственный Союз. В марте 1919 года, вслед за углекопами, два других участника Тройственного Союза, т. е. железнодорожники и

транспортные рабочие, потребовали, под угрозой немедленной стачки, введения рабочей недели в 48 часов. Требование это было быстро удовлетворено. Затем началась громадная стачка лонкаширских ткачей, потребовавших увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня, чего и добились. Заработная плата была им повышена на 30% и введена рабочая неделя в 48 часов. Больше всего англичан смущала тогда стачка лондонских полисменов, начавшаяся 1 августа 1919 года. Полисмены считаются в Англии наиболее надежной и самой образцовой организацией, охраняющей закон. Полисмены образовали трэд-юнион, не признанный правительством. Стачка началась из-за признания профессионального союза. В последний момент среди полисменов произошел раскол. Из 20.000 полицейских только 900 начали стачку. Все они были уволены и, несмотря на все ходатайства, за них, не приняты потом на службу. Это означало для них потерю многих привилегий, а, между прочим, утерянное право на пенсию.

Между тем королевская комиссия, под председательством судьи Санки, назначенная в марте 1919 года, в июне того же года собрала материалы относительно положения угольной промышленности в Англии. Члены комиссии не могли прийти к одному заключению и представили несколько заключений. Правительство приняло отчет, за который высказался председатель. Отчет этот рекомендовал следующие меры: 1) увеличение заработной платы на 2 шил. в день, 2) семичасовой рабочий день до 1921 года и шестичасовой — после 1921 года; 3) со стоимости каждой тонны добытого угля отчисляется пенни. Таким образом, составит капитал в миллион ф. ст. в год на улучшение жилищ для рабочих. Затем в отчете

те говорится еще о действительном участии рабочих в управлении шахтами. В отчете, принятом правительством, ничего не говорилось о национализации шахт. Углекопы были недовольны отчетом, но по совету своих вождей высказались за принятие уступок. Через три недели Комиссия под председательством судьи Санки выпустила дополнительный отчет по вопросу о национализации шахт. Мнения членов комиссии разделились и на этот раз, но все они высказались за национализацию в более или менее решительной форме. В то же время почти все отчеты указывали, что вместе с улучшением положения углекопов добыча угля упала. Таким образом, говорится в отчетах, производство так вздорожало, что угольной промышленности угрожает громадная опасность от иностранной конкуренции. Вожди углекопов настаивали на том, что правительство, приняв первый отчет судьи Санки, обязано также принять и дополнение, где говорится о национализации шахт. В октябре 1919 года первый министр от имени правительства категорически отказался внести билль о национализации. Такая решительная мера должна быть принята только по воле большинства населения Англии, — сказал первый министр. Другими словами, национализация должна быть введена только в том случае, если за нее решительно выскажется на парламентских выборах большинство населения. Правительство не может считать для себя обязательным мнение некоторых членов королевской комиссии. В октябре 1919 года выяснилось, что население Англии, раздраженное государственным контролем над многими отраслями промышленности, введенным во время войны, враждебно отнесется ко всему тому, что поведет к нарастанию бюрократизма.

Между тем в 1919 году среди английских рабочих нарастала уверенность, что «прямым действием», т. е. политической стачкой, можно устрашить правительство и воздействовать на парламент. Конгресс тред-юнионов, состоявшийся в Глазго в октябре 1919 года, принял ряд политических резолюций. Тут требования об отмене конскрипции, введенной, как временная мера, в 1917 году*), о немедленном отзывании войск из России. В резолюциях говорится, что если правительство не выполнит этих требований, то надо созвать особый конгресс, который решит тогда, какие «прямые действия» должно предпринять. Но рабочие массы не стали дожидаться. Под влиянием неточных сведений о том, что происходит в России, в рядах английских тред-юнионистов тогда накопилось раздражение, которое в моей книге «За пять лет» я приравнивал к «бурым парам». При производстве сильно взрывчатых веществ бурые пары, окислив азот, показывают, что в нитрационном аппарате развиваются опасные реакции окисления или так называемого разложения нитроглицерина. Тогда надо быстро принимать предохранительные меры, чтобы предупредить страшный взрыв. «Бурные пары» осенью 1919 года повели к молниеносной железнодорожной стачке. Целью ее было парализовать сразу интенсивную промышленную жизнь страны и в несколько дней довести правительство до капитуляции. Общество тогда проявило не только инстинкт самосохранения, но и способность быстро организоваться. В несколько часов после объявления стачки был налажен аппарат, чтобы снабжать Лондон молоком и предметами первой необходимости. Были вы-

*) Конскрипция была отменена после заключения мира.

званы волонтеры. Так как война тогда только что кончилась, то в каждом городе было много мужчин и женщин, умеющих управлять автомобилем и привыкших к дисциплине. Вместо железных дорог начали функционировать грузовики, оставшиеся после войны. Через несколько дней удалось при помощи волонтеров наладить железнодорожное сообщение на главных линиях. Число поездов увеличивалось с каждым днем. Железнодорожники пробовали убедить другие союзы присоединиться к стачке, но вожди советовали примирение. Железнодорожная стачка началась 26 сентября 1919 года, а 6 октября она уже кончилась. В самом начале зимы произошла другая серьезная стачка, на этот раз среди литейщиков. Они требовали увеличения заработной платы на 15 шил. в неделю и добились увеличения на 5 шил.

Новый 1920 год не принес успокоения английской промышленности. На почве недовольства, вызванного отказом правительства принять национализацию шахт, рекомендованную отчетом Санки, — назрела большая стачка углекопов. Шахты временно были национализированы во время войны. Правительственный контроль над ними в 1920 году еще продолжался. Правительство, отказавшись ввести национализацию, соглашалось принять увеличение заработной платы, рекомендованное комиссией Санки, до тех пор, покуда продолжается правительственный контроль над шахтами. Углекопы требовали увеличения заработной платы на 2½ шил. в день для всех рабочих старше 16 лет и на 1½ шил. для всех подростков. Правительство соглашалось гарантировать минимум прибавки в 2 шил. в день для взрослых и 1 шил. для подростков. Рабочие приняли эти условия, которые увеличили стоимость производства

на 30 мил. ф. ст. в год. Вследствие вывоза угля за границу цены повысились, и углекопы немедленно потребовали в августе 1920 года прибавку и национализацию. От второго требования они отказались, но первое требование повело к большой стачке в августе 1920 года. На основании стачки 1912 года, печать в 1920 году указывала, что означает забастовка углекопов. Стачечники теряют ежедневно 5 мил. ф. ст. Затем идет процесс замирания страны, приблизительно, по такой схеме:

Первый день. Останавливаются работы в шахтах.

Второй день. Замирает жизнь в доках, и останавливаются заводы сталелитейные и для выплавки олова.

Конец первой недели. Потухают доменные печи. Тысячи рабочих получают расчет. Фабрики в Лондоне начинают закрываться. Останавливаются 700 поездов.

Вторая неделя стачки. К стачечникам прибавляется 1.600.000 безработных. Многие корабли не могут выйти в море. Становится серьезным вопрос о пище и транспорте.

Третья неделя. Закрываются школы. Население теряет еженедельно 12 мил. ф. ст. в виде заработной платы. Фонды тред-юнионов истощаются.

Четвертая неделя. Безработица становится национальной. Всюду появляются процессии голодных женщин и детей.

Угольная стачка в промышленной стране действует иначе, чем железнодорожная стачка. Последнюю можно уподобить ударам по голове. Человек, по-

лучивший удар, ошеломлен и, быть может, теряет сознание; но скоро он начинает шевелить рукой, затем медленно поднимается, приходит в себя и оправляется. Угольная стачка действует, как прогрессивный паралич. Сперва действие почти незаметно, но затем явления нарастают бурно и приносят с собою смерть организма.

Стачка углекопов началась. Чтобы скорее довести страну до паралича, углекопы решили призвать на помощь весь «тройственный союз», — но железнодорожники и транспортные рабочие отказались объявить стачку, что привело в ярость крайние элементы. Они называют «черной пятницей» тот день, когда Тройственный Союз не согласился объявить всеобщую забастовку. Угольная стачка кончилась компромиссом. Повидимому, эта стачка знаменует собою также высшую линию, до которой достигало в Англии революционное половодье. В 1920 году возник в Англии «Комитет действия», но, повидимому, влияние его на тред-юнионы не нарастает, а быстро падает.

В 1920 году в Лондоне собрался специальный конгресс тред-юнионов, чтобы решить вопрос о «прямом действии», т. е. об общей политической стачке с целью добиться национализации шахт. Результаты были следующие:

За «прямое действие» высказалось	1.050.000
против	3.870.000

Большинство против . . . 2.820.000

Затем поставлен был на баллотировку такой вопрос: надо ли начать усиленную пропаганду теперь, чтобы подготовиться к парламентским выборам?

За это предложение высказалось 3.732.000
против 1.015.000

Большинство за констит. де-
ятельность 2.717.000

Интересно провести здесь некоторые тезисы, которые были развиты рабочими вождями во время конгресса.

Право рабочих объявлять стачку подразумевает также большую ответственность перед населением. Вот почему нельзя легкомысленно или под влиянием импульса принять такую меру, как общая забастовка, — сказал член парламента Томас. Рабочая партия потому еще не имеет права выступать против конституции, что именно эта партия сильнее всех нападала на правительство за нарушение закона в Ирландии. Рабочая партия еще не использовала конституционных мер, поэтому нет основания утверждать о бесполезности их. Самое разумное — использовать Парламент, представляющий собою наиболее демократическую в мире Законодательную Палату.

Коммонер Том Шоу указал на то, что даже в рядах углекопов, стоящие за прямое действие составляют незначительное меньшинство. Массы безусловно против революционных выступлений. «Прямое действие» представляло бы собою безнравственный опыт, ошибочный в принципе и обреченный на неудачу.

По мнению члена Парламента Клайнеса, первый министр (Ллойд-Джордж) ужасно был бы рад, если бы рабочие пустили в ход «прямое действие». «Дайте только ему общую политическую стачку, так он вам даст общие выборы, на которых вся страна выскажется против нас». Если рабочие пустят в ход теперь политическую стачку против буржуазии, то

буржуазия тоже устроит политическую забастовку против рабочих, когда будет у власти.

За политическую забастовку решительно высказался только секретарь федерации углекопов Фрэнк Ходж. По его мнению все факты говорят за желательность «прямого действия». Углекопов обманули, так как комиссия Санки высказалась за национализацию шахт, тогда как правительство отказывается осуществить рекомендованную меру. Парламент дискредитирован, поэтому углекопы не хотят больше действовать через его посредство. Рабочие могут осуществить все при помощи прямого действия. Было бы нелепо, поэтому, отказаться от политической стачки. Каменноугольное дело в Англии идет к банкротству, и только национализация шахт спасет рабочих. Если не будет прямого действия, то шахты останутся в частных руках. В таком случае, чтобы спастись от банкротства, владельцы попытаются сократить заработную плату. Тогда все равно придется бороться.

Оратор, таким образом, под национализацией подразумевал такой порядок, при котором шахты работают в убыток, при чем дефицит покрывается государством путем обложения обывателей*).

II.

В 1921 году промышленная жизнь Англии крайне осложнилась еще одним важным фактом: безработицей. С тех пор, до настоящего момента (июнь 1923 года), безработица и осложнения, порожденные ею, обсуждаются в каждом номере английской газе-

*) Direct Action. »Times«, March 12, 1920.

ты. По улицам больших городов бродят процессии безработных.

Чтобы дать некоторое представление о том, как серьезно стоит этот вопрос в Англии, я приведу обширный заголовок одной статьи английской газеты за 1921 год.

«Около 4.000.000 рабочих ходят без дела.

В течение многих лет торговля и промышленность не знали столь мрачных дней.

Внешняя торговля сократилась на сотни миллионов ф. ст.»

Безработных записано 2.147.000. Миллион углекопов не работает *). Ткачей, не работающих — 600.000. Работающих по сокращенному времени — 1.117.661. За один лишь прошлый месяц вывозная торговля сократилась на 25 миллионов ф. ст., а в сравнении с маем прошлого года экспорт сократился на 89 миллионов ф. ст. За первые пять месяцев этого года, в сравнении с тем же периодом в прошлом году,

Ввоз сократился на 379.517.554 ф. ст.

Вывоз сократился на 263.535.940 ф. ст.**)

Экономисты говорят, что безработица является прямым последствием индустриализации и что чем дальше идет процесс индустриализации, тем сильнее безработица и тем серьезнее ее последствия. Последствием индустриализации была не только безработица. Почти во всех странах стремительное развитие промышленности, как известно, сопровождалось вна-

*) В то время была стачка углекопов.

***) »Daily News«, June 12, 1921.

чале бесжалостной эксплуатацией рабочих. Мужчины, женщины, подростки и маленькие дети загнаны были в нездоровые фабрики, где их ждал бесконечно длинный рабочий день. Условия работы были так тяжелы, что организм быстро разрушался. Затем процесс индустриализации породил еще одно губительное для рабочих явление. В первые годы развития фабричной промышленности стремительно выросли вокруг фабрик огромные, крайне нездоровые города. «Фабричные рабочие были там скучены в таких тесных, таких грязных и наскоро построенных жилищах, что им не подобало даже название homes. Подобные жилища, по справедливости, были названы «клетками для фабричных рук» *).

Сперва отношение правительства и общества к этим условиям определялось формулой *laissez faire*. В некоторых случаях, говорит Сибом Раунтри, — подобное отношение обуславливалось полным равнодушием к страданиям бесгласной тогда массы. В других случаях, мы имели результат экономических теорий, формулированных, главным образом, Рикардо, в силу которых общее благо, в конце концов, происходит из предоставленной всем свободы достижения своего благосостояния. С течением времени политика *laissez faire* была оставлена в Англии (формула эта, приписываемая манчестерской школе, в действительности принадлежит французскому экономисту XVIII века Гурне). Правительство все больше и больше проникалось сознанием своей ответственности за здоровье и благосостояние рабочих. Теперь в Англии действует тщательно разработанная система фабрич-

*) B. Seebohm-Royntree. »Unemployment. Practical Steps to Solution«. London 1923.

ного законодательства, регулирующего рабочие часы, состояние зданий, обращение с опасными машинами и т. д. Закон запрещает пользоваться женским или детским трудом в некоторых вредных отраслях промышленности. В самые последние годы выработаны в Англии законы, защищающие мужчин и женщин от действия так называемой системы «выжимания пота» (sweating system) и гарантирующие им заработок, дающий возможность существовать. Рабочие имеют теперь вознаграждение за увечья, полученные во время занятий, все равно, произошел ли несчастный случай по вине предпринимателя или по небрежности пострадавшего.

Вот уже сто лет, как Парламент в Англии начал выработать законы, охраняющие здоровье рабочего и гарантирующие ему человеческое существование; но всего лишь несколько лет, как законодательная Палата пришла к выводу, что необходимо защитить рабочего также и от другого последствия индустриализации: от экономической необеспеченности, обусловленной безработицей. В Англии Парламент впервые занялся этим вопросом в 1911 году. Тогда принят был закон о государственном страховании рабочих в некоторых отраслях промышленности*). Страховую премию платили: государство, предприниматель и рабочий. В случае безработицы застрахованный получал по закону 1911 года 7 шил. в неделю. За каждую неделю, за которую уплачена была страховая премия, безработный получал пособие в течение пяти недель. Ежегодно такая помощь могла быть получена не больше, как в течение 15 недель.

*) Кораблестроение, машинное дело, обработка дерева и строительное дело.

В 1916 году действие закона о страховании на случай безработицы распространено было на другие отрасли промышленности. Таким образом, в 1920 году были застрахованы не 2 миллиона рабочих, как в 1911 году, а двенадцать миллионов. Все рабочие, получающие менее 250 ф. ст. в год, кроме домашней прислуги, железнодорожников и батраков, подходят под действие этого закона. Увеличено также пособие, получаемое во время безработицы: 15 шиллингов в неделю, вместо 7 шил., с прибавлением пособия на детей.

Безработица, начавшаяся в Англии с 1921 года, доказала, что государственное страхование является только паллиативом от явления, порожденного индустриализацией. «Страхование на случай безработицы, в конце концов, представляет собою только средство для смягчения худших последствий этого явления, — говорит Сибом Раунтри. Страхование можно сравнить с мерами, принимаемыми правительством для облегчения страданий от голода в случае неурожая. И точно так же, как в области сельского хозяйства правительство обязано предупредить голод, в области промышленности оно должно предвидеть безработицу. На это явление нельзя глядеть с таким же фатализмом, с каким карликовые племена Центральной Африки смотрят на неурожай проса». Дальше я скажу о том, какие меры рекомендуются теперь в Англии для предупреждения безработицы.

Чем же обуславливалась безработица, надвинувшаяся на Англию в 1921 году? На этот вопрос мы имеем ряд ответов.

«Во время войны и в первые два года после перемирия не было недостатка в работе для всех, желавших взяться за нее, — объясняет английский эконо-

мист. Хорошо было бы, конечно, если бы эти условия продолжались постоянно. К сожалению, спрос на работу в Англии обуславливается в значительной степени заказами, полученными из за-границы. Пессимисты во время войны предсказывали, что заключение мира, за которым последует демобилизация нескольких миллионов солдат, поведет за собою чрезмерное переполнение рабочего рынка. Последствием этого явления будет революция». Мрачные предсказания не оправдались. Англия быстро «перековала мечи на орала», т. е. использовала для мирных целей промышленность, приспособленную для войны. Огромное большинство демобилизованных воинов получило работу. Затем заработная плата начала повышаться в зависимости от вздорожания жизни. Последнее явление обуславливалось положением промышленности за пределами Англии. Стоимость производства фабрикатов в Англии скоро так вздорожала, что иностранные потребители, а в особенности потребители в колониях, перестали присылать заказы. Эти покупатели скоро убедились, что другие страны, в том числе и Германия, могут заменить Англию. Промышленным конкурентом Англии помогал также низкий курс. Между тем в Англии рабочие продолжали требовать увеличения заработной платы даже после того, как выяснилось, что промышленность падает. Под угрозой стачки предприниматели уступили. И, в конце концов, производство так вздорожало, что уже покупателей не стало. Тогда фабрики и заводы начали замирать. В результате — безработица. Так объяснял английский экономист*). Официальный документ, выпущенный еще в октябре 1920

*) »Unemployment«, »Times«, February 21, 1921.

года, предвидит безработицу и дает картину постепенно замирающей промышленности. «Во многих отраслях промышленности, — читаем мы в этом документе, — безработица стремительно нарастает вследствие сокращения вывоза, высокой стоимости производства и непрерывного нарастания заработной платы. Пришлось отказаться от некоторых заказов, так как фабриканты не могут предвидеть, во что им обойдется производство. Вздорожание стоимости производства отозвалось и на внутреннем рынке. Сапожные фабрики, например, в Нортхэмптоне выпускают товар по такой цене, что он лежит. Наблюдается явление, которое здесь называется «стачкой потребителей». Рабочие заняты только 11—15 часов в неделю. В Южном Валлисе положение дел очень мрачно». Затем следуют сообщения из разных мест Англии. «Большие сталелитейные заводы в Шеффилде рассчитали 1000 рабочих... Мало-по-малу положение дел на заводах, обрабатывающих сталь и железо, ухудшается. Фирмы не в состоянии указывать заказчикам цены, так как заработная плата постепенно нарастает. Заводы не могут также определить срок, когда заказ будет сдан, так как стачки возникают непрерывно. По указанным причинам, например, большая фирма в Шеффилде недавно вынуждена была отказаться от громадного заказа с континента. В другом случае, шеффилдская фирма, при заключении контракта, вынуждена была предупредить, что стоимость машин может быть увеличена, так как рабочие предъявляют новые требования. Сделка вследствие этого не состоялась. Из городов, обрабатывающих шерсть, судя по официальному документу, получаются тоже крайне неутешительные вести. «Перспективы в Брэдфорде очень плохи, — читаем мы,

например. Уж теперь (в конце 1920 года) многие сортировщики шерсти сидят без работы. Фабрики, обрабатывающие шерсть, работают по сокращенному времени. Среди причин явления можно назвать перепроизводство в суконном деле, финансовый кризис в Японии, сильно отразившийся на нескольких фирмах в Брэдфорде, конкуренцию Соединенных Штатов, понижение спроса на внутреннем рынке на сукно, сокращение экспорта, а затем — денежный кризис. Чрезвычайно трудно получить платежи за проданные товары. Покупатели требуют долгосрочных кредитов». Недавно еще все в Брэдфорде спекулировали на сукне. Теперь, — говорит официальный документ, — у всех на руках непроданный товар (об этом явлении я говорил уже выше).

Вот интересное сообщение из Галифакса. Город этот не специализировался на одном какомнибудь производстве, как, например, Шеффилд или Кеттеринг. В Галифаксе, вследствие благоприятных местных условий, широко развиты отрасли промышленности. Теперь интенсивную промышленную жизнь Галифакса «заколодило». «В окнах почти всех фабрик и торговых предприятий видны билетики с надписью: «Рабочие руки не нужны». Фирмы не получают заказов с континента. «Явление это обуславливается как высокими ценами, так и невозможностью определить их точно: вследствие непрерывных новых требований, стоимость фабрикатов возрастает. Все это благоприятно для иностранных конкурентов. Фабриканты и заводчики убеждены, что спрос на галифакские фабрикаты на мировых рынках еще существует. Если фабрики в состоянии будут выпускать товары по более дешевой цене, то галифакские предпринимателям не страшны иностранные конку-

ренты. В настоящее время нет спроса даже на прядево всякого рода. Прядильные фабрики работают лишь 29 часов в неделю».

«Положение дел в Ноттингэме крайне печально, — читаем мы в другом официальном документе. Фабрики, изготовляющие кружева и чулочный товар, остановились. Фабриканты жалуются на иностранную конкуренцию и требуют введения охранительных пошлин». «В Южном Валисе промышленность переживает тяжелый кризис, — читаем мы в сообщении из Кардифа. Во всех портовых городах Валиса, — в Кардифе в особенности, — теперь тысячи безработных матросов торгового флота и доковых рабочих. Надежды на улучшение дел в ближайшем будущем нет. В глубине Валиса дела ухудшаются с каждой неделей. Некоторые сталелитейные заводы и заводы, изготовляющие гальванизированное железо, закрылись. Закрываются также цинковые и медные заводы». «Предприниматели говорят, что рабочие поймут действительное положение дел только тогда, когда весь край будет совершенно разорен. Тогда только они перестанут требовать повышения заработной платы. Для доказательства предприниматели указывают на работы в сухих доках. В течение многих лет Кардиф являлся центром, где чинились суда со всех концов земли. Качество кардифской работы нисколько не ухудшилось. И так как недавно еще в Кардифских сухих доках починка кораблей производилась быстро, то судовладельцы всех стран предпочитали посылать свои пароходы в этот порт Валиса. Теперь судовладельцы, — даже те, капиталы которых вложены в кардифские сухие доки, — предпочитают отправлять свои корабли для починки в Антверпен, Роттердам и даже в Гамбург. И делается

это не потому, что в иностранных сухих доках работа обходится дешевле, а потому, что там она производится вдвое скорее. На континенте рабочие в сухих доках получают высокую заработную плату, как и в Англии, рабочий день и тут и там одинаковый, но на континенте рабочие, в случае надобности, соглашались работать в неурочное время. В Антверпене, например, бельгийцы работают, в случае надобности, 12 часов; таким образом, в две смены, работа идет круглые сутки, днем и ночью. В Южном Валисе рабочие в сухих доках решительно отказываются работать в неурочное время. Таким образом, в сутки работа замирает на 16 часов. И в результате следующее. Корабли отправляются для починки в Антверпен или Гамбург, а в Кардифе, вследствие отсутствия заказов в сухих доках, работают теперь лишь день-два в неделю*).

III.

С 1921 года число безработных в Англии начало быстро нарастать. В январе 1921 года Трэд-юнионы созвали специальный конгресс для борьбы с безработицей. Наиболее крайние элементы заявили на этом конгрессе, что помочь делу может только «социальная революция». Этим сторонникам крови и железа ядовито ответили другие трэд-юнионы. «Некоторые ораторы постоянно извергают огонь и расплавленную серу, — сказал, например, член парламента Томас, но когда наступает борьба, они первые бегут**). Ора-

*) »Trade depression and unemployment«. Документ полностью напечатан в »Daily Telegraph«, October 6, 1920.

***) »Times«, January 28, 1921.

тор имел в виду беспорядки, которыми осенью 1920 года закончилась манифестация безработных в Лондоне. Кто то повел безработных на здания министерства; манифестанты были встречены полисмэнами. Произошла схватка, продолжавшаяся минут 15, не больше. За это время громилы успели разбить ряд витрин в магазинах и захватить драгоценные вещи. Вожди исчезли, как сквозь землю провалились. В своем донесении Ленину по поводу этих беспорядков, перехваченном английской полицией при аресте курьера, г-жа Сильвия Панкхерст сообщила, что английские коммунисты оказались «передовыми трусами» и поэтому не использовали «в высшей степени благоприятного положения». Конгресс трэд-юнионистов требовал, во-первых, немедленного признания Советской России, что, по мнению его, поведет к открытию громадного рынка, а это, в свою очередь, уничтожит безработицу. Пока что, конгресс требовал, чтобы пособие, выдаваемое безработным, увеличилось. Они должны получать не 15 шил. в неделю, а два ф. ст., с прибавлением пособия для детей.

Революционные речи, произнесенные на этом конгрессе немногими делегатами и, как мы видим, осмеянные тут же, явились соблазном для некоторых министров, как Ллойд-Джордж, например. Они желали использовать эти речи, чтобы запугать ими избирателей и поднять кампанию *вообще* против всей рабочей партии. Крайне любопытно, что несостоятельность этой попытки изобразить всех английских рабочих революционерами и разрушителями была выяснена умеренной английской печатью. «В конце концов, вожди рабочей партии и подавляющее большинство последователей их — англичане-патриоты и люди справедливые, — писал, например,

«Times», разбирая боевую речь Ллойд-Джорджа, которую можно суммировать так: «Граждане, социалисты у наших ворот. Помогите мне бороться с рабочими, ибо это борьба с коммунизмом». — Разве не из рядов рабочих вышли в начале войны сотни тысяч добровольцев? Разве не из рабочих составились те силы, которые во время войны усердно работали в тылу для общей цели? Конечно, многие рабочие вожди нуждаются в политическом воспитании; конечно, многие последователи их имеют ошибочное представление о том, что такое свобода; но уж не Ллойд-Джорджу, придумавшему Принкипо и произносившему когда то демагогические речи в Лаймхарзе и в Сити, осуждать рабочих вождей. Не ему обличать их, как врагов истинного либерализма и британской конституции».

Газета дальше дает интересное определение того, что такое действительный либерализм. «Либералом будет не тот, который клянется только Кобденом, Брайтом, Гладстоном и Асквитом. Либерал отнюдь не должен учиться политической экономии у писателей Манчестерской школы и воспринимать социальную этику у Бентама, Милля или у Рикардо. Истинный либерал верит в индивидуальную свободу, но признает, что она ограничена интересами общего блага и долгом. Истинный либерал *не боится никаких перемен в социальной или экономической жизни*, при сохранении условия, что основа свободы останется неприкосновенной. Он не урежет нисколько право каждого гражданина на его долю в общественной жизни, а будет стремиться к уравнению этих долей. Либерал верит, что с заблуждением надо бороться при помощи истины и что убеждение лучше насилия. Сильнее всего истинный либерал верит

в демократию, т. е. в то, что воля большинства решает. Он всемерно против всякой формы тирании и диктаторства, все равно, будут ли у власти монархисты, бюрократы, синдикалисты, коммунисты или другие, стоящие за господство меньшинства» *).

В 1921 и 1922 годах крайние элементы стремились использовать безработицу. Мы видели уже, что конгресс трэд-юнионистов подавляющим большинством голосов высказался против «прямого действия». Тем не менее, коммунисты продолжали рекомендовать безработным именно выступления подобного рода. «В некоторых кругах высказываются крайние взгляды, — писал глубокой осенью 1920 года корреспондент английской газеты, исследовавший настроения безработных в Северном Лондоне. «Этой зимой мы организуем безработных, как класс», — сообщил корреспонденту один из вождей. Беспольны проповеди на тему, что живодер и обдираемый живо, грабитель и ограбленный, раб заработной платы и рабовладелец должны заключить друг друга в объятия. Надо попросту прогнать предпринимателя» **). И зимой 1920 года в некоторых местах Англии безработные попытались «прогнать» предпринимателя. Такие попытки, например, были сделаны в Ковентри. Там мэр созвал митинг для отыскания способа, «как предоставить соответственную заработную плату тем гражданам, которые хотят работать для общества». Митинг, собравшийся в ратуше, был очень многолюден. Предпринимателей явилось очень мало. Большинство присутствующих были чернорабочие. Один из ораторов заявил, что в Ковентри, где

*) *Times*, March 19, 1920.

***) *Daily News*, October 6, 1920.

в нормальное время спрос на «руки» очень велик, теперь 4500 зарегистрированных безработных. На митинге быстро выяснилось, что крайние элементы преобладают. Мэр был оттеснен. Митингом стали руководить другие. И тут же постановлено было сформировать Совет города Ковентри (Coventry Soviet) для достижения «контроля над местной промышленностью».

Приняты были две резолюции. Согласно первой, «Совет приглашает Русскую Торговую Делегацию из Лондона для совместного обсуждения, какие фабрикатy, изготовленные в Ковентри, могут легче всего найти сбыт в России». Согласно второй резолюции, «Совет» от имени безработных захватывает одну фабрику или несколько для производства фабрикатов, необходимых России. Под руководством «Совета» безработные, завладев фабриками, сами изберут директоров и старост»^{*)}).

Безработные ворвались в двери некоторых фабрик, где, под руководством «Совета», произошли митинги. Рабочие на заводах и фабриках, повидимому, сами «честью попросили» Совет удалиться.

В Нориче местный «совет» захватил ратушу во время заседания муниципальных советников и заставил их повысить субсидию для безработных на 3 ш. 4 п. в неделю. Муниципалитет уступил, «чтобы предупредить кровопролитие», как объяснил он.

Крайние элементы овладели было безработным движением в 1922 году, когда они организовали «шествия» из всех городов в Лондоне, чтобы стянуть в столицу возможно больше сил и «воздействовать»

^{*)} «Coventry Communists. Scheme to make Goods for Russia»
«Times», October 5, 1920.

на первого министра. Повидимому, у организаторов не было недостатка в средствах. Английское общество и правительство проявили, несомненно, много выдержки и сдержанности, а также большую отзывчивость к положению безработных. «Накопление сил» обошлось без всяких столкновений. Манифистам помогли и убедили поехать домой. Таким образом, вожди остались без армии.

IV.

Конгресс трэд-юнионистов, собравшийся в самом начале 1921 года для рассмотрения вопроса о безработных, назначил специальную комиссию, которая составила отчет и наметила ряд мер, необходимых для борьбы с безработицей. Этот отчет был принят потом, как программа Рабочей партии.

Отчет рекомендовал следующие меры:

Немедленное возобновление торговли с Россией.

Правительственный кредит фирмам, торгующим с государствами, пострадавшими от войны (т. е., главным образом, фирмам, ведущим торговлю с Россией) и стабилизация курса.

Прекращение военных авантур на востоке и отказ от угнетения Ирландии.

Пособие безработным в размере 2 ф. ст. в неделю на мужа и жену, с прибавлением на каждого ребенка. Одинокие безработные получают 25 шил. в неделю.

Работающие по сокращенному времени тоже получают пособия, но уменьшенное, в зависимости от того, сколько они вырабатывают.

Восьмичасовой рабочий день во всех предприятиях.

Запрещение сверхсрочной работы.

Полезные общественные работы, как, например: прокладывание новых дорог, починка старых колесных и железных дорог, сооружение электрических генераторов, школ и гаваней, лесонахождение, осушение болот и т. д.

Составители отчета протестуют против понижения заработной платы, наблюдаемого во время промышленного кризиса, переживаемого теперь Англией, а также против недостаточного развития народного образования и задержки в сооружении новых жилищ для масс*).

На основании этого отчета Рабочая партия в апреле 1923 года внесла в Парламент билль о помощи безработным, построенный на принципе: «Работа всем желающим или содержание на счет общества». Коммонер Грехам, внося билль, указал, что в настоящее время (27 апреля 1923 года) в Англии 1.300.000 безработных, в том числе миллион мужчин и около 200.000 женщин. Остальные — подростки. Хотя, без сомнения, число безработных значительно уменьшилось в сравнении с тем, что было в 1921 году, но положение дел все еще очень серьезное. «Рабочая партия не думает утверждать, что безработицу можно уничтожить парламентским актом, — продолжал коммонер — но так как законопроект представляет новые права министру труда и муниципалитетам, то отныне с печальным явлением (т. е. с безработицей) можно будет бороться научными методами. При со-

*) »Report of the Joint Committee in Unemployment», 1921. P. p. 48.

ответственной правильной организации на местах такой богатой стране, как Англия, не трудно будет так или иначе поддержать 1.300.000 безработных. Так как Рабочая Партия сознает, что безработица обусловливается состоянием иностранных рынков, то представители трудящихся масс всемерно будут настаивать на установлении правильных торговых сношений с другими странами».

По мнению другого коммонера, рабочего, билль «изгонит бедность из Англии». Критики билля указывали на то, что закон поведет к развитию бюрократизма, к централизации и к закреплению рабочих в определенных округах. Крупный ланкаширский фабрикант, сэр Вильям Сегден, сказал, что в ткацком деле и в сельском хозяйстве совершенно невозможно регулировать административным путем работу так, чтобы уничтожить безработицу. Она исчезнет в зависимости от развития промышленности. Самым лучшим средством для уничтожения безработицы, по мнению коммонера, является отождествление интересов предпринимателей и рабочих — дружеское сотрудничество.

Послышался иронический смех на скамьях, занятых рабочими депутатами.

«Я знаю, о чем говорю, — спокойно продолжал сэр Вильям Сегдон. Во многих отраслях промышленности трэд-юнионы вкладывают свои капиталы в предприятия. В нашем ткацком деле семь восьмидесяти акций находятся в руках трэд-юнионов и отдельных рабочих» *).

Безработица, принявшая столь грозные размеры, вызвала усиленное обсуждение этого явления в пе-

*) Полный парламентский отчет в „Times“. April 28, 1923.

чати. Было указано, что «магистериума» для моментального устранения явления не существует. В то же самое время видные экономисты, являющиеся также и крупными предпринимателями, как, например, Сибом Раунтри, совершенно отрицали фатальный характер промышленных кризисов. Нет такого закона, в силу которого развитие промышленности и промышленные кризисы должны следовать друг за другом. В пределах человеческой возможности, — доказывал Раунтри, — предупредить промышленные кризисы. Что касается безработицы, то Раунтри указывал на следующее. «До сих пор цивилизованный мир никогда еще не пробовал серьезно бороться с безработицей. Ни в одной стране, кроме Англии, даже нет до сих пор правильной и точной статистики по этому вопросу... Великобритания — единственная страна, дающая цифры о безработных, на которые можно полагаться». Раунтри находит, если не «магистериум» от безработицы, то очень действительное средство в так называемом *совладении*, *со-partnership* предпринимателей и рабочих. Это средство было выдвинуто еще перед войной. *Со partnership* означает не участие в прибылях, а долю в предприятии и, конечно, участие в контроле над производством. Развитие какой-нибудь промышленности всегда ведет к повышению заработной платы, — говорит Сибом Раунтри, обсуждая вопрос о безработных. Во время стремительного развития какой-нибудь промышленности, заработная плата иногда так повышается, что может удержаться лишь до тех пор, покуда существует усиленный спрос на фабрики и покуда потребители готовы платить высокие цены. Кризис промышленности и безработицы, как последствия его, становится серьезнее вследствие вы-

сокой заработной платы. Вполне естественно, что рабочие, которые во время развития промышленности получили на свою долю только повышенную заработную плату, не соглашались на понижение ее, когда надвигается кризис. Все это останется без изменения до тех пор, покуда рабочие будут получать на свою долю только заработную плату, — говорит Си-бом Раунтри. Рабочий должен получать во время процветания промышленности нечто большее, чем пакетик с его жалованием каждую неделю. Вполне возможно выработать общую систему участия рабочих в доле. В расцвет промышленности рабочему тогда достанется определенная часть «добавочной прибыли», т. е., того, что остается после покрытия всех расходов и отчисления на расширение производства. Если бы такая система co-partnership была введена, рабочим не пришлось бы бороться за повышение заработной платы в периоды промышленного кризиса. Для сколько нибудь удовлетворительного разрешения вопроса о безработице, «необходимо более тесное сотрудничество между трудом и капиталом, чем то, которое существует теперь, при системе заработной платы», — говорит Раунтри. Автор намечает «несколько основных предварительных условий». Прежде всего, обе стороны, т. е. труд и капитал должны действовать совершенно честно и открыто. Дело должно идти «на чистоту», так, чтобы у рабочих и основания не было бы подозревать хитрость со стороны хозяев. Предприниматели должны представить специалистам, уполномоченным рабочими, всякую возможность ознакомиться с финансовым положением предприятия. Таким образом, рабочие будут знать, что условия, принятые ими, именно те самые, которые находятся в зависимости от состояния

промышленности. Во вторых, труд должен получить свою долю в предприятии по праву, а не из любезности капитала.

Повидимому, после войны произошел огромный сдвиг во взглядах многих предпринимателей. Об этом можно судить, между прочим, по «манифесту», выпущенному в конце 1922 года группой манчестерских либералов. Манифест намечает программу «нового либерализма». Вот основные черты этой программы.

Кооперация всех основных факторов промышленности: 1) организаторов ее, 2) труда, 3) капитала, 4) потребителей и 5) общества. Ни одному из этих факторов не должна принадлежать преобладающая, а тем более диктаторская роль, но все вместе имеют справедливую долю в производстве и контроле.

Ограничение прибыли капитала.

Каждая отрасль промышленности поддерживает своих безработных.

Участие рабочих в прибылях и в контроле.

Общество получает свою долю в стремительном развитии промышленности (изменение налога на чрезмерную прибыль, введенного во время войны).

Национализация шахт и железных дорог.

Все незаработанное приращение, получаемое вследствие повышения земельной ренты, идет обществу.

Затем в этой программе манчестерских либералов мы находим один пункт, который был предложен Рабочей партией и встречен резкой критикой со стороны консервативной и либеральной печати: я говорю об единовременном сборе с капитала, о » Lewy on Ca-

pital.*) Критики эти указывали, что Мастерман, защищающий в своей интересной книге «The New Liberalism», вышедшей в 1920 г., единовременное обложение капитала, рассуждает, как теоретик, не имеющий никакого представления о действительном положении дел. Критики указывали, что «Lewy on Capital» не только губительно отразится на английской промышленности, но невозможен по практическим причинам.

Манчестерские либералы принимают единовременный 10% сбор с капитала, больше чем в 3.000 ф. ст., чтобы таким образом погасить половину национального долга, достигающего 8.000.000.000 ф. ст.

Мы видели, что после войны в Англии произошел огромный сдвиг во взглядах на основные вопросы промышленности. Необходимость решительных преобразований признается многими, но только незначительное меньшинство отстаивает «прямое действие» для достижения необходимых перемен. Подавляющее большинство англичан, и Рабочая партия в том числе, убеждены, что только Парламент в состоянии разрешить без кровопролития сложные и трудные вопросы.

Конечно, прогноз в области политики крайне рискован, но, повидимому, Англия в 1923 году уже миновала наиболее опасные подводные камни, к которым она устремилась после великой войны.

*) Гибельные последствия для английской промышленности в случае, если «Lewy on Capital» будет принят, указывал, между прочим, Пэн. „Times“, April 27, 1923.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

I.

Было время, когда для английских ученых и беллетристов все на свете представлялось ясным, точным, определенным. Закон эволюции медленно, но неукоснительно превращает нашу планету, если не в самый лучший из миров, то во всяком случае, в »next best«, — говорили ученые викторианской эпохи. «По моему, счастье в жизни решительно преобладает, хотя этот пункт трудно было бы доказать, — писал Дарвин. Допустив справедливость этого заключения, мы найдем, что оно гармонирует вполне с результатами естественного подбора. Страдай все индивидуумы какого-нибудь вида постоянно, они пренебрегли бы размножением. У нас нет никакого основания предполагать, что это явление (пренебрежение размножением) бывает, или, во всяком случае, что оно бывает часто. Много соображений приводят нас к заключению, что все чувствующие существа созданы для того, чтобы испытывать счастье». Конечно, никто не станет оспаривать, что в мире существует много страданий, — спешит оговориться Дарвин *). И существование страдания и зла привело Дарвина впоследствии к отрицанию в мире разумного, направляющего начала. Оптимизм Дарвина

*) »Life and Letters of Charles Darwin«, vol. I, p. 310

был так велик, что хотя знаменитый ученый очень любил романы, но выносил только такие, которые хорошо кончаются. «Ему доставляли наслаждение только такие произведения, которые кончались хорошо, — пишет Фрэнсис Дарвин о своем отце. Вот почему он недостаточно ценил Джорджа Эллиот, хотя очень любил ее роман »Silax Marner« *). Зато произведения с «хорошим концом» читал и перечитывал. «Я люблю все романы, — добродушно признается Дарвин, — если они хоть относительно написаны хорошо и если в них нет несчастного конца. Надо было бы прямо издать закон, запрещающий автору кончать трагически свое произведение, — шутит Дарвин. По моему, в каждом хорошем произведении должно быть хоть одно симпатичное лицо, а если это хорошенькая женщина, то тем лучше» **).

Возьму самого сурового из плеяды ученых «Викторианской эпохи» — Гексли, применившего закон борьбы за существование к социологии так, как не делал этого сам Дарвин. Гексли констатирует явление «поножовщины» в природе, но выводы его не проникнуты мрачным пессимизмом. «Быть может, наша земля — не лучший из миров, но сказать, что она — самый худший, — значит утверждать грубую бессмыслицу, — писал Гексли. Истаскавшийся сладострастник, быть может, найдет, что под луной нет ничего хорошего. Возможно также, что никому ненужный, неопытный юноша, не могущий достать луну, до которой он тянется, выльет свое раздражение в пессимистических жалобах; но, без сомнения,

*) *ib.* p. 124

***) *ib.* p. 101

каждый мыслящий человек признает следующее. Человечество, несомненно, продолжало бы свое существование, даже если бы ему на долю выпало неизмеримо меньше счастья и в десять раз больше несчастий, чем достается теперь 90 % населения». Гексли строит такое предположение. Представим себе, что на долю всех живущих выпало бы страдать час в сутки невралгией или полным умственным переутомлением. Бремя жизни стало бы неизмеримо тяжелее, хотя колесо ее продолжало бы вертеться. Люди, достойные названия мужчины, находят жизнь ценной при самых тяжелых условиях. Какой же вывод из всего этого? «Если мир не принадлежит исключительно Ормузду, то он еще меньше представляет собственность Аримана» *).

Английские беллетристы Викторианской эпохи твердо были убеждены, что мир, а в особенности английский, устроен совсем недурно. Правда, существует на свете нищета, затем — мошенники, порочные люди и даже злодеи; но есть и добрые люди, помогающие несчастным. Что же касается порочных людей, то их можно выдернуть, как крапиву из грядки. Если этого не делает «Направляющий Разум», карающий порок, то существует ведь и длинная, тяжелая рука закона. В ранние годы Викторианской эпохи установились в Англии даже шаблоны для положительных типов, которым следовали и очень талантливые беллетристы. Эти шаблоны установил, в особенности, Диккенс. Он был так талантлив, что не только иностранцы, но и сами англичане уверовали в реальность всех этих Агнесс, Бэлл, благожелательных мусорщиков и миллионе-

*) *T. H. Huxley. »Collected Essays«, vol. IX, p. 199.*

ров и великолепного, хотя совершенно фантастического мистера Пиквика. Неприятные и грязные явления в жизни принято было замалчивать. И так шло почти вплоть до великой войны. О проституции, например, «не принято» было совершенно говорить. В десятом издании Британской Энциклопедии, вышедшем в конце XIX века, нет статьи «Проституция». Внебрачное увлечение трактовалось в английской литературе, как совершенно исключительное преступление, искупаемое смертью или раскаянием на всю жизнь (пусть читатель вспомнит Марту и «Маленькую Эмилию» в «Давиде Копперфильде»). В номере «Таймса», который лежит передо мною, я вижу любопытную передовую статью. Газета радуется: «заговор молчания, наконец, нарушен», так что английская печать решилась заговорить о дурной болезни *).

Правда, даже в годы наибольшего оптимизма раздавались в английской литературе голоса пессимистов. Знаменитый ученый, например, напавший одновременно с Дарвином на мысль о существовании естественного подбора, писал: «Преодоление сил природы повлекло за собою быстрое возрастание народонаселения и значительное накопление богатства, что, в свою очередь, имело следствием такое усиление бедности, порока и поощрение стольких гнусных чувств и лютых страстей, что еще вопрос, не понизился ли вообще умственный и нравственный уровень нашего населения, и не принесло ли это движение более зла, нежели добра. В сравнении с нашим удивительным прогрессом в физике и в ее практических применениях, английская общественная

*) »An Avoidable Plague«, „Times“, June 9, 1923.

и нравственная организация остается в состоянии варварства» *). В семидесятых годах XIX века появилась в Англии одна из самых мрачных и страшных поэм в мировой литературе: »The City of Dreadful Nighth« Томсона. В этой поэме (собственно говоря, это целая книга) «неведомый странник» приносит человечеству, бродящему без цели в черной мгле **), «радостную весть», что есть смерть, с которой все страдания кончаются, ибо бессмертия нет (о Томсоне см. мою книгу «Рефлексы действительности», стр. 7—44).

Пессимисты были, но их не слушали. В самом начале XX века явился талантливый писатель, глумившийся над идеалами «Викторианской эпохи», развенчивавший их.

Писатель этот был очень остроумен и имел колоссальный успех. Его ядовитый сарказм вызывал неудержимый смех. Респектабельная публика находила, что всякий, одержавший победу в жизни, имеет право на »hobby« (причуду), хотя бы это »hobby« состояло в насмешках над всем установленным. Я говорю о Бернарде Шоу. Неизвестный писатель должен говорить то, что нравится всем, — существовал тогда неформулированный закон у всех англий-

* А. Уоллэс. «Малайский Архипелаг». См. Дюноэ, «Рефлексы действительности», Москва, 1910, стр. 254.

**) «Как в некрополисе, где на тысячу мертвецов приходится один живой, оплакивающий кого-нибудь, в городе страшной ночи тоже изредка мелькают живые люди. Они кажутся глухими и немыми, а выражение их лиц подобно трагической маске, высеченной из камня. Они или бродят, тяжело ступая, подавленные своею участью, или, в продолжении долгих бессонных часов, низко опустив головы, сидят в отчаянии». («The City of Dreadful Nighth»).

ских писателей. Пусть писатель добьется известности и тогда он может говорить о чем хочет. Коллективная посредственность беспощадна к неизвестным и преклоняется перед именами. То, что она осуждает, как безнравственное, в книге молодого писателя, коллективная посредственность выслушает, если встретит у знаменитости. Самая смелая, эксцентричная и «шокирующая» мысль, если она сказана знаменитостью, превращается в глазах коллективной посредственности в «hobby», в причуду.

II.

После великой войны в английской науке не произошло, если можно выразиться так, изменения основного тона. Преобладающим мотивом все еще является спокойный оптимизм и вера в эволюцию. Обуславливается это, конечно, еще тем, что самые знаменитые ученые определились вполне задолго до войны. Я остановлюсь лишь на самом крупном английском ученом, к сожалению, совершенно неизвестном русским, — на сэре Джемс Фрэйзере.

Перед нами самый крупный и оригинальный социолог нашего времени, давно сравнившийся со Спенсером и, вероятно, превзошедший его. При знакомстве с работами Фрэйзера нас, прежде всего, поражает изумительная «работоемкость» знаменитого социолога, которому уже под семьдесят. В самом деле, самый капитальный труд его «The Golden Bough» *)

*) Название это — «Золотая ветвь» — обуславливается тем, что исходным пунктом социолога является миф о Золотой Ветке, упомянутый у Вергилия.

заключает в себе девять больших томов: «Магическое искусство и эволюция царской власти» (два тома), «Табу и опасность души», «Умирающий бог», «Адонис, Аттис и Озирис», «Духи хлебного поля и пустыни» (два тома), «Козел отпущения» и «Бальдер Прекрасный». Затем мы имеем четыре больших тома о «Тотемизме и экзогамии». Фрэйзер работает теперь над огромным трудом «Генезис веры в бессмертие». Покуда появился только первый том. Всего Фрэйзер выпустил в свет девятнадцать больших томов. Каждая книга поражает читателя совершенно исключительной эрудицией. Сохранились циклопические постройки, поражающие своими размерами, хотя из них веками таскали камни для сооружения целых городов. Такой циклопической постройкой являются труды Фрэйзера, из которых, вероятно, несколько поколений социологов и публицистов будут черпать материалы для своих книг и статей. Эрудиция автора так велика, он дает такую массу остроумных гипотез для объяснения происхождения самых основ человеческого общества, что читатель чувствует себя затерявшимся, как в гигантском Карнакском храме в Верхнем Египте. Нет, кажется, ни одного мифа, ни одного поверья или обычая, которые не были бы известны социологу и не были бы им объяснены.

О чем же говорит сэр Джеймс Фрэйзер в своих книгах, являющихся самым интересным продуктом английской мысли в XX веке? Жорж Сорель как-то развивал мысль, что «человечество живет мифами». Во время народных потрясений мифы создаются даже на наших глазах. Через поколение основная выдумка обростает новыми сказаниями, как пеня срубленного дерева грибами. И тогда бывает уже

чрезвычайно трудно добраться до реального основания. Начиная с XVIII века, мы имеем ряд попыток рационального толкования мифов. Энциклопедисты предложили очень примитивные и крайне наивные гипотезы. В основе каждого мифа лежит какой-нибудь забытый исторический факт, — говорит, например, Вольтер. Возьмем миф о Юпитере, поражающем громами титанов. В основе его, утверждает Вольтер, лежит, вероятно, усмирение каким-нибудь древним царем великого мятежа. Зевс, проникающий к Данае в виде золотого дождя, означает, просто, что некто при помощи большой взятки проник к дочери царя Аквития и т. д.

В XIX веке были предложены две знаменитые гипотезы для объяснения мифов. Одна гипотеза предложена Максом Мюллером. Каждый миф рассматривается, как результат многоименности и соименности первобытных языков. Так как предметы назывались по случайным признакам, — говорит знаменитый санскритолог, — один и тот же предмет мог иметь много названий, а, с другой стороны, то же название могло принадлежать многим предметам. Многие из этих названий были метафорическими; когда метафоры, с течением времени, затемнялись и изменялось первоначальное значение слов, то в результате нарицательные слова делались собственными, — например, слово, означавшее «небо», превращалось в имя небесного божества. С этого начинался миф. Мифология, таким образом, по Максиму Мюллеру, является просто болезненным состоянием языка.

Как известно, гипотеза Макса Мюллера, оставленная теперь, имела колоссальный успех, в особенности в России. Мы, вообще, часто открываем «великие теории», оставленные уже на Западе. В настоя-

щий момент, например, в России, как последнее слово, провозглашается теория Вильгельма Гумбольдта о языке (в интерпретации покойного проф. Потебни), оставленная уже наукой. Теория эта, как известно, сводится к следующему. Язык человека и его умственная жизнь — одно и то же. Что находится в умственной жизни человека, то выражается его языком: чего нет в его языке, того нет в его умственной жизни. Вся звуковая деятельность органов человеческой речи тождественна с его мышлением. Индивидуальность и язык народа совершенно совпадают. Человек уже рождается способным мыслить только посредством того языка, который тождествен с его индивидуальностью

Вторая гипотеза для объяснения происхождения мифов принадлежит Герберту Спенсеру. В основе ее, имеющей много точек соприкосновения с теорией Макса Мюллера, лежит обожествление человека. Дикари дают детям имена, как «Рассвет», «Солнце», «Месяц» и т. д. Если впоследствии «Месяц» или «Рассвет» прославляются после смерти их, настоящий месяц и настоящий рассвет будут смешаны с людьми, носившими подобные названия. Потомки героя «Месяца» и героя «Рассвета» будут считать своими предками планету и рассвет и т. д. Гипотеза Спенсера, имевшая громадный успех, представляет серьезные дефекты.

И вот является Фрэйзер со своей гипотезой. Все мифы порождены магией, т. е. шаманизмом, при помощи которого первобытные народы хотели добиться лучшего урожая или более успешной охоты. Все мифы о богах и о страдающем божестве имеют в основе посев, умирание зерна и возрождение его. Мысль человека работала всегда интенсивно, хотя

нам теперь метод мышления дикаря может показаться смешным, как будут, без сомнения, смешны далеким потомкам наши «научные» магистерииумы для объяснения всех явлений в прошлом, настоящем и даже будущем (например, теория исторического материализма). Человечество всегда чтило юность и порыв. Фрейзер находит это, анализируя мифы, кажущиеся нам грубыми и жестокими. Приведу только один пример. В »Golden Bough« Фрэйзер рассматривает обычай, широко распространенный на земле. Мы его находим и в древней Греции, и в Мексике во время пришествия испанцев, и у кафров. Обычай этот, часто жестокий до чрезвычайности, основан на преклонении рядового обывателя перед юностью и перед духом дерзания, свойственным ей. Рядовой обыватель знает, что он не способен на дерзания, но тем не менее преклоняется перед юностью, готовой на устремление вперед к новым достижениям. И вот на этой почве выросло преклонение перед *молодым* богом, полным юношеских сил и смелых дерзаний. Народ выбирал себе как бога юношу, преклонялся перед ним. Но так как старость приносит с собою ослабление духа, то народ разных широт не желал допустить, чтобы их бог, бог-юноша, одряхлел. Отсюда происходит обычай, существующий в разных странах. Бога-юношу держали в необыкновенном почете; но как только он достигал известного возраста, его убивали, иногда мучительной смертью. Кожа убитого бога набрасывалась на другого юношу, который в свою очередь становился богом. «Они берут пленного, — рассказывает иезуит Акоста про ацтеков, — и дают ему имя идола. Молодого человека покрывают драгоценностями, висящими на идоле. И покуда юноша олицетворяет Бога, перед ним пре-

клоняются, как перед идолом. Когда он проходит по улицам, народ выбегает, чтобы поклониться ему. Когда же приходит время, бога убивают и торжественно съедают»^{*}).

Мы имеем тут начало многих догматов, переродившихся в других культах и принявших мистический характер.

Самые жестокие обряды существовали при убийстве человека, олицетворявшего мексиканского бога Кетуцалькоатла. И между тем, судя по показаниям испанских миссионеров XVI века, именно эти обряды сопровождались проповедью самых высоких добродетелей. Убийство происходило в марте. «Верховный жрец произносил проповедь, в которой необыкновенно красноречиво распространялся о бренности человеческого существования, о страданиях, связанных с ним, и убеждал верующих быть добродетельными. Особенно рекомендовались жрецом скромность, почтительность к старшим, смирение, повиновение долгу, милосердие к бедным и к странникам. Жрец настоятельно уговаривал прихожан избегать таких тяжких грехов, как воровство, блуд, прелюбодеяние и корыстолюбие. Возбужденный собственным красноречием, жрец плакал, умоляя верующих избегать зла и идти навстречу добру. Он набрасывал ужасную картину, изображающую участь нечестивых и манил блаженством, уготованным для добрых»^{**}). И после всего этого бога предавали мучительной смерти и съедали его тело.

Легенды о страдающем боге, преданном мучи-

^{*}) J. B. Frazer, »The Golden Bough«. »The Scapegoat« P. p. 275—276.

^{**}) ib., p. 290.

тельной смерти ранней весной, мы находим под разными широтами. Съедание бога превратилось потом в символ. И всюду, где мы находим легенды о таком страдающем боге, мы видим, что он предан смерти, когда кончился период его молодости, приблизительно в тридцать три года. Еще со времени Данте тридцать лет считалось

nel mezzo del cammin di nostra vita,

т. е. «близко к половине нашей жизни», или поворотом к старости. Итак, — говорит Фрэйзер, с незапамятных времен, у рядового обывателя, не способного к дерзанию, было благоволение к юности, полной смелых порывов. Он, трепетавший пред смертью, чтит, как бога, юность, не думающую про конец. И этот рядовой обыватель убивал своего бога в молодых годах, прежде чем у того пробудился страх к смерти.

Исследованию мифов о страдающем и умирающем боге Фрэйзер посвятил особый том. Социолог показывает, каким образом мифы и суеверья, кажущиеся нам грубыми и нелепыми, в свое время имели такое же важное значение, как теперь всякая *working theory*. Социолог очень высоко ставит историческое значение суеверия и шаманизма. Они кажутся нам грубыми, но в свое время и у некоторых народов повели к укреплению власти и, таким образом, содействовали установлению гражданского порядка.

«Шаманизм и суеверие, имевшие в основе умирание и возрождение зерна, у некоторых рас содействовали укреплению принципа собственности, т. е. увеличению интересов к жизни и радости ее. Шаманизм и суеверие у некоторых рас содействовали

укреплению уважения к браку и, таким образом, повысили половую нравственность. У некоторых рас и в определенное время шаманизм и суеверие укрепили уважение к человеческой личности и, таким образом, придали большую прелесть жизни»^{*)}).

Ни одно сколько нибудь серьезное изучение современного общества не может обойтись без исследования тех устоев, на которых вообще общество держится. После войны, никто не сделал так много для изучения всех корней общественности, как Фрэйзер, представляющий собою теперь «мамонта», оставшегося от более ранней эпохи.

III.

«Оставшимся мамонтом», зашедшим в послевоенный период, является знаменитый беллетрист и поэт Томас Гарди. Он и Джордж Мередит, скончавшийся лет 15 назад, представляли собою самых крупных писателей другой литературной эпохи, кажущейся нам теперь такой же отдаленной, как и ледниковый период. Томас Гарди очень мало известен в России. В Англии он был замечен еще в начале семидесятых годов, но оценен вполне гораздо позже, уже в двадцатом веке. Его первые романы «Desperate Remedies», «Under the Green Wood Tree», вышедшие в 1871—1873 годах и отличавшиеся свойственной романисту иронией и силой описаний, не были замечены критикой. О следующем романе «Moderne Love» Свинберн отозвался очень пренебрежительно и одновременно этот талантливый поэт и кри-

^{*)} J. G. Frazer, «Psyches Task», p. 154. London. 1913.

тик восторженно приветствовал первые главы романа »Far from the Madding Crowd«, появившегося без подписи в журнале »Cornhill«. Критик приписал роман Джордж Элиот, находившейся тогда на вершине литературной славы. В действительности, произведение принадлежало Томасу Гарди. В самом конце XIX века в Англии начали появляться беллетристы (самый крупный и самый известный из них в России — Уэльс), отстаивавшие одно мировоззрение. В мире действует закон эволюции, которому человек может содействовать, как равный участник. Оба они, т. е. закон эволюции и человек, — утверждает Уэльс, — могут дружными усилиями создать идеальный мир, т. е. ту самую новую Утопию, которую романист не раз пробовал изображать то как беллетрист, то как публицист («Anticipations» напр.), Томас Гарди во всех своих произведениях предупреждает нас не слишком полагаться на значение человека. Мы — пешки в руках неведомой Воли, — говорит романист. И эта Воля не имеет даже определенной цели, как суровое начало Шопенгауэра, стремящееся к поддержанию вида, которому жертвует интересы индивидуума. Произведения Томаса Гарди, поэтому, проникнуты трагизмом. Этим, конечно, обуславливается то, что романист был оценен вполне не в проникнутую оптимизмом Викторианскую эпоху, а значительно позже.

Перед войной уже вполне определился ряд беллетристов, выступивших с новым для Англии словом: с трактованием любви не по шаблону, как в Викторианскую эпоху. Таковы Уэльс, Голсуорти, Арнольд Беннет и др. Но «новое слово» это определилось только после войны. Целый ряд беллетристов стремится доказать, что английской литерату-

ре недостает «смелости». Смелым же произведением, по мнению этих беллетристов, может быть только такое, в котором свободно трактуется «вопрос пола». «Передовая» английская критика восторженно приветствовала «Санина», перевод которого появился в 1917 году, прежде всего, как смелое произведение. В рассказе Чехова «Моя Жизнь», Клеопатра, запуганная и подавленная до 26 лет отцом, наконец «протестует». Она хочет быть «смелой» и наряжается «светски» и «богато» так, как никогда не делала этого. Выходит все «некстати», «манерно» и «странно». То же самое впечатление получается при чтении английских романов послевоенного периода, авторы которых желают быть «смелыми». В частности это относится к романам Д. Лоренса («Sons and Lovers» и «The Rainbow» и др.), про которых русские рецензенты, пишущие о нем, повидимому, знают только по наслышке. Лоренс, вероятно, глубоко убежден, что именно эротизм представляет ту смелость, которую ищут все беллетристы, т. е. необходимый элемент действительно оригинального произведения. Будь это так, то самая эротическая литература могла бы претендовать на титул самой смелой литературы. Возьмем литературу, в которой эротический элемент выражен полнее всего, ярче всего и откровеннее всего: литературу арабскую. Каждый, сколько нибудь знакомый с нею, может набросать такую схему, которую найдет потом в аналогичной литературе всех стран: а) эротизм наивности, б) эротизм ради смеха, в) эротизм, как возбуждающее средство для притупленных нервов. Ни в одной литературе нет такой «откровенности», как в арабской.

Наивный эротизм мы видим только в самых ранних арабских произведениях. Затем он исчезает. По-

являются произведения, в которых юмор построен на анатомических подробностях. Классическим примером может служить вступление к сказке о «Носильщике и четырех девушках», в полном переводе «1001 ночи»^{*)}).

Третий фазис, т. е. тот, когда эротизм превратился в «афродизиатическое» средство, наступил в арабской литературе, приблизительно, в XIV веке. Явились такие «смелые» произведения, которые немислимы нигде; из них нормальный человек не в состоянии пробежать больше 1—2 страниц. Они переводятся только для «любителей». Таков, например, трактат «Душистый сад» шейха Нефзауи. Только что намеченную схему, как я сказал, можно усмотреть также в европейской эротической литературе. Самой типичной в данном случае будет итальянская. Наивный эротизм надо искать в старых народных сказках. От XIII до XVI века выступает целый ряд скабрёзных рассказчиков «ради смеха». Таковы Франческо ди Барберино, Сакетти, Джованни Fiorentино, Масукко, Антонио Корнаццано, Бреввио, Матео Банделло, Франческо Мольца, Аньоло Фиренцуола и др. Появляются те скабрёзные рассказы, которые, под названием «фаблио», «фацетий» и т. д., обошли литературу всех стран, переделывались тысячу раз и вошли в специальную «холостую», «устную», «семинарскую» литературу. Рассказчик «мужского» анекдота и не подозревает, что он передает измененную тысячу раз новеллу Масукко или Бреввио. В XVIII веке в Италии эта литература превращается в старческую похабщину. Таковы, например,

^{*)} «Le Livre des Mille et une Nuit». Traduction littérale par le Dr. J. C. Mardrus, vol, p. 102—103.

произведения аббата Касти, «венетцианского патриция» Баффо, Доменико Батачи и др. В эпоху Возрождения был момент, когда очень талантливые итальянские писатели использовали эротизм не как самоцель, а как щит для прикрытия действительно смелой мысли. Так поступал, например, Боккачио. Десятые сказки каждого дня, даже наиболее фривольные из них, как, например, десятая сказка третьего дня *), прикрывают иногда глубокую мысль, не имеющую ничего общего с эротизмом. Но даже как побочное средство, эротизм вообще не годился, так как затушевывал совершенно основную мысль. Из писателей всех стран, кажется, только Раблэ, а потом Вольтеру удалось использовать эротизм для прикрытия смелых и оригинальных мыслей **). Восемнадцатый век, если не считать Вольтера, видел по преимуществу, третий фазис эротической литературы: — старческую скабрёзность. Это относится не только к воспоминаниям Казановы, написанным, когда автору было семьдесят лет, и к романам Ретиф-де-ла Бретоннь, но, к сожалению, и к беллетристическим произведениям Дидро, за исключением «Племянника Рамо». В XIX веке потребовалось найти оправдательный мотив для введения эротики в литературу. Авторы выдвинули три мотива: 1) мы желаем показать нравы; не наша вина, если общество таково; 2) мы желаем показать, как развращен и сгнил тот класс, на смену которого идет здоровый и сильный пролетариат; 3) мы разрешаем величайший вопрос, — единственный вопрос, стоящий пе-

*) «Albech divienne romita, a cui Rustico monaco insegan rimettere il diavolo in inferno».

**) См., напр., сказку Вольтера «Кривой Носильщик».

ред беллетристами, уверяет Лоренс, — «вопрос пола».

Относительно первого мотива надо сказать, что самым неверным источником для изучения нравов являются такие произведения, как Казанова или Ретиф-де-ла Бретоннь. Большинство «подвигов», описанных там, или физиологически невозможны, или несовместимы с человеческой природой, например, скабрёзная сцена, происходящая, когда дама глядит из окна на мучительную казнь Дамиана *), причем воздух наполнен ужасными криками несчастного, которого палачи рвут клещами на куски. Это — не «картина нравов», а просто игра старческого распутного воображения. Что касается второго мотива, — его выставили Мирбо в «Записках Горничной» и Маргерит в романе «Garçonne», напечатавшем в 1923 году, — то мы не знаем классов, состоящих в гражданском отношении только из одних Катонов или из одних Терситов. Не знаем мы также классов, состоящих только из одних распутников или из одних лиц, достойных получать премию за целомудрие, как герой забавного рассказа Гюи де Мопассана «Le Rosier de Madame Husson».

Парламентские отчеты о правах рабочих классов в гончарном районе Англии (Patteries) могут явиться иллюстрацией к высказанному положению. Если к скабрёжности нельзя пристегнуть политическую доктрину, то еще меньше можно присоединить к ней философскую теорию. Никаких «философских» вопросов эротическая литература разрешить не может, потому что в половом вопросе, как указал

*) Дамиан покушался на Людовика XV.

уже давно Шопенгауер, природа уравнила Перикла с троглодитом, Гипатию с птичницей и Марка Аврелия с его конюхом. Тут нечего «разрешать». Трактование этого вопроса сводится к мутному водообильному потоку туманных слов.

Искусство в литературе есть: умение сильно чувствовать, ясно сознавать чувствуемое, глубоко верить в то, что чувствуемое важно для других и способность передавать чувствуемое так изобразительно и так убедительно, чтобы заражать читателя. Эта формула подразумевает в авторе *искренность* и веру. Отсюда вытекает ясность и точность. Автор, полагающий, что знает истину и считающий ее важной для других, постарается подобрать наиболее выпуклые и наиболее ясные слова, чтобы возможно точнее передать свою мысль. Надо ведь воздействовать на головной мозг читателя. Ничего этого не надо эротическому писателю, обращающемуся к спинному мозгу читателя. В манере эротического описания нет не только «смелости», но и нет также и искусства. Есть только *техника, ремесло*.

Просмотрев внимательно «смелые» сцены у Маргерита или у Лоренса, — я уже не говорю про сцены у Казановы или у Ретиф-де-ла Бретоннь, — мы придем к заключению, что это не искусство, а «ремесло», выполненное по известному правилу. Надо только перечислять; все остальное дополнит воображение читателя. Эротизм в литературе не есть «смелость», без которой невозможно ни одно сильное произведение; это «техника», которою пользуются или душевно-больные писатели (в состоянии *параной* и, например, больные, сохраняющие все свои умственные способности, склонны к скабрёзности) или старики, как Казанова, Ретиф-де-ла Бретоннь,

Маргерит, или сознательные литературные барышники. Я не говорю о тех произведениях, в которых скабресный элемент введен для какой-нибудь побочной причины, например, чтобы подразнить тупую, самодовольную, лицемерную и глупую коллективную посредственность, как это делает Байрон в шестой песне «Дон Жуана».

Все сказанное всецело относится к романам Лоренса, столь восхваляемым теперь континентальными рецензентами, повидимому, знакомыми с этим писателем из вторых рук. Но произведения Лоренса, не имея абсолютной литературной ценности, крайне показательны. Очевидно, какой то гигантский оползень произошел во взглядах английских читателей после войны, если такие произведения, как »Rainbow« и »Sons and Lovers« не только усиленно читаются, но почитаются, как «манифесты» *).

*) После войны английские литераторы подняли старый для нас, русских, но ужасно смелый для них вопрос об освобождении плоти. В своей книге, устанавливающей «новую религию» с новым Богом, Уэльс отмечает, что «последние двести или триста лет явилось стремление выделить идею о Боге из комплекса сексуальных мыслей и чувствований». Автор рассказывает, как «в ранние века религии оба представления, т. е. чувственное и сверхчувственное, были тесно сплетены вместе». «Пророки постоянно возглащают про тот гнев, с которым божество встречает каждую маленькую неправильность в сексуальном табу». Основатель мирового культа был крайне снисходителен к грешницам. «В наше время служители культа играют роль фарисеев Нового Завета, — говорит Уэльс. Можно ли, в самом деле представить себе священника, ведущего дружескую беседу, как с равной, с Магдалиной... если только она не принадлежит к высшему обществу», иронизирует английский писатель («God the invisible King», p. p. 50—54.

IV.

Английская литература всегда высоко ценила фантастические произведения. Обусловливалось это не только тем, что в Англии тоже признают правильность спорной мысли, пластически выраженной Шиллером:

Nur der Irrthum ist das Leben,
Und das Wissen ist der Tod,

т. е. «Только заблуждение — жизнь, а знание — смерть» *).

Английских великих писателей соблазняло, главным образом, то, что мощному воображению не заказаны пути ни в наш дольный мир, ни в мир, где все соткано из лунных лучей и переливов северного сияния. Русские читатели хорошо знают фантастические произведения Уэльса и, вероятно, слышали про чудесное произведение Барри »Peter Pan«, несколько лет не сходящее со сцены и дававшееся из вечера в вечер. Кажется, русским читателям, да вообще читателям на континенте, совершенно неизвестен замечательный писатель, определившийся после войны и всецело пребывающий в мире фантазии. Я говорю о лорде Денсени (Lord Dunsany). Писатель этот создал себе совершенно особый мир, имеющий свою логику. За фантастическими переливами красок скрывается стройная, очень печальная философия. И в этом отношении, произведения лорда Денсени тоже крайне показательны для послевоенного периода, когда так много развалин... Лорд Денсени написал очень много фантастических про-

*) «Кассандра».

изведений *). Первое произведение Денсени »The Gods of Pegana« переносит нас в особый мир, лежащий где то «в Серединном море, воды которого, не связанные никакими берегами, не бороздятся кораблями». Главным богом там является Мана-Юд-Сунан. Он сотворил меньших богов и затем опочил, убаюканный ко сну Скарлом, сидящим у ног Мана и бьющим в барабан. «Иные утверждают, что миры и солнца являются только эхом, порожденным ударами в барабан Скарла, тогда как другие полагают, что планеты — сновидения Мана, порожденные звуками барабана... Таким же образом грезит человек, сон которого потревожен песней». «Покуда Скарл бьет в барабан, Мана будет спать, боги будут выполнять по прежнему свое таинственное назначение, а миры будут существовать. Но когда рука Скарла устанет, наступит молчание, которое поразит богов Пеганы, как громовой удар в пещере. Мана пробудится, и тогда наступит конец всему». «Возможно, что народятся новые боги, которым станет служить Скарл, но может случиться, что погибнет и Скарл. Ему гибель не страшна, ибо Скарл выполнит свое предназначение».

Повидимому, лорд Денсени того мнения, что теперь именно наступает период, если уже он не наступил, когда «Скарл» перестанет бить в барабан. «Пегана» населена бесчисленным множеством второстепенных богов, созданных Мана. Таковы Киб,

*) »The Gods of Pegana«, »Time and the Gods«, »The Sword of Welleran«, »The Book of Wonder«, »A Dramer's Tales of Wonder«, и т. д. Лорд Денсени — ирландец по происхождению, но все его произведения написаны по английски и напечатаны в Лондоне. Если не ошибаюсь, ни одно из этих произведений не переведено еще.

«приносящий всем мирам жизнь», Мунг — «повелитель смерти во всех странах между Пеганой и Рамом»; таковы «разрушитель часов Сиш и Слайд», «душа которого живет у моря». Когда Мана, творивший миры, временно опочил, «по середине времени», — Киб, Рам и Сиш сказали: «создадим сами, чтобы развлечься, миры... Создадим миры, и Жизнь, и Смерть, и краски в небесах. Не надо только нарушать молчание в Пегане». Миры и солнца сперва имели одного обитателя, который должен был вечно искать и никогда не находить цели, зачем боги создали все. Этот единственный обитатель — комета, «сверкающая и длиннохвостая». Затем явился Страж, Месяц, бледное лицо которого изборождено тысячами морщин от огорчения, порожденного необходимостью видеть проказы меньших богов. Наконец, боги сказали: «Создадим кого-нибудь, который будет изумляться». И они создали Землю. Создавал ее каждый бог, поднимая руку и делая знак, предуказанный этому богу. И Земля была первой забавой богов. Но через миллион лет Киб утомила игрушка. Он поднял руку и сделал жест, predeterminedный Кибу. Земля покрылась животными, чтобы Киб мог играть ими. И когда другие боги изумлялись, Киб сказал: «Это — жизнь». И боги испугались, что Киб когда-нибудь создаст людей и, таким образом, подвергнет опасности тайну богов. И тогда Мунг, завидя тому, что Киб создал жизнь, наслал на животных Смерть, но она их не могла уничтожить.

Прошел еще миллион лет. Вторая игра снова утомила Киб, и он сотворил людей из зверей. Тогда боги, страшась, что новые существа узнают их тайну, спустили непроницаемую завесу между познаваемым и непознаваемым. Мунг усиленно рабо-

тал среди людей. И когда боги увидали, что Киб те- шится новой забавой, они тоже пристали к игре. Игра эта будет продолжаться до тех пор, пока про- снется Мана, пожурит богов и скажет им: «Зачем вы играете мирами и солнцами, и людьми, и жизнью, и смертью»? И Мана посмеется тогда над ними. И бо- ги поспешно спрячут игрушки, и не станет больше миров. Ибо от смеха Мана-Юда-Суша вянет все.

Этот бледный пересказ даст читателям некото- рое представление о произведениях лорда Денсени, символизирующих время «крушения миров», пере- живаемое нами.

В английской литературе послевоенного перио- да можно указать также на несколько очень талант- ливых беллетристов-реалистов. Наиболее крупным из них является Комpton Мекензи, кажется, тоже неизвестный в России. Лучшими произведе- ниями его, дающими возможность читателю понять психологию нового английского поколения, являют- ся автобиографические романы »Sinister Street«, vol. I и »Sinister Street«, vol. II. В первом томе мы зна- комимся с воспитанием мальчика в Средней школе (изумительно описана известная St. Paul's School), а во втором с университетской жизнью.

В английской литературе, как видит читатель, после войны происходит такой же процесс мутации, т. е. стремительного накопления отличительных при- знаков, как и в социальной жизни. На наших гла- зах кристаллизуется новая Англия, совершенно не- похожая на довоенную, но это — естественный про- цесс эволюции.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Глава I. Кровавое похмелье	9
Глава II. Революционное брожение	43
Глава III. Эволюция парламентской рабочей партии	97
Глава IV. Английская деревня	143
Глава V. Социальное перерождение	189
Глава VI. Промышленность после войны	227
Глава VII. Наука и литература	259

„ПЛАМЯ“

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОД ОБЩИМ РУКОВОДСТВОМ ПРОФ.
Е. А. ЛЯЦКОГО.

Печатаются и готовятся к печати следующие книги:

- Аничков Е. В., проф. Западные литературы и славянство.
Бальмонт К. Д. Где мой дом?
Бальмонт К. Д. Мое — ей.
Вернадский Г. В., проф. Очерк истории права русского государства XVIII—XIX в.
Водовозов В. В., проф. Новая Европа.
Кизеветер А. А., проф. Три русских реформатора (Иван Грозный, Петр Великий и Сперанский).
Лапшин И. И., проф. Философия изобретения и изобретение в философии. Вып. II.
Ляцкий Е. А., проф. Роман и жизнь. Биография Гоголя по новым данным.
Пекарж И., проф. История Чехии (авторизованный перевод с чешского).
Стивенсон Л. Рассказы (пер. с английского).
Тэффи. Вечерний день.
Федоров А. М. Антология современной болгарской поэзии.
Гульельмо Ферреро. Трагедия мира (авторизованный перевод с итальянского).
Форслунд К. Зунзунг и Зинзилла (пер. со шведского).
Лафкадио Херн. Японские новеллы (пер. с английского).
Шмелев И. С. Рассказы.

СЕРИЯ «ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ТЕХНИКА».

- Вып. I. Новиков М. М., проф. и Шкафф В. А., пр. доц. Невидимые друзья и враги животного организма.
Вып. II. Лепешкин В. В., проф. Организм с точки зрения физики и химии.

Издания

«ВАТАГА-ПЛАМЯ».

Вышли и поступили в продажу:

- «На чужой стороне» — сборникъ, книга II, под ред. С. П. Мельгунова, при ближайшем участии проф. Е. А. Ляцкого и В. А. Мякотина.

Мельгунов П. Первые уроки истории. Древний Восток.
Лопатин Л. М. Лекции по истории новой философии.
Мякотин В. А. А. С. Пушкин и декабристы.

Печатаются и готовятся к печати:

Каррик В. — Сказки. **Мельгунов-Петрушевский** — Рассказы из русской истории. **Лункевич В. В.** — Микроскопический мир. **Лункевич В. В.** — Чудеса живой природы. **Лункевич В. В.** — Как идет жизнь в человеческом теле. **Елчанинов** — Учебник природоведения. **Елчанинов** — Простейшие опыты. **Елчанинов** — Физиология растений.

НА СКЛАДЕ:

Ляцкий Е. А., проф. Гончаров в кругосветном плавании. Очерк.

КНИГИ ИЗД.—ВА «СЕВЕРНЫЕ ОГНИ».

Ляцкий Е. А., проф. — Гончаров, его жизнь, личность, творчество. **Грибоедов А. С.** — Горе от ума, под редакцией Е. А. Ляцкого. **Крылов И. А.** Басни, под ред. Е. А. Ляцкого. **Народно-поэтическая литература** под ред. Е. А. Ляцкого: Сказки, утехы досужие. — Былины, старинки богатырские. — Русь страждущая, венец многоцветный («стихи духовные»). **Лагерлеф, Сельма** — Рассказы. **Дионео** — Пестрая книга. **Виноградов П. Г., проф.** — Учебники по древней, средней и новой истории. **Арениус, проф.** — Химия и современная жизнь. **Кейнс И. М.** — Экономические последствия мира. **Чехов А. П.** — Избранные рассказы.

БИБЛИОТЕКА «НАША РЕЧЬ»:

Русский букварь по Вахтерову. 2-е издание, с ударениями. **Сказка о Жар Птице,** с ударениями. Первая русская книга для чтения. 2-е издание, с ударениями. **И. Тургенев** — Бирюк, Пожар на море и др. рассказы. **А. Чехов** — Вишневый сад. **И. Тургенев** — Рудин. **А. Чехов** — Пять юмористических рассказов. **А. Пушкин** — Капитанская дочка. **В. Гаршин** — Надежда Николаевна. **Н. Мельникова-Папоушкова** — Антология русской поэзии XX века. ч. I. То же ч. II. — Новая поэзия. **А. Пушкин** — Борис Годунов. **Русские народные сказки** т. I и II, с многочисл. рисунками. **А. Пушкин** — Пиковая дама. **Салтыков Щедрин** — Сказки. Вып. I и II. **А. Пушкин** — Дубровский. **Т. Масарик** — О большевизме. **Б. Морковин** —

Русско-чешский словарь . Э. Радль, проф. — Томаш Масарик, его жизнь, общественная и научная деятельность. — Артисты Московского Худ. театра за границей. Сборник под ред. С. Маковского. С. Маковский. — Силуэты русских художников XIX. стол., со мног. роскош. репродукциями. Э. Дени. — Возрождение Чехии, под ред. проф. Э. Радля и Б. Соколова. Н. Гоголь. — Страшная месть. Майская ночь. А. Фан-дер-Флит, проф. — Арифметика приближенных чисел. Б. Соколов. — Митеж или исцеление.

Издания

«РУССКОГО КООПЕРАТИВНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА В ПРАГЕ»:

Анцыферов А. — Курс статистики. Анцыферов А. — Кооперативный кредит и кооперативные банки. Бензин В. — Сельское хозяйство и кооперация в Америке. Малицкий Н. — Кооперация среди земледельцев в Болгарии. Тотомианц В. Ф. — Кооперативная хрестоматия.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИЗДАТЕЛЬСТВ И ЖУРНАЛОВ:

«Русское кооперативное издательство в Праге», «Русская школа за рубежом», «Воля России».

Издания YMCA-PRESS (для Чехословакии) и др.

„RUSSIA“, журнал на итальянском языке, посвященный вопросам русской жизни, культуры и литературы, под ред. проф. Е. Логатто.

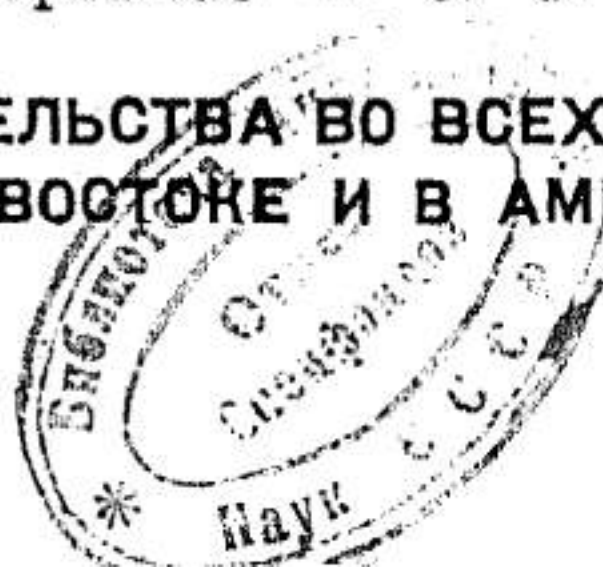
ЦЕНТРАЛЬНЫЕ СКЛАДЫ:

Прага—книжный магазин «НАША РЕЧЬ», Praha II., Jočná ul. č. 32. Берлин — книжный магазин «РОДИНА», Charlottenburg, Kantstrasse 22.

ОТДЕЛЕНИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ:

Прага — «Русская Избушка»; Ужгород — «Наша Речь»; Мукачево — «Родная Речь»; Пряшево — С. Ф. Геровский

ОТДЕЛЕНИЯ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВО ВСЕХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ, НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ И В АМЕРИКЕ.

« П Л А М Я »

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Под общим руководством проф. Б. А. ЛЯЦКОГО.

РРАНА II., JEČNÁ UL. 32.

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ СЛЕДУЮЩИЕ
КНИГИ:

АЛЕКСЕЕВ Н. Н., проф. Основы философии права. —

27 к. ч.

БУЛГАКОВ В. Ф. Толстой-моралист. — 5.50 к. ч.

ДИОНЕО. Англия после войны. — 25 к. ч.

ЖОРЖ ДЮГАМЕЛЬ. Цивилизация. Авторизованный пе-
ревод М. Л. Слонима. — 9.50 к. ч.

ЛАШО И. И., проф. Западная Россия и ее соедичение
с Польшею в их историческом прошлом. Историче-
ские очерки. — 19.50 к. ч.

ЛАШИН И. И., проф. Философия изобретения и изо-
бретение в философии. Вып. I. (Введение в исто-
рию философии). — 20 к. ч.

ЛОССКИЙ Н. О., проф. Сборник задач по логике. Учеб-
ное пособие. — 25 к. ч.

ТОЛСТОЙ Л. Л., граф. В Ясной Поляне. (Правда об отце
и его жизни). — 5.50 к. ч.

ЦИММЕРМАН М. А., проф. Очерки нового международ-
ного права. (Мирные договоры. Лига Наций. По-
стоянная палата международного суда). — 48 к. ч.

С запросами обращаться: Ррана II., Ječná 32.

Магазин под фирмой — „НАША РЕЧЬ“.

ПЛАМЯ

1941

Центральные склады изданий: Прага II., Ječná 32; тел. 94--16;
Berlin, Kantstrasse, 24, „Rodina“.